

Сборник
Стихов

КОНДАН

II ПЕРЕВОДЫ С АЗИАТСКИХ ЯЗЫКОВ

Сергей Заноза

Annotation

Конан заключает договор с древним демоном, которого должен доставить на его родину. В попутчики Конану навязывается девчонка-танцовщица, и вся эта компания совершают странствие на юго-восток хайборийского континента.

- [Михаил Ахманов](#)

- [Глава 1. Рождение Рана Риорды](#)
 - [Глава 2. В темнице Файона](#)
 - [Глава 3. Слава Рана Риорды](#)
 - [Глава 4. Дух секиры](#)
 - [Глава 5. Крушение Рана Риорды](#)
 - [Глава 6. Львы Таглуря](#)
 - [Глава 7. Странствия Рана Риорды](#)
 - [Глава 8. В джунглях Вендии](#)
 - [Глава 9. Похищение Рана Риорды](#)
 - [Глава 10. Состязание в Уттаре](#)
 - [Глава 11. Плен Рана Риорды](#)
 - [Глава луксурского храма пожал плечами.](#)
 - [Глава 12. Кхитайские пираты](#)
 - [Глава 13. Забвение Рана Риорды](#)
 - [Глава 14. Море Mu](#)
 - [Глава 15. Сны Рана Риорды](#)
 - [Глава 16. Алтарь на краю света](#)
 - [Комментарии к роману "Конан и Небесная Секира"](#)
-

Михаил Ахманов

Конан и небесная секира

(под псевдонимом Майкл Мэнсон)

О времени, называемом в хайборийских королевствах Допотопной эпохой, известно немногое: пожалуй, в летописях можно найти сведения о самом последнем ее периоде, да и то они окутаны туманом легенд. Наиболее ранние исторические хроники рассказывают об упадке допотопной цивилизации, хотя процесс этот тянулся не один век. Наиболее могущественными в ту пору были державы Гирканского материка (или Туранского, как именуется он в некоторых источниках) - Валузия, Камелия, Верулия, Грондар, Тулэ и Коммория. Народы этих стран говорили на одном языке, что свидетельствует об общности их происхождении. Варварами же той далекой эпохи являлись пикты, обитавшие на далеких островах в Западном океане, и атланты, населявшие небольшой цветущий континент между островами пиктов и Туранским материком.

Альмаденские Скрижали, Плита I, строки 35-42

Глава 1. Рождение Рана Риорды

Говорят, что прародитель Гидалла, Великий Кузнец, провидец и старейшина клана Южного Ветра, ковал ее на бесплодной вершине Айи, возносявшейся некогда над волнами морскими на две сотни бросков копья. Небо в тот день было безоблачным и ясным, но чудилось, что земля, воды и воздух содрогаются под напором невидано яростной бури: удары чудовищного молота разносились вдоль побережья подобно грому, а искры, срывавшиеся с наковальни, блестали как всполохи молний. Колебалась почва, трескались несокрушимые прибрежные утесы, во внутренний долинах, зеленых и плодородных, высокие деревья раскачивались словно трава на ветру, реки выходили из берегов либо стремительно мелели, обнажая каменистое дно. Так, в грохоте и водопадах обжигающих искр, то молчаливо погружаясь в пламя гигантского костра, то гневно звеня и шипя под молотом божественного кователя, рождалась Рана Риорда, Небесная Секира, драгоценное наследие потомков Гидаллы.

Великий Кузнец и старейшина ковал ее с рассвета до заката из небесного камня, рухнувшего на безлюдную вершину Айи в незапамятные времена, когда Древние Боги, хранители Равновесия, сошлись в схватке с Демонами Хаоса. Долго бились они в мрачной пустоте, что простиравась за гранью хрустального купола небес, жгли друг друга звездным огнем, морозили глыбами вековечного льда, метали огромные каменные глыбы; свались такая в Западный океан, пришел бы конец и Островам Пиктов, и цветущей Атлантиде, и, быть может, самому бескрайнему Туранскому материку. Но рок и случай благоволили людям - лишь один осколок тех небесных глыб пал на землю, в ослепительной вспышке врезался в гранитную твердь Айи и застыл там словно снаряд из пращи, поразивший намеченную цель.

Увидел то Гидалла, который в стародавние времена властвовал над южным пределом и южным корнем атлантов, и послал слуг своих на вершину Айи. Вернулись они не скоро и сказали старейшине разное: одни утверждали, что камень хранит дыхание грозных богов, ибо горяч он, как накаленный в кузачном горне слиток меди; другие же опасались, что метнула его длань демона, ибо был он страшен видом и темен, как ночные небеса. Правда, никто из посланных не рискнул подойти к тому камню даже на сто шагов или коснуться его хоть пальцем; разглядывали они камень издалека, и потому речи их были неясны, смутны и полны ужаса.

Гидалла же, Великий Кузнец и провидец, поразмыслив, решил: пусть лежит прилетевший со звезд камень на вершине Айи, пока не проявятся его естество и скрытая сущность. Мудрым было то решение, поскольку всякая сущность, полезная либо вредоносная, становится ясной со временем. А времени у Гидаллы-прародителя было сколько угодно; ему, отпрыску Древних Богов, скорая смерть не грозила. И потому мог он ждать, и ждал долго, несчетное множество поколений, пока не увидел, что от павшего с небес камня нет никакого вреда.

А затем, выбрав день из удачных дней, взвалил он на левое плечо свой молот, на правое - наковальню, на спину - мехи и мешки с черным углем, и отправился на гору Аяя, самую высокую средь гор благословенной Атлантиды. Тяжела была его поступь; говорят, что в прежние времена, до Первого Потопа и Великой Катастрофы, на склоне Айи всякий мог увидеть отпечатки его следов - огромные продолговатые впадины, что цепочкой тянулись от подножия до самой вершины. Добирался же туда Гидалла ночь, день и еще одну ночь, а когда

пришел, поставил наземь наковальню, положил на нее свой молот, сбросил мешки со спины и приблизился к камню. Был тот небесный камень угловат, ребрист и черен, как сердце злого духа, но не устрашился Великий Кователь; развел огонь, чистый и жаркий, заклял его Четырьмя Ветрами, Семью Светилами, Ночью и Днем, Светом, Тьмой и собственной божественной силой, а потом погрузил в пламя черный слиток. И спала с него корка, словно звериная шкура, и засиял он лунным серебром, заблистал золотом солнца, заискрился небесной голубизной.

Необычным показался Отцу Гидалле этот металл, ибо в те давние времена знали атланты красную медь, и желтую бронзу, и темное железо, но даже сам Великий Кователь не ведал, сколь ярко сверкает стальной клинок или или серп. Поглядел он на слиток и решил, что вид его прекрасен, а свойства - превосходны, ибо лежит на нем божественная печать. И, воздев к небесам свой молот, произнес прародитель:

– Что сделаю я из сего камня? Скую плуг, чтобы без устали, год за годом, бороздил он мягкую землю? Скую якорь, чтобы прочно держал он судно в грозу и в бурю, в шторм и в ураган? Скую чашу для масла и вина, огромную и сияющую подобно полной луне? Или скую цепь, нерушимые оковы для врагов моих пиктов, для вождей Валузии, Туле и Грондара?

Тут он остановился, подумал и сказал так:

– Но вспаханные добрые земли, и быстрые корабли с мачтами и веслами, и драгоценную посуду можно отнять, ибо ни плуг, ни якорь, ни чаша не защитят в годину бедствий; возложить же цепи на врагов своих можно лишь победив их оружием. А потому скую я не лезвие плуга, а лезвие боевого топора, не острие якоря, а губительное навершие секиры, не глубокую чашу для вина, а прочные кольца для рукояти - и обратятся те кольца, и лезвие, и острие в цепь и рабский ошейник для недругов моих!

Как сказал Гидалла, так и сделал. С утренней зари до вечерней звенел и стучал его молот, сыпались алые искры, выли и ярились Четыре Ветра, когда Великий Кузнец раздувал мехи. Грохот и черный дым, расположившийся по склонам Айи, пугали птиц; с криком метались они над морем и скалами, словно неприкаянные души, ускользнувшие с Серых Равнин. Вздрагивала земля, и звери лесные уносились прочь, подальше от берега, от жуткого грома и яростных молний. Рушились хижины, ураган срывал крыши, валит изгороди, калечил рощи фруктовых деревьев; в ужасе ревел на пастбищах скот. Но люди были спокойны. Знали они, что прародитель Гидалла, спустившись с высокой вершины Айи, подарит им нечто. Силу ли, что пересилит сильных, мощь ли, невиданную в веках, защиту ли и крепость, что устоят под ударами жестоких врагов. Не только устоят, но и позволят ответить ударом на удар, кровью за кровь, набегом за набег!

И воины клана Южного Ветра, рослые широкоплечие мужи, черноволосые, с синими глазами, то простирали руки на запад, к островам диких пиктов, то на восток, где за широким проливом лежали богатые туранские земли, где тянулись бескрайние равнины, где, подпиная небеса, выселись каменными громадами города Валузии и Туле, Коммории и Грондара. Простирали руки мужи на запад и восток и грозили недругам кулаками; и был для них грохот гидаллова молота слаже нежных напевов флейт.

Солнце склонялось к закату, когда Великий Кузнец отложил свой молот. Небесная Секира, Рана Риорда, сверкала перед ним; искрилось и блестело ее лезвие, похожее на половинку серебряной луны, грозно топорщился четырехгранный наконечник, и два кольца шириной в ладонь были приготовлены для рукояти. На верхнем выбил Гидалла крест, знак старших братьев своих, Четырех Ветров, раздувавших его горн на вершине Айи; на нижнем -

символ семи звезд, Семи Светил, своих младших братьев, что указывали дорогу путникам и мореходам. На лезвии же огромного топора не было ни тайных знаков, ни священных символов, ни украшений, ни рисунков, ни иероглифов, ибо предназначалось оно провидцем Гидаллой для других дел и иных свершений.

Рана Риорда лежала поперек наковальни словно новорожденный младенец, коему боги не успели еще даровать душу. Она была мертва; вернее, еще нежива, потому что смерть означает забвение и тлен, а перед нею простирался долгий путь - столь долгий, что сам Гидалла, кователь-провидец, отпрыск Древних Богов, не мог пройти по нему мыслю и чувством до конца.

Он поднял руки к вечернему небу, потом раскинул их в стороны, над водами и землями, реками и ручьями, скалами и горами, равнинами и лесами. Здесь и там - повсюду! - обитали братья его и сестры, такие же потомки Древних Богов; и всех их молил Гидалла о помощи, просил поделиться частицей своей силы. У неба и небесных светил испрашивал он сияние и блеск; у скал - несокрушимую крепость; у вод - подвижность и гибкость; у ветров - стремительную силу и жестокость; сам же он наделял творимую душу провидческим даром.

Откликнулись стихийные духи, родичи Кузнеца - те, чьи имена исчезли, канули в вечность после Великой Катастрофы. Но в допотопном древнем мире были они еще могучи и сильны, и сила их перелилась в руки Гидаллы; он ощущил ее как тяжкий и жаркий поток, устремившийся от плеч к локтям и запястьям - словно река огненной лавы стекала по жилам его, чтобы выплеснуться куда-то, в воздух, в камень или металл, проникнуть в мертвую бесплодную твердь, наделив ее тайной и могущественной жизнью. Прикрывая ладонями сверкающее лезвие, Кователь сгорбился и застыл, щепча заклятья; дар родичей впитывался в холодную сталь, пробуждал ее от сна. Он чувствовал: то - грозный дар! Страшный!

Потом он резко отвел руки, и капля крови из рассеченного пальца расплылась на серебристом металле. Секира будто бы вскрикнула; багровая вспышка метнулась по кромке ее лезвия, и кровь исчезла.

Склонив голову, Гидалла посмотрел на свое творение - уже живое, подавшее голос в первый раз - и произнес:

- Отныне и впредь будешь ты узнавать мою кровь, мою плоть и руку моих потомков. Ты не предашь их, ибо карой станет развоплощение и гибель; ты не покинешь род Южного Ветра, ибо жизнь твоя будет зависеть от сыновей моих, внуков и правнуков - только они дадут тебе то, чего ты жаждешь. Предсказывая, ты не обманешь их; сражаясь, не подведешь. Попав же к чужим, ты будешь убивать, убивать и убивать! Убивать, пока не вернешься к роду моему и племени, в руки того, кто окажется старшим из моих потомков. Он насытит тебя, он тебя успокоит! Он повелит, и ты выполнишь!

И, сказав так, Гидалла увидел, что Небесная Секира легла одним концом к землям Востока, а другим - к островам Запада. И понял он, что это хорошо, ибо и там, и тут были враги. Грозно усмехнулся Великий Кователь и одарил серебристую сталь еще одной каплей своей крови.

Так родилась Рана Риорда - кому на радость, кому на горе.

Да будет ведомо тем, кто направляется к берегам Стиksa - то ли по делам торговым, то ли следя похвальному желанию повидать иные страны

- что народ в стигийских пределах мрачен и угрюм, как всякое племя, отринувшее светлого Митру.

Поклоняются же стигийцы проклятому Сету, Змею

Вечной Ночи, и воистину правят ими не светские государи-владыки, а коварные жрецы-чародеи, чьи мерзости, и хитрости, и тайные заклятия способны устрашить любого. Что же до их главных городов, то таковых насчитывается три: Кеми, близ самой дельты Стикса, Луксур и обитель мертвых Птейон.

За ним же, еще далее к востоку, на правом берегу реки, где она поворачивает в океан, стоит сильная крепость Файон, откуда стигийцы посылают воинов против шемитов. Место то, называемое

Сгибом, грозит корабельщикам бедой, ибо воды

Стикса бьют с разбега о скалы, и лишь опытный кормчий может провести судно без ущерба мимо гибельных водоворотов и бурунов.

Аквилонский манускрипт "Правдивое и истинное описание краев чужедальних, лежащих на полдень и на восход солнца"

Глава 2. В темнице Файона

Упираясь коленом в щербатый осклизлый камень, сжимая толстые прутья решетки, Конан висел на стене словно ящерица-геккон, пойманная в невидимые путы. Снаружи темнело; Стикс, темно-смоляной, стремительный, мрачный, ревел и клокотал у подножия скалы, увенчанной короной из семи высоких конических башен. Через неширокую щель зарешеченного окошка киммериец не мог разглядеть ни ближайших замковых укреплений, ни узкой каменистой отмели внизу - той самой, где он потерпел крушение пару дней назад. Там его и взяли - пока он валялся без памяти средь обломков своей лодки. Схватили, и без всяких расспросов, даже не накладывая оков и уз, швырнули в этот каменный мешок... Видно кто-то из стигийцев знал, кого вынесли к стенам Файона темные речные воды! Знал и поторопился упрятать обезоруженного пленника понадежней, пока тот не очнулся и не пустил в ход кулаки.

Пленника? О, Кром, Владыка! Не стоило обманываться на этот счет. Он не был пленником, он был осужденным. И приговор уже привели в исполнение... За два дня, что он просидел в проклятом каземате, ему не дали и крошки хлеба! Он вообще никого не видел и не слышал, лишь изредка какая-то тварь ревела и бушевала где-то наверху, над его темницей. Все, что он помнил - быстрое круженье в водовороте у скал, обломок весла в руке, удар, погасивший сознание... Очнуться ему предстояло уже тут, в каменной мышеловке, нагому, безоружному, беспомощному. Он валялся на прелой соломе, а рядом стоял глиняный кувшин с водой - отнюдь не знак милосердия, а лишь способ продлить его муки.

Яростно вскрикнув, Конан попытался тряхнуть решетку, но безуспешно: железные прутья толщиной в три пальца были надежно заделаны в камень. Даже если б он стоял на земле, а не висел под сводчатым потолком камеры, с такой преградой не удалось бы справиться голыми руками. Тут нужен молот, мелькнуло у Конана в голове, большой кузнецкий молот и зубило, да еще веревка, чтоб привязаться к решетке во время работы... Кром! О чем это он? Какой молот, какое зубило? У него были лишь тряпка на бедрах, кувшин, опустевший еще вчера, и охапка грязной соломы, провонявшей мочой.

Киммериец снова рванул решетку и взвыл - бешено, по-волчьи, как воют серые хищники голодной зимой на ледяных равнинах Асгарда. Крик его раскатился над темной водой, бушевавшей внизу, и сразу же сверху долетел ответный вопль, басистый и гулкий, полный неимоверной ярости. Несколько мгновений Конан прислушивался, жадно вдыхая свежий воздух, свободный от смрадных испарений темницы. Чей голос он слышал? Какую жуткую тварь держали в этой башне, пленником или стражем? Скорее, пленником - хоть вопль и не походил на человеческий, в нем слышались гнев и страдание. Возможно, союзник, собрат по заключению?.. Это удалось бы выяснить, если б он сумел выбраться наружу... С другой стороны, коли б он выбрался, зачем ему союзники? К Нергалу их!

Он спрыгнул вниз, на пол, покрытый изъеденными временем гранитными плитами, рассадив колено о шероховатый выступ. Бормоча проклятья, Конан вытер кровь, стряхнул багровые капли с ладони и, выбрав на ощупь клок соломы почище, прижал к царапине. Потом он уселся в угол, прислонившись голой спиной к влажноватому камню, опустил веки и задумался; лицо его было мрачным.

В камере размером пять на пять шагов воцарилась тишина. Кроме охапки гнилой соломы да пустого кувшина, тут было еще отверстие в полу - узкая дыра для слива нечистот, в

которую не удалось бы просунуть и ступни. Другое отверстие, шириной в пару локтей, находилось посередине сводчатого потолка; будь у Конана копье он мог бы дотянуться до массивной плиты, перекрывавшей этот люк. Вероятно, через него осужденного и сбросили в камеру - к счастью, вниз ногами, иначе он рисковал бы очутиться на полу со сломанной шеей. В наружней стене, на высоте восьми локтей, в темнице имелось окно, забранное толстенной и частой решеткой; к нему Конан подбирался тогда, когда смрадный дух в каменном мешке становился невыносимым.

Странное дело! Он мог поклясться, что в этой камере никто не сидел лет десять, а то и целый век, но вонь от этого не сделалась меньше. Видно запахи мочи и испражнений, пота и крови, смрадный дух гниющей плоти въелись в древние камни навсегда, пропитав их до самой сердцевины ароматами безысходности, ужаса и муки. Конан, однако, не испытывал страха - лишь яростный гнев леопарда, по собственному недомыслию угодившего в капкан.

Он с раздражением откинул пропитанный кровью пук соломы, плонул в ладонь и растер слону вдоль царапины. Края ранки разошлись; багряная струйка потянулась к ступне, собираясь лужицей на полу. Помянув Сета и всех его грязных стигийских ублюдков, Конан оторвал клок ткани от набедренной повязки и прижал тряпку к колену.

Да, невесело закончились его приключения в Черных Королевствах! Прежде он тут не бывал; подвизался на севере да в срединных хайборийских землях, истоптав их от Заморы и Бритунии на востоке до Аргоса, Зингары и Пустоши Пиктов, что лежали на берегу Западного океана. Случалось ему попадать и в великие города Турана, к примеру, в Аграпур, где он командовал отрядом наемников; сам светлейший Илдиз, турецкий владыка, ему доверял, отсылая с непростыми и опасными поручениями то в Меру, то в далекий Кусан, на границу с Кхитаем. Так что в гирканских степях и пустынях, по обе стороны моря Вилайет, ему тоже довелось постранствовать - пока он не рас прощался с Тураном, отправившись к себе в Киммерию. Затем была служба в Боссонских топях, на пиктской границе - места мрачные и невеселые, откуда он вскоре перебрался в Бельверус, немедийскую столицу, а потом - в Офир. Благодатная страна, богатая и щедрая - и на золото, и на вино, и на женскую ласку! Да что толку, коль правитель немощен? Добро бы вокруг трона старого Вальдрика плелись интриги обычными людьми, жадными до власти... Так нет, припутили сюда еще и демона! Да такого, что мог схарчить днем весь Офир, закусив вечером соседними Коринфии и Кофом!

Вспомнив пылающие зрачки Аль-Киира, Конан невольно вздрогнул и крепко стиснул кулаки. С демоном, отрыжкой Нергала, ему удалось совладать, но Ианта, прекраснейший из офирских городов, опостылела в конец; он отправился в прибрежный Аргос, ввязался в драку с королевскими гвардейцами в каком-то кабаке и едва успел унести ноги на купеческой галере, что шла на юг, в Куш. Там, в кушитских водах, он и встретился с Белит...

Белит!

Конан застонал сквозь зубы, словно тигр, потерявший подругу, и раскрыл глаза. В каменном его мешке совсем стемнело, в узкой щели высокого окна мерцали первые звезды. Он скорчился у внутренней стены, от которой тянуло сыростью и холодом, но перебираясь к наружней, нагретой за день палящим южным солнцем, не хотел: там сильней ощущалась жажда. Правда, большой потребности в воде, а тем более - в пище, он еще не испытывал; он мог голодать подолгу, не теряя выносливости и силы. Вода - другое дело; воду из кувшина он прикончил еще вчера, когда очнулся в вонючей дыре, в одной из десятков темниц Файонского замка. У него гудела голова, болел затылок, расшибленный о камни на речном берегу, и боль

усиливала жажду. Звериным инстинктом варвара он понял, что должен пить, чтобы справиться с болью и окончательно прийти в себя; для этого вполне хватило полного кувшина. Голова уже не раскальвалась напополам, лишь изредка постреливало в затылке; все остальное, ссадины да синяки, включая и кровоточившую ранку на колене, не стоило даже упоминать. Еще ночь и день, другую ночь и другой день он продержится без воды, сохранив трезвый разум и телесную мощь... да, пару дней и ночей он вынесет, и за это время надо убраться из стигийского гадючника! Потом начнут путаться мысли и станет не до побега - будут мерещиться реки да ручьи, водопады да озера... Об этом Конан знал по собственному печальному опыту - в гирканских пустынях и в засушливых степях Замбулы водилось не больше влаги, чем в этой каменной крысоловке. Вдобавок там было куда жарче!

Ему полагалось искать сейчас пути к спасению, но в голове по-прежнему кружили мысли о Белит.

О, Белит, Белит! Королева Черного Берега, владычица быстрой и безжалостной "Тигрицы"! Смуглянка с гибким станом и полными грудями! Он видел ее темные пылающие глаза, черную волну локонов, падавших на обнаженные плечи; сквозь гнусные запахи каменного мешка пробивался аромат ее тела, незабываемый, как свежий и чистый запах снегов на склонах киммерийских гор. О, Белит, прекрасная, желанная, потеряянная!

Он не расставался с ней и ее чернокожей командой несколько месяцев, если не считать недолгого путешествия в Тайю, в Заоблачный Турхан... Но и туда он попал ради Белит, пытаясь выручить ее брата... И не его вина, что Джихан предпочел смерть воина жизни калеки! Впрочем, что думать сейчас об ошибках и винах... сейчас, когда Белит мертва!

Погибла она плохой смертью, в развалинах древнего города, полного сокровищ, в руинах на берегу сумрачной Зархебы, медленно струившей свои воды среди непроходимых лесов Черных Королевств. Пока Конан блуждал в джунглях, какая-то тварь напала на корабль, перебила черных воинов и добралась до Белит... Он не сумел спасти ее, защитить - ему достался лишь труп, мертвое тело, подвешенное к ре "Тигрицы" на ожерелье из пурпурных алмазов... На смуглой шее девушки они сверкали точно капли крови...

Потом он очутился в Кешане и Пунте, но дальше на юг не пошел. Неудачи преследовали его; добыча выскользывала из рук, дела двигались не слишком успешно - то ли потому, что думы о смерти Белит гнетущей тяжестью давили сердце, то ли из-за гнусных обычаев и мерзкого климата Черных Королевств. Тут не слышали светлого имени Митры, Владыки Жизни, не ведали о милостивой Иштар и могучем Аримане; и уж конечно ни один из чернокожих нобилей и их поданных-полурабов знать не знал про киммерийского Крома, Повелителя Могильных Курганов. Не то чтобы Конан нуждался в божественном покровительстве, но он внезапно ощутил тоску по краям, где звучит хайборийская речь и где, опуская клинок на вражескую шею, можно возвратить к грозному Крому - в надежде, что он услышит тебя и оскалит зубы в жестокой усмешке.

Итак, позаимствовав пирогу у каких-то рыбаков, обитавших на границе Зембабве и Пунта, Конан направился вниз по течению. Цель свою он представлял достаточно хорошо: добраться до Сгиба, где Стикс почти под прямым углом поворачивает на запад, к океану, и высадиться там берег. На правый берег, разумеется, туда, где высилась горная цепь, отделявшая восточную Стигию от Шема и Турана. Область эта была сравнительно безлюдной, и Конан надеялся без хлопот миновать сторожевые посты в горных ущельях, не без основания полагая, что стигийские копейщики, в шлемах и броне, с тяжелыми щитами, не угонятся за ним на скалистых склонах, среди коварных осипей и ненадежных тропинок,

ведущих к высоким перевалам. Перейдя горы, он мог направиться либо на восход солнца, к Замбуле и далее, к великим турецким городам, Аграпуру, Шангаре и Хоарезму, либо на закат, в шемитские пределы, к Эруку и Асгалуну. Можно было уйти и на север, в Коф, Офир или в Замору, которую Конан покинул лет семь или восемь назад; он был бы непрочь навестить давних приятелей в Пустынке, самой разбойной части Шадизара, где прошла его юность. Возможно, опустошив винные запасы в ее кабаках и приголубив дюжину-другую заморских красавиц, он забыл бы и про Черные Королевства, и про Белит, и про корабль ее, быструю "Тигрицу", что гнил сейчас на побережье Куша или Стигии... Возможно, все возможно!

Если возвратиться к путешествию по реке, то особых сложностей тут не ожидалось. Пирога, небольшое суденышко, плетеное из прутьев, обтянутых толстой кожей гиппопотама, была надежной и крепкой; течение - быстрым, солнце - палиющим и жарким, а ночи - умеренно прохладными и свежими. Кроме меча, кинжала и метательных ножей, у Конана имелся добрый аргосский самострел, а в дичи на речных берегах недостатка не наблюдалось; подстрелив антилопу, путник мог не заботиться о пище три-четыре дня. Конечно, он помнил о Файоне, стигийской семибашенной крепости, что высились на скалах у самого Сгиба, но с чего бы беспокоиться на сей счет? Он собирался бросить пирогу в половине дня пути от Файона и сразу же углубиться в предгорья, где целая армия стигийских латников могла безуспешно выслеживать его хоть целый год.

Но видно проклятый Сет решил подщутить над ним! Сету, владыке этой земли, повелителю стигийских пирамид, городов и башен, хозяину мрачного Стикса, чужаки были не по нраву. Особенно киммерийцы! Тем более, один из них, самый дерзкий, чей меч и кинжал положили немало стигийских солдат, жрецов и магов Черного Круга!

Злобный Сет, вонючий червь, безногая ящерица, отвел ему глаза... Или в том виноваты воды Стикса, что внезапно устремились вперед с невиданной ревностью, кипя и бурля, словно похлебка в адском котле? Конан не мог разглядеть еще и кровель файонских башен, когда мощный поток подхватил его суденышко и понес на север, волоча будто на тугу натянутом канате. Выгрести к берегу из этой стремнины не удалось бы и на пятидесятивесельной галере; оставалось ждать и надеяться на лучшее.

Надежда, однако, покинула киммерийца, когда взгляду его открылся Файон - семь гигантских каменных зубцов, соединенных стенами в двадцать длин копья вышиной, воздвигнутых из черного стигийского гранита. Древняя цитадель высились на широкой и плосковатой у вершины скале, отроге тянувшегося к северу горного хребта; с южной стороны утес круто спускался к неширокой отмели, заваленной огромными валунами. Среди них ревела, буйствовала вода - тут набегавший с юга стремительный поток лоб в лоб сталкивался с каменной преградой, метал в нее струи-копья, бил в гранитный щит покрытыми пеной кулаками и, усмиренный, изнемогший, круто сворачивал к западу.

Пирогу Конана закружило в водовороте, затем понесло прямиком на темные валуны. Он еще успел разглядеть фигурки лучников, спускавшихся к отмели по вырубленным в скале ступенькам, успел удивиться, отчего они не стреляют, успел заметить блестящий шлем военачальника и черную хламиду жреца, шагавших во главе отряда... Через мгновение последовал сокрушительный удар, жалобный треск сломанного весла, стон рвущейся кожаной обшивки; затем наступила тьма.

Конан поднял голову, всматриваясь в узкий вытянутый прямоугольник окошка. Взошла луна; бледные холодные лучи ночного светила падали на руки и плечи киммерийца, на

стиснутые кулаки, на хмурое лицо с насупленными бровями. Он слушал, смотрел - так, как слушает и смотрит дикий зверь, попавший в охотничий капкан; он походил сейчас на барса, решавшего, то ли отгрызть защемленную злым железом лапу, то ли вцепиться клыками в неподатливый металл ловушки. Где-то над ним, в верхних этажах чудовищной башни, раздавались едва слышные стоны и вздохи - не то ветер посвистывал меж зубцами парапета, не то некое существо, неведомый монстр, жаловалось на судьбу, или проклинало ее, или молилось своим жестокосердым богам. Один миг киммерийцу чудилось, что он различает звон цепей и скрежет железа; потом неясные звуки стихли, и над его камерой воцарилась тишина.

Он потер ссадину под коленом, содрал пропитанную кровью тряпку и бросил ее на пол. Поднялся, погрозив потолочному люку огромным кулаком и бормоча: "Ублюдки Нергала! Выберусь, каждому вырву печень... или вспорю брюхо... Жаль только пачкать клинок в вонючих стигийских кишках... забить бы кол в задницу, и все..." Он понимал, что угрозы эти бессильны, и оттого ярился еще больше; он знал, что не погрузит свой меч в животы стигийцев, ибо клинок его, и кинжал, и арбалет со стрелами покоились скорее всего на речном дне. Вот об этом стоило в самом деле пожалеть: доброе было оружие! Но даже с ним не одолеешь каменные стены и железную решетку...

Может, уцепиться за прут, упереться ступнями в стену и согнуть железный стержень? Вдохновленный этой идеей, он шагнул к окну, коснулся изъеденной временем поверхности камня, затем разочарованно покачал головой. Нет, не выйдет... Узкая бойница была прорезана горизонтально, и каждый из десятка прутов не достигал и локтя в высоту. Такой не согнешь! Тем более, что его могли заделать в камень на пару ладоней и заклясть крепкими чарами... Тут надо рубить! Вот только чем? Осколками глиняного кувшина?

Вдруг Конан резко обернулся, разобрав чуть слышный шорох за спиной. Пол у внутренней стены, где он сидел еще недавно, освещала луна; свет был неярким, но его глаза, острые, как у степного коршуна, различали пучок соломы, который он прижимал к ссадине, и окровавленную скомканную тряпку. Неожиданно ему показалось, что она шевелится, будто под набухшую кровью ткань забрался мышонок. Шевеление сопровождалось странными звуками - так шуршит, шелестит и попискивает ссохшаяся губка, впитывая морскую воду или масло.

Губка? Откуда здесь губка? Конан замер, стиснув челюсти и вперившись взглядом в пол. Что-то там было неправильно, неверно... что-то было не так...

Внезапно он понял, что. Кровавая лужица, темневшая раньше у его ступни, исчезла; клок соломы тоже казался сухим. И тряпка, мокрая от крови! Она высыхала прямо на глазах!

Колдовство?

Киммериец отступил и прижался к стене под самым окном, чувствуя, как холод подбирается к сердцу. Ему немногое было известно о Файонской цитадели, но он помнил, что крепость эта была древней, очень древней, выстроенной в незапамятные времена еще тем народом, что обитал в долине Стиksа задолго до стигийцев - возможно, еще до Первого Потопа. А раз так, здесь, в этом мрачном старом замке, могла водиться всякая нечисть - демоны и монстры, порождения минувших веков, призраки, зомби или грешные души, что не могли упокоиться на Серых Равнинах, либо злобные твари, прислужники Сета и Нергала. Что угодно - хотя бы камни, высасывающие кровь из узников! И можно было не сомневаться, что любое из таких жутких чудищ сейчас подвластно магам Черного Круга, ибо они вынюхивали и выискивали в старых руинах, лабиринтах и тайных камерах следы всяческого

древнего зла, дабы обратить его к своей пользе.

Конан стиснул кулаки, напряг плечи, словно готовился к смертельному прыжку. В варварской его душе мужество сражалось с отчаянием и страхом; как все киммерийцы, он был суеверен и предпочитал не связываться с чарами, колдовством, злыми магами и существами загробного мира. Но если уж ему приходилось встречаться с подобной нечистью, он не отступал; он бился как разъяренный тигр, полагаясь и на силу свою, и на острый меч, на меткую стрелу, на боевой топор или окованную железом дубину. Однако сейчас он был безоружен. В этих четырех стенах он мог рассчитывать лишь на то, чем обладал с рождения: на крепкие мышцы, хитрость и неистребимую яростную тягу к жизни.

В воздухе, над полом, освещенным луной, наметилось зыбкое призрачное трепетание. Что-то неясное, полупрозрачное возникало там, медленно поднимаясь над истертными гранитными плитами, проскальзывая в щели меж камней, выползая из крохотных трещин подобно болотному туману, встающему над темными и мрачными водами. Казалось, древние камни Файона исходят паром, красноватой вихрящейся дымкой, словно некое существо, заключенное от века в тесный плен гранитной тверди, стремилось вырваться из оков, освободиться, стряхнуть мучительные узы, обрести свободу. Конану, застывшему под окном, еще не удавалось разглядеть, на что похожа эта туманная тварь; розовое облачко кружило перед ним, вытягивалось кверху, бесформенное и бестелесное, лишенное конечностей и головы, смутное, как фантом, обитающий вочных кошмарах.

Но оно, это создание, не было фантомом! Полупрозрачный туман внезапно уплотнился, обрел устойчивые очертания, и киммериец с облегчением перевел дух. Человек! Несомненно, перед ним был человек или нечто человекообразное - призрак человека либо демон, воплотившийся в привычные глазу формы. Во всяком случае, Конан не видел ни рогов, ни клыков, ни когтей, ни перепончатых крыльев или хвоста, ни разверстой зубастой пасти - ничего, что можно было бы счесть явным знаком Нергала или другого темного божества. Впрочем, не стоило торопиться с выводами; этот призрачный пришелец, восставший из файонских камней, вполне мог служить Нергалу, Сету, Шешуму, кровожадному идолу чернокожих, или всем им вместе взятым.

Подрагивая, словно клок тумана на ветру, призрак скорчился в трех шагах от киммерийца. Облачная плоть его отчасти сохранила прозрачность, но казалась теперь не красноватой, а скорее серебристой, отливая холодным отблеском полированной стали. Конану никак не удавалось определить, наг ли пришелец или облачен в некое подобие одежды: тело его словно бы окутывал широкий и просторный плащ, из-под которого вдруг выступали то угловатое плечо, то рука, ступня или колено. Лицо, занавешенное капюшоном, маячило смутной тенью; черты его плыли, менялись в зыбкой неопределенности между мужским и женским обличьем, и только глаза, огромные, горящие ледяным огнем, были неподвижны: два пронзительно-синих сапфира в оправе густых черных ресниц.

Чем дольше Конан приглядывался к этому странному существу, тем спокойней становилось у него на сердце. Чем или кем не оказалось бы это туманное бесполое Оно, вид его был не слишком устрашающим. И не потому лишь, что пришелец не имел когтей, клыков либо иного демонического оружия - ведь человек, призрачный или реальный, на самом деле мог представлять не менее страшную угрозу, чем целый сонм демонов. Возможно, сей призрачный монстр тоже являлся когда-то опасной и хищной тварью, но сейчас он выглядел так, словно его не кормили столетиями. Члены его, приоткрытые плащом, были костлявыми, тонкими, жилистыми и сухими; лицо поражало неестественной худобой; сгорбленные же

плечи и тощая фигура могли принадлежать лишь немощному старику. Или старухе - Конан все еще пребывал в сомнении насчет пола этого существа.

Но он его не боялся. Стоило ли тревожиться из-за клочьев зыбкого тумана? А если Оно обретет вещественность и телесность, то покончить с таким жалким созданием можно одним ударом кулака... Разумеется, если призрачный гость, порождение файонских камней, не обладал некой могущественной магией, в чем Конан сильно сомневался. Какие уж тут чары! Одна кожа да кости, и к тому же сотканные из полупрозрачной серебристой дымки... Правда, были еще и глаза, горевшие неукротимым сапфировым огнем.

Бесцветные губы призрака зашевелились. Он что-то хотел сказать, но похоже, язык не повиновался ему; до Конана долетели лишь хриплые звуки, напоминавшие лай иззыхающего шакала. Однако странная тварь не оставляла своих попыток, и вскоре киммериец разобрал:

— Крр-роовь... крр-роовь... крр-роовь...

Теперь это походило на скрип немазанного тележного колеса. Конечно, призрак хотел крови - чего ж еще жаждать подобному существу? Но хотеть и взять - разные вещи; Конан не собирался по доброй воле делиться с туманным монстром кровью, а получить ее силой тот явно не мог.

— Крр-роовь... - хрипела призрачная тварь, - крр-роовь... Отслужууу...

Отслужу! Это было уже нечто новое. Нечто интересное! Конан бросил быстрые взгляды на решетку в окне, на каменную плиту, что перегораживала потолочный люк, и вновь уставился на скорченную серебристую фигуру.

— Хочешь крови, ублюдок? Ты что, вампир?

— Нне... нне-ет... Крр-роовь... ссила... ссила по-однять... по-однять... отслужууу...

Оно - он или она? - с трудом ворочало языком, но обещание отслужить Конан разобрал совершенно ясно. Поделиться с пришельцем кровью? Заключить сделку? - мелькнуло у него в голове. Почему бы и нет? В конце концов, что он терял? В невнятных словах призрака таилась хоть какая-то надежда, в ином же случае, как полагал Конан, и кровь его, и плоть, и кости поглотит эта смрадная дыра, стигийская крысоловка, в которую он угодил по собственной неосторожности.

Он решил рискнуть и буркнул:

— Если отслужишь, дам крови, - и тут же поинтересовался: - Сам будешь пить, гнилая плесень, или мне подойти поближе?

— С-сюда... с-сюда... - Призрак простирая руки вниз, и Конан догадался, что должен пролить кровь на гранитные плиты пола. Видно, влага жизни требовалась не самой твари, а чему-то иному, скрывавшемуся - или захороненному? - в основании файонской башни. Быть может, там лежала тварь куда опасней, чем этот туманный посланец... Но киммерийца это уже не останавливало.

Он сделал три шага вперед, очутившись лицом к лицу с призрачным своим гостем, наклонился и сильно ударили кулаком по раненому колену. Темная струйка скользнула по ноге, захолодила кожу, обернулась у щиколотки, лизнула щербатую плиту... Конан ударил еще раз. Он был щедр - теперь кровь потекла ручейком, просачиваясь в щели между камнями, пробираясь в трещинах среди засохшей известки и щебня; казалось, она прокладывает путь в самое чрево земли.

— Хрр... хрр... хва-тиит... - сорвалось с бледных губ туманной твари. - Крр-роовь гхх... гхх... Гхх-идаллы... одна кхх-апля... дойдет... хва-тиит...

Руки призрака дернулись, вынырнув на миг из-под плаща, ладони с костлявыми

растопыренными пальцами коснулись груди киммерийца, словно отталкивая его. Конан не ощутил ничего - ни холода, ни жара, ни теплоты живой плоти - но повиновался, на всякий случай отступив к стене.

И вовремя!

Гранитные плиты пола вдруг вспутились и треснули, словно некое могущественное существо, обладавшее силой великаны, демона или дракона, пробивало себе дорогу наверх, расталкивая и дробя древние камни. Рваная щель в два локтя шириной рассекла пол; осколки черного гранита бугрились с обеих ее сторон невысоким валом, а меж ними подрагивало, наливалось светом серебристое сияние, подобное отблеску лунных лучей, прощенных сквозь облачную пелену. Но луна тут была не при чем: обернувшись, Конан не увидел в окне ее блестящего глаза. Ночное светило поднималось к зениту, и лучи его уже не попадали в камеру.

Зато из-под земли восходила новая луна - вернее, ее половинка. Холодно блистающий полумесяц выплывал на поверхность неторопливо и торжественно; рога его были остроконечными и чуть загибались наружу, меж ними круглилась ровная отточенная кромка, само же лезвие, плавно сужаясь, будто бы перетекало в массивный раздвоенный обух и торчащий над ним граненый штырь. Даже на первый взгляд это оружие казалось тяжелым, основательным, надежным; и ковали его из невиданного серебристо-синеватого металла, ясного, как лучшие огирские зеркала. Но разве могло зеркало сиять таким пронзительным леденящим светом? Разве могло оно переливаться такими алыми отблесками, грозить глядевшему в него холодной пустотой Серых Равнин? Да и что проку в зеркале? Так, забава, девичья игрушка... Перед Конаном же, чуть покачиваясь в воздухе, висела огромная секира, стальной топор на длинной рукояти, орудие убийства, грозное, как сама смерть. Тоже игрушка, но для мужчин! Для тех, кому под силу ее поднять, кто может размахнуться и обрушить на шлем врага губительный блестящий полукруг!

Руки Конана жадно потянулись к ней, пальцы словно клещами обхватили топорище; секира дрогнула, и он ощутил ее восхитительную тяжесть. Очарованный, он прижал ее к груди - так, как еще недавно прижимал Белит. Он глядел на нее - на лезвие, искрящееся и блестящее, похожее на половинку серебряной луны, на грозный четырехгранный наконечник, на два кольца шириной в ладонь, что туто обнимали черненую рукоять. На верхнем был выбит знак креста, на нижнем - семь звезд, называемых в Киммерии и Астгарде Небесным Топором; последняя из них всегда указывала север. На самом же лезвии секиры не было ни тайных знаков, ни священных символов, ни украшений, ни рисунков, ни иероглифов - даже своего отражения Конан не смог разглядеть в сияющей голубизне стали.

Резкий хриплый голос, подобный орлиному клекоту, вывел киммерийца из забытья.

— Я вижу, Рана Риорда пленила тебя. Это хорошо! Очень хорошо, потомок Гидаллы!

О кровопролитных войнах между Валузией и

Комморией, и о том, как пришельцы из Атлантиды покорили часть Туранского материка, основав могучую державу, не сохранилось достоверных свидетельств. Однако события эти послужили источником для множества преданий и легенд, передававшихся из уст в устах на протяжении тысячелетий. Так, рассказывают, что атланты выиграли многие крупные сражения, и в сражениях оных несли перед их шеренгами огромную стальную секиру, что являлась символом их воинской доблести и могущества.

Альмаденские Скрижали, Плита III, строки 142-157

Глава 3. Слава Рана Риорды

Отец Гидалла, прорицатель и Великий Кузнец, умер. Он был почти что богом, отпрыском Древних Богов, и потому жизнь его, хоть и подошедшая со временем к концу, оказалась долгой, очень долгой. Говорят, что прожил он несколько столетий, и в глубокой старости сохранил не только ясный разум и телесную мощь, но и мужскую силу. Было у него великое множество возлюбленных и тысячи потомков, так что Гидаллу по справедливости считали родоначальником клана Южного Ветра, одного из четырех племен Атлантиды. Он мудро правил своим народом, пестовал юных, провожал в могилу старцев, приносил жертвы Древним Богам, советовался с родичами своими, Ветрами и Светилами, учился и поучал, сражался и странствовал. И еще он выковал Рана Риорду, Небесную Секиру.

Не только выковал, но и вложил в нее бессмертную душу. Была та душа вначале точно пестрая мозаика, сложенная из разноцветных камней: камешек небесный и камешек земной, камешек из моря, из озера и реки, камешек из леса и с вершины горного хребта, огненный камешек, солнечный, лунный, звездный... Такой была душа Рана Риорды, ибо все стихийные духи, родичи Великого Кователя, вложили в нее по частице; сам же Гидалла наделил Небесную Секиру даром предвидения.

Но не только выковал он Рана Риорду и щедро оделил ее, но и заклял. Отныне и до скончания веков полагалось ей служить потомкам Гидаллы, не предавая их, повинуясь им и не покидая род Южного Ветра, ибо само ее существование зависело от сыновей Великого Кузнеца, от внуков его и правнуоков - только они давали Небесной Секире то, чего она жаждала. А жаждала она битв и крови, ибо рождена была для яростных сражений. И с течением времен, когда частицы мозаики слились в единое целое, сей страшный дар Рана Риорды проявился, расцвел и окреп.

Но Гидалла был мудр и наложил на Секиру еще одно заклятье, дабы не могла она, попав к чужим или к врагам, ополчиться против его семени. Великий Кователь был провидцем, но даже он не мог проникнуть в грядущее столь далеко, чтобы узреть конец атлантов и судьбу Секиры во мраке будущих тысячелетий. И, заботясь о потомках своих, так повелел он Рана Риорде: "Предсказывая, ты не обманешь их; сражаясь, не подведешь. Попав же к чужим, ты будешь убивать, убивать и убивать! Убивать, пока не вернешься к роду моему и племени, в руки того, кто окажется старшим из моих потомков. Он насытит тебя, он тебя успокоит! Он повелит, и ты выполнишь!"

С той поры Небесная Секира хранилась у старейшего в роду Южного Ветра, и каким бы слабым и немощным не был этот наследник Гидаллы, в тревожную годину он брал в руки колдовское оружие и шел в бой. Шел в первых рядах войска, а за ним катился медно-бронзовый вал бойцов, чьи копья подпирали небеса, мечи высекали искры из камня, а щиты вздымались неодолимой стеной. И никто не мог справиться с этим воинством, ибо никто не мог устоять перед сокрушительной яростью Рана Риорды. Рубила она крепкое и мягкое, твердое и жидкое; рубила кремневые топоры и толстые черепа пиктов, доспехи и кости валузийцев, ворота и стены грондарский крепостей, боевые колесницы Коммории и катапульты, коими оборонялись жители Туле. Рубила Рана Риорда врагов и насыщалась их кровью, и крови той не было конца, ибо враги у потомков Гидаллы не переводились.

В благословенных землях Атлантиды старейшин давно сменили военные вожди, а потом самый могущественный из них сделался властителем над всей страной, объединив роды

Южного и Северного, Западного и Восточного Ветров. И были выстроены Семь Великих Городов Атлантицы, и был построен флот из крутобоких кораблей с окованными медью носами, и подняты пестрые паруса, и опущены в воды морские длинные весла; а затем сыны Ветра и Моря отплыли в сторону восхода, ибо размножились они стократно, и цветущий их материк казался вождям народа слишком малым и ничтожным. На востоке же, где вставало солнце, лежала огромная земля - столь обширная, что ни один корабль, ни один путник не смог бы обойти вокруг нее и за пять лет. В земле той жили многие народы, одни из коих походили обликом на людей, другие же были отличны; там стояли древние богатые города, там процветали ремесла, там копили тайные знания, там реки текли молоком и медом. И все это притягивало атлантов, как пчелу тянет к цветку, хищника - к беззаботной жертве, меч - к обнаженной шее врага.

Они должны были торопиться, очень торопиться! Ибо на западе, за Атлантидой, лежали в океане и другие острова, обитель иной расы, столь же юной и жадной, столь же многочисленной и еще более дикой.

Пикты! Кроме темных волос и тяги к завоеваниям, они во всем отличались от атлантов. Сыны Четырех Ветров были высокими и стройными, пикты же - коренастыми и низкорослыми; у потомков Гидаллы и его божественных родичей солнце позолотило кожу, у пиктов же выжгло ее до цвета темной глины; в глазах атлантов, серых, синих и голубых, отражались небо и море, зрачки же пиктов были темны, как воды лесных озер. Но и пикты, и атланты принадлежали к юным варварским расам; и те, и другие жаждали покорить мир. А миром для них был необозримый Туранский материк.

И загремели битвы, прянули стрелы войны, взвился злой огонь над равнинами Турана, взревели боевые горны, пыль и дым застлали небеса, кровь напитала землю. Всяк бился со всяkim: Валузия с Комморией, Верулия с Грондаром, атланты с пиктами - и с каждым, кто становился на пути их армий. Туранские же народы, особенно валузийцы, гордые потомки Древнего Змея, не собирались уступать; хоть они по-прежнему спорили меж собой, но успевали обратить щиты и против варваров, явившихся из западных вод. Грозными были те пришельцы; темноволосые, синеглазые, могучие, они не знали в бою ни усталости, ни колебаний. Казалось, сердца их выкованы из твердой стали - и, быть может, это соответствовало истине. Недаром же перед их полчищами во всех решающих битвах несли стальную секиру, подобную половинке луны. И битвы, в коих этот сверкающий серп выкашивал валузийцев, их пехоту, всадников и колесничих, были варварами выиграны, и власть их простерлась на многие земли Туранского материка.

Тогда валузийцы, желая защитить свои берега и южные рубежи, вступили в союз с пиктами, даровав им право селиться на границе. Эти варвары тоже пришли с запада, но не на кораблях, а в длинных челнах с резными бортами; каждый из них нес пять-шесть десятков воинов в волчьих шкурах, с палицами, каменными топорами и копьями. Пикты были примитивным племенем, но многочисленным, неукротимым и диким; если сердца атлантов покрывала блестящая сталь, то сердца пиктов казались высеченными из неподатливого кремня. И случилось так, что вскоре металл и камень сошлись в смертельном бою в долине Тарры, широкой и полноводной реки, которую с тех пор прозвали Красной.

Воитель Сархаб, старший из потомков Отца Гидаллы, был мужем зрелых лет, высоким, осанистым и мускулистым. Грудь его облегал чешуйчатый панцирь из медных дисков; цельнокованый наплечник топорщился шипами - острыми и слегка искривленными на концах; шлем напоминал причудливую вытянутую раковину, обвивавшуюся вокруг головы бронзовой спиралью. Волосы Сархаба были черны и блестячи, словно полированный камень яхх, а в глазах, синих, как небо на закате, горела искра божественного огня. Говорили, что походит он на Отца Гидаллу, Великого Кователя, и хотя никто не мог судить о сем с полной определенностью, такое мнение лишь прибавляло Сархабу чести и славы.

И он воистину был их достоин! Особенно сейчас, когда стоял перед своими воинами, держа в руках огромную секиру. Шеренга украшенных перламутром щитов, подобных завитку морской волны, тянулась слева и справа от него; над ней золотистой пеной сверкали боевые уборы-раковины, раскачивался лес копий, колыхались яркие султаны и пучки перьев на длинных, окрашенных пурпуром шестах. Эти штандарты, подобные гигантским цветам с четырьмя или семью лепестками, издревле служили символами божественных стихий - Четырех Ветров и Семизвездья, указующего мореходам верную дорогу.

А также воинам-атлантам - путь к победе!

В том не сомневался ни один боец. Разве не побеждали они всякий раз, когда их вел в сражение владыка Рана Риорды? Победят и теперь, обагрив кровью крутые берега Тарры! И пусть коварные валузийцы, забывшие о гордости своей, призывают на помощь диких пиктов, пусть возводят каменные цитадели, пусть опоясывают земли свои защитными стенами, пусть молят демонов и богов! Небесная Секира сокрушит их, как серп сокращает тростник, огонь - сухое дерево, могучая волна прилива - преграду из жалкой глины.

Впереди, там, где долина Тарры изгибалась к востоку, солнце играло на бронзовых бортах валузийских колесниц, на острых лезвиях, расходившихся от колесных осей, на кольчугах и шлемах, на золотых изображениях змей с гневно раздутыми капюшонами и рубиновыми глазами. По обе стороны от колесничного войска грудились орды пиктов, бесчисленных, как галька на морском берегу. Их темные массы бурлили, словно грозовые тучи, готовые пролиться каменным дождем - эти коренастые крепкие воины в волчьих шкурах являлись несравненными пращниками. Одни уже раскручивали свое оружие, другие грозились боевыми молотами на длинных рукоятях, третьи вздымали кремневые топоры, четвертые... Но так ли важно, чем это дикое воинство стремилось поразить врага? Ни копья его, ни дротики, ни палицы не устоят перед мощью Секиры и яростным натиском Сынов Ветра.

Воитель Сархаб посмотрел на лунное лезвие Рана Риорды и узрел в мерцающей его глубине долину, заваленную мертвыми телами, и водный поток, ставший алым от крови. Еще увидел он груды разбитых колесниц, сброшенных в реку, лошадей, бьющихся в смертной агонии, залитый багрянцем волчий мех, гранитный молот с переломанной рукоятью, валузийского змея, что валялся в кровавой жиже, слепо таращась в небеса... Захотел Сархаб, ощерил зубы и, взмахнув секирой, сделал первый шаг. Первый шаг к битве, первый шаг к победе!

Подошвы его башмаков уминали мягкую землю; за спиной ревели горны из морских раковин, трепетали и бились на ветру яркие перья на пурпурных шестах. Широкие лезвия копий его воинов несли погибель, от клинов их веяло могильным холодом, топоры их взметнулись для кровавой жатвы. Быстрые стрелы вспороли воздух, хлынули потоком гнева,

опали дождем смерти. Боевой клич Сынов Ветра и Моря заглушил лязг металла и стоны умирающих.

Армия атлантов надвигалась на врага.

Навстречу ей катился вал из золота и бронзы, бушевавший в каменных берегах - блистающий водопад меж двух гранитных утесов, сноп молний среди туч, клинок в ножнах из волчьего меха. Там гремели копыта, ржали лошади, раздавались слова команд, свистели смертоносные лезвия колесниц, грохотали их колеса. Но все покрывал дикий волчий вой, свирепый вопль атакующих пиктов. Они мчались вперед, ни на шаг не отставая от валузийских колесниц - невысокие, коренастые, упорные и многочисленные, как муравьи. Еще они походили на гигантскую стаю голодных хищников, завидевших добычу.

Снова прянули стрелы. Навстречу им полетели дротики и камни, загрохотали по щитам атлантов, дробя металл и перламутровые украшения, ударили по шлемам, сминая бронзовые завитки. Но погибшие не остановили живых, и смерть не устрашила воинов; сияющее лезвие Рана Риорды вздымалось в их первой шеренге, вселяя в души ненависть и отвагу.

Два воинства с лязгом и грохотом столкнулись на речном берегу: копьеносная пехота Сынов Ветра и поток валузийских колесниц, обрамленный ордами пиктов. Казалось, ничто не остановит стремительного напора лошадей и бронзовых повозок с вращающимися лезвиями, ничто не повергнет ниц воздетых над ними сверкающих змеев, ничто не укротит толпы озверевших воинов в волчьих шкурах, не обуздает их ярости, не смирит бешенства. Но поднялась Небесная Секира в сильных руках Сархаба - поднялась и опустилась, грянув, как молот о наковалню, на бронзу доспехов и шеи боевых жеребцов, на борта колесниц и валузийские шлемы, на щиты их, копья и мечи, на золотых змеев с раздутыми капюшонами, на пиктские черепа, ни пиктскую плоть и пиктское оружие. Рана Риорда была повсюду; всюду блестело ее лунное лезвие в крепких руках воителя Сархаба, всюду раздавались свист и шипенье всасываемой сталью крови, всюду звучал гром ее ударов, и всюду падали враги рода Гидаллы, устилая землю мертвыми телами.

Когда же кучки трупов превратились в холмы, когда обломки колесниц запрудили реку, порозовевшую от крови, Небесная Секира, насытившись, обрела покой. Но к тому времени убивать было уже некого.

Самая западная из хайборийских держав - лежащая к северу от Аквилонии Киммерия, дикие обитатели которой предпочитают кочевую жизнь и не строят ни городов, обнесенных каменными стенами, ни крепостей. На вид киммерийцы рослые и крепкие, черноволосые, с синими или серыми глазами. Народ этот является потомком древних атлантов, некогда перебравшихся на Туранский материк, выстоявших в сражениях с пиктами, одичавших после Великой

Катастрофы и возродившихся вновь - под иным именем, с иным богом на устах.

Альмаденские Скрижали, Плита IV, строки 78-83

Глава 4. Дух секиры

Конан поднял взгляд. Призрачная фигура перед ним оставалась по-прежнему расплывчатой и туманной, но голос загадочного существа окреп и звучал теперь отчетливо и твердо.

— Я вижу, Рана Риорда пленила тебя. Это хорошо! Очень хорошо, потомок Гидаллы!

Внезапно Конан понял, что эти слова - как и все, что призрак бормотал раньше - были сказаны на киммерийском; правда, с каким-то странным непривычным акцентом. И сам он тоже, почти не задумываясь, перешел на родное наречие, хоть в этих южных краях язык стигийцев или шемитов казался более уместным.

Кром! Великий Кром! Не грозный ли бог пришел на помощь одному из детей своих, плененному в смрадной каменной яме? Не самолично, разумеется; но что стоит Владыке Могильных Курганов призвать тень славного воина былых времен, отправив ее в далекую Стигию с могучим оружием, боевым топором, каких не видел мир?

Конан усмехнулся и покачал головой. Пожалуй, не за что благодарить Крома, решил он; Кром - не помощник людям, Кром не дарит им милостей и помогает лишь в одном - упокоиться со славой в каменистой киммерийской земле!

Он вытянул вперед секиру - так, что стальное острое вошло в грудь призрака - и спросил:

— Ты кто? И как ты очутился здесь?

— О том, как я попал сюда, поговорим в другой раз. Что ж до имени моего... Гляди, воин: Рана Риорда в твоих руках, и Рана Риорда перед тобой! Мы с ней - одно целое; я - это она, она - это я. Ты понял?

Конан кивнул. Чего же не понять! Есть оружие и оружие; бывает оно и мертвым, и живым. Мертвое - обычные клинки да копья, для солдат и наемных бойцов, для разбойников и пиратов; живое - для великих воинов и вождей. Куют его кователи-ведуны, с тайными наговорами и колдовскими обрядами, а потом вселяют в светлую сталь или золотистую бронзу духа-хранителя. И дух тот, заступник и помощник, верен хозяину своему до гроба, если заключить с ним честный договор... Так рассказывал Конану отец, не последний из кузнецов Киммерии, и хоть много лет прошло с тех пор, Конан помнил отчие слова и верил в них.

Что же касается имени, произнесенного духом, то и оно было ему понятно. Небо - вернее, Вечные Небеса, где обитали звезды - звалось киммерийцами Раннарах, боевая же секира с копейным наконечником на вершине древка, была рортой. Рана Риорда - Раннарах Рорта - Небесная Секира... И тем же именем поминали в Киммерии созвездие из семи звезд, крайняя из которых указывала дорогу путникам.

— Выходит, ты - Рорта, дух секиры, - сказал Конан, назвав призрака по-киммерийски. - И чего же ты хочешь от меня? Еще крови?

Синие глаза Рана Риорды блеснули.

— Хочу крови, но не твоей! Стигийской крови! Крови врагов! Твоя же - священна; струйка ее протекла меж камней, капля пробудила меня... А другая дала силу вырваться из каменного гроба!

Конан наконец оторвал секиру от груди и опер древком об пол. Она была огромна: лезвие - в половину круглого щита, наконечник длиной в три ладони. Четырехгранное острие

торчало на уровне плеча киммерийца.

С подобным оружием он не боялся ничего! Нагой и грязный, покрытый ссадинами, голодный, с пересохшей глоткой - зато не одинокий. Пожалуй, в первый раз с того проклятого дня, когда погибла Белит, ему по-настоящему повезло... Не потому ли, что он решил вернуться в хайборийские земли, поближе к хайборийским богам? И кто-то - пусть не Кром, так светлый Митра - послал ему волшебную секиру, стоившую стократ дороже всего, что потерялось при крушении у стен Файона. Не отпразновать ли такую удачу? - подумал он. Не вырезать ли всех в этом стигийском гадючнике? То-то будет крови!

Тут он вспомнил о словах призрака и спросил:

- Моя кровь для тебя священна? По договору побратимства?

- Нет. По праву рождения. Потому что ты - потомок Гидаллы, Великого Кователя. Гидаллы, который создал и заклял меня.

Конан равнодушно пожал плечами.

- Никогда не слышал о нем. Кто он такой, этот Гидалла?

- Почти бог. Он был прародителем тех, кто обитал на юге затонувшего материка... той земли, что простиралась некогда средь волн Западного океана. Ты слышал о ней?

- Об Атлантиде? Да, - Конан кивнул. - Но я-то тут причем? Та земля треснула и развалилась на части в незапамятные времена, как рассказывают старики. И я, клянусь бородой Крома, не атлант! Я - киммериец! Конан-киммериец! - он стукнул себя кулаком в грудь.

- Называй свое племя как хочешь, но в жилах твоих течет кровь Гидаллы. Правда, немного, совсем немного... Но я чую ее! Я ее пробовал! Другая кровь не могла бы меня пробудить.

Приглядевшись к духу, Конан заметил, что тот выглядит словно бы пободрее. Он оставался по-прежнему истощенным и немощным, однако туманная плоть его слегка уплотнилась, и клекочущий голос звучал все громче - так, как будто Рана Риорда с каждым мгновением возрождался к жизни.

- Да, в тебе есть кровь Гидаллы, - медленно протянул призрак. - Жаль, что ее так мало! Иначе я остался бы с тобой.

- Оставайся, - сказал Конан. - Своей крови не обещаю, но чужой будет целое море. Ты в ней утонешь, Рорта! Напьешься по самую рукоять! - Он хищно усмехнулся и погладил блестящее лезвие огромного топора.

- Не могу. Я чувствую, где-то в мире есть прямые потомки Гидаллы. В них больше крови прародителя. Я должен их найти, и ты мне поможешь. Поможешь, верно?

- С чего ты взял? - темные брови Конана сошлись на переносице. - Я хочу выбраться отсюда и уйти на север. Клянусь Кромом, я не собираюсь никому помогать! Иди со мной или оставайся тут, твоя воля! Но топор я заберу.

Он крепче прижал к себе секиру.

Призрак покачал головой в зыбком серебристом капюшоне.

- Ты все еще не понял, киммериец... Было же сказано: Рана Риорда и я - одно целое. Хочешь доказательств? Смотри!

Внезапно древко рванулось из рук Конана. Несколько мгновений он боролся, напрягая могучие мышцы, но мощь, противостоящую ему, не могла сломить сила человека. Секира словно бы ожила и теперь стремилась доказать, что киммериец - будь в нем хоть ведро крови Гидаллы! - ей не хозяин. В лучшем случае - попутчик, сотоварищ, проводник... Возможно, носильщик, который доставит ее туда, куда надо.

Конан шумно перевел дыхание и закусил губы. Быстрая и безмолвная схватка завершилась, и теперь топор посверкивал внутри переменчивой туманной плоти призрака. Не стоило и пытаться его достать: с очевидным не может смириться лишь глупец. Конан же глупцом не был.

– Чтоб тебя ржа истощила! - пробормотал он и добавил погромче: - Ладно, Рорта! Не гнить же нам обоим в этой помойной яме! Ты поможешь мне, я - тебе; ты разобьешь решетку, а я отнесу тебя хоть на край света. И кто знает, не по пути ли нам?

– Не по пути, - проскрежетал призрак. - Потому что ты пойдешь не на север, а на юг и восток! Туда, где обитают сейчас потомки Гидаллы!

Хорошо хоть не назад в Черные Королевства, мелькнуло в голове у Конана. К югу от Файона лежали покинутые им Пунт и Кешан, к юго-востоку - Иранистан, страна куда более цивилизованная и приятная. Пожалуй, она ничем не уступала Шему, Офиру или Заморе, разве что была немного пожарче. Зато про иранистанские клиники, иранистанское вино и иранистанских девушек рассказывали чудеса! Нет, Конан не имел ничего против Иранистана - особенно в данный момент, в смрадной стигийской темнице.

– Согласен, - произнес он. - Но решетка в окне крепка, а ты выглядишь не лучшим образом. Сможешь ли одолеть ее? Ради всех потомков Гидаллы, что топчутся сейчас на киммерийской земле!

– Одолею. Решетку я одолею, коли ты размахнешься как следует, - заявил Рана Риорда. - Хоть я провалился в каменном гробу немало столетий, разбить решетку я сумею - как и десяток стигийских черепов. Но не думай, что это все, на что я гожусь! Да, сейчас я слаб, и мне нужна твоя сила, чтобы отомстить и напиться крови... однако я тебе отслужу! Отслужу, клянусь Древними Богами! Ты только дай мне хлебнуть досыта теплой красной крови - той, что льется в бою, что течет из ран умирающих воинов, что пятнает землю под колесами боевых колесниц. Пой меня досыта, киммериец, по самую рукоять, как обещал! И тогда...

Внезапно откуда-то сверху долетел протяжный звук, не то рев, не стон, уже знакомый Конану. Потом над головой у него затопотало, заухало, и башня чуть заметно сотряслась. Рана Риорда замер, склонив голову в капюшоне и прислушиваясь; серебряный полумесяц секиры и черненое ее древко просвечивали сквозь туманную плоть призрака. Наконец он поднял руки и проскрежетал:

– Кровь! Теплая красная кровь! Много крови! Целое море! Ну, киммериец, вышибай решетку, и посмотрим, как ее взять!

Железные прутья вылетали один за другим, с глухим звоном, выбивая каменные осколки. Секира светилась и играла в сильных руках Конана; он не чувствовал сейчас ни голода, ни жажды, словно и не было двух томительных дней, проведенных в файонской темнице. Но он про них не забыл - как и про позорное свое плениение. Он собирался удрать из Файона не раньше, чем пара десятков стигийских солдат умоется кровью. И еще ему хотелось разыскать жреца, того самого жреца в черной хламиде, которого он видел на лестнице за миг до крушения. Конан полагал, что если кто и мог узнать его в этой цитатели,

так непременно жрец. Впрочем, не исключалось, что он преувеличивал свою известность и славу - стигийские жрецы были жестокосердны, и любой из них, не колеблясь, велел бы бросить в каменный мешок даже незнакомого путника.

Прутья Конан вышибал обухом топора, не желая тупить лезвие. Вероятно, его опасения были напрасными: волшебное оружие вроде Раны Риорды не затупишь ничем. Но была и еще одна причина для осторожности. Дух Рорта исчез, проскользнул в огромную секиру, слился с ней, и Конан не знал, в каком именно ее части призраку угодно обитать - в топорище ли, в копейном наконечнике, в кольцах обуха либо в лунообразном полукруге лезвия. По здравому рассуждению, такой грозный и древний дух должен был находиться в самом почетном месте, то есть на режущей кромке, а значит, ее стоило приберечь для более славных дел, чем битва со старой железной решеткой.

Покончив с этим препятствием, Конан размотал набедренную повязку, единственное свое одеяние, и, свив ее плотным жгутом, привязал секиру за спину. Затем он протиснулся в окно, сделавшись богаче еще на десяток ссадин, царапин и синяков: окно было узким, а плечи киммерийца - широкими.

Снаружи царил ночной полумрак. Где-то внизу, под отвесным утесом, дико и гневно рокотала река, штурмую гранитную твердыню; вверху, на стенах и башенной кровле, горянными голосами перекликались часовые. Звезды горели, будто самоцветные камни в смоляных локонах Иштар; драгоценную же диадему богини, высеченную из черного обсидиана, венчала луна. Приподняв голову, Конан бросил взгляд на ее серебряный диск. Луна уже прошла зенит, знаменуя поворот ночи, и свет ее падал теперь на Файонскую твердыню с запада. Выпуклость огромной башни, наклонно уходившей к звездному небу, скрывала беглеца от бледных лунных лучей и от глаз стражи. Он начал подниматься, используя трещины в древних камнях, цепляясь за неровности кладки; перекличка стражей наверху манила Конана. Он уже представлял, как устроит знатный пир Рана Риорде: сначала прикончит охрану, потом доберется до жреца.

Легкое дуновение ветерка шевельнуло волосы киммерийца, и вместе с ветром пришел голос. Хриплый, клекочущий...

– Кровь! Тepлая красная кровь!

– Рорта?

– Я-а-а... Кровь, кровь! Крр-роовь!

– Где ты?

– С тобой, киммериец. Невидимый, на твоей спине, у твоего плеча, рядом с твоим ухом... Кровь, кровь!

Конан сплюнул в темную пропасть под ногами.

– Все-таки ты - вампир, трухлявое топорище!

– Не-е-ет... Я - боец. Я убиваю для потомков Гидаллы, и смерть их врагов дает мне жизнь. Сейчас я должен утолить голод. Стигийской кровью!

– Будет тебе кровь. Только у стигийцев она похожа на шакалью мочу - такая же едкая, жидккая и вонючая. Я бы побрезговал. Клянусь Кромом!

– Кровь мести пьянит, потомок Гидаллы, и вкус ее сладок. Помни только: мне годится лишь та кровь, что взята в бою.

– Я не режу беззащитных, - буркнул Конан. Он задрал голову вверх: до зубцов башенного парапета оставалось три длины копья. Он уже видел панцири солдат, блестевшие в лунном свете, и черные перья, что развевались над бронзовыми шлемами. Черные перья... Скоро они

станут багровыми!

Хриплый голос Рорты бубнил за спиной, требовал, торопил. Конан ухмыльнулся.

— Спешишь поужинать, приятель? Тогда прикуси язык, если не хочешь, чтоб тебя услышали.

— Меня не услышат. Меня можешь слышать только ты. Кровь, кровь! Крр-роовь!

До верха башни осталось две длины копья, и Конан удвоил осторожность. Он карабкался по камням словно барс, запуская скрюченные пальцы-когти в щели меж гранитных плит; его стальной клык висел за спиной - нетерпеливый, жадный, жаждущий. Похоже, близость схватки лишила Рана Риорду разума - если у него было нечто похожее на разум.

Одна длина копья. Судя по голосам, наверху сторожили четверо. Разгоняя сон, они то вступали в перебранку, то вызывали рукоятями мечей по панцирям нехитрую мелодию походного марша, то принимались хвастаться - кто сколько срубил шемитских голов да завалил шемитских девок. Конана это злило: Белит тоже родилась в Шеме и до того, как сделаться владычицей Черного Берега, побывала в лапах стигийцев. Вдруг солдаты смолкли, и через несколько мгновений он уловил звук откупориваемой фляги и потом - призывное бульканье. Вино! В горле у киммерийца сразу пересохло, перед глазами полыхнул яростный огонь; змеей проскользнув между зубцами парапета, он распустил узел на груди и поднялся, сжимая секиру в руках.

Стражей и в самом деле оказалось четверо. Двое стояли на противоположных сторонах башенной площадки, наблюдая за стенами, еще пара - у самых каменных зубцов. Эти, отложив копья и щиты, поочередно угощались из фляги - да так и застыли, когда перед ними возник обнаженный гигант с огромным сверкающим топором.

Конан, однако, не медлил. Он даже не стал поднимать секиру - ударил словно копьем. Острье вошло солдату пониже подбородка, угодив в нашлемный ремень; тот лопнул, шлем загрохотал по камням, а следом рухнул и его хозяин. Второй стигиец отбросил флягу и потянулся было к мечу, но Рана Риорда свистнула в прохладном ночном воздухе, и лунный ее полукруг опустился воину меж плечом и шеей. Конан почти не ощутил удара: огромное лезвие рассекло бронзовый панцирь разом и на груди, и на спине, и вышло из левого бока стигийца. Раздался странный звук, словно какой-то большой зверь нетерпеливо и жадно всасывал воду; потом - знакомый клекот:

— Кровь! Крр-ровь! Крр-роовь! Еще!

— Погоди, - сказал Конан и, вырвав флягу из мертвой руки, осушил ее в пять глотков. Вино было холодноватым и кислым, дешевый напиток солдатни, но жажда сразу отступила. Теперь киммериец чувствовал себя гораздо лучше.

Отшвырнув фляжку, он бросился налево, к третьему из стражей, уже выхватившему меч. Последний из солдат, наставив копье, бежал к нему, жутко оскалив зубы и топоча по камням подкованными башмаками. Противник Конана - тот, что с мечом - оказался, видать, из ветеранов; ловко подставив щит под удар, он послал вперед короткий клинок, целя киммерийцу меж ребер, в самое сердце. Мог ли он знать, что щит из прочного железного дерева, обтянутый дубленой кожей, обитый бронзовыми бляхами, был для Рана Риорды куском шелковой ткани, полоскавшейся на ветру? Серебристое лезвие и рассекло его точно ткань, без всяких усилий. Верхний рог стального полумесяца полоснул стигийца по горлу и поперек груди; потом раздался прежний хлюпающий звук - секира высасывала из побежденного влагу жизни. Вырвав ее из мертвого тела, Конан обернулся, готовый отразить

удар копья, но последний из стражей, бросив оружие, мчался к лестнице. Мчался без крика, без вопля; похоже, от ужаса перехватило горло.

– Скорее! - проклекотал Рорта. - Скорее! Кидай!

– Сам знаю, - буркнул киммериец.

Секира вырвалась из его рук стальной птицей, и воин упал с перерубленным позвоночником. От ступеней, что вели вниз, в темное чрево башни, его отделяли четыре шага.

Конан огляделся. На просторной башенной площадке валялись трупы, сухие, как муhi, высосанные пауком; над стенами же Файона царило молчание - если не считать далекой переклички часовых. Видать никто из них не услышал шума короткой схватки. Да и понятно: кроме звякнувшего о камни шлема, все противники киммерийца расстались с жизнью на удивление тихо.

Он поднял свою набедренную повязку, скатанную в жгут, и обмотал ее вокруг пояса. Взял еще сумку с припасами, что валялась в углу площадки; больше ничего от мертвых стигийцев он не хотел. То были простые солдаты, и на их телах вряд ли удалось разжиться чем-нибудь ценным.

Пристроив секиру на плече, Конан направился к лестнице.

– Доволен? - он стиснул сильными пальцами древко, точно подавая сигнал своему невидимому призрачному спутнику.

– Мало, - проскрежетал дух, - мало! Помню я, на равнинах Валузии кровь текла рекой, хлестала по оси колесниц. Я убивал и пил, пил и убивал! И сила моя крепла.

– То была солдатская кровь, - возразил Конан. - Много ли в ней проку? Скоро я угощу тебя кровью черного жреца. Вот лакомое блюдо!

Рана Риорда что-то пробормотал и смолк. Они продолжали спускаться в недра гигантской башни, не встречая никого; похоже, это укрепление, выходившее к речному берегу, охраняла лишь четверка часовых, которых киммериец уже прикончил. Лестница бесконечной спиралью вилась в узком проходе, и Конан с напряжением ждал, что за очередным поворотом откроется выход в какой-нибудь коридор. Но коридора не попадалось, и он решил, что спустится вниз, где наверняка были двери, выйдет во двор и там прикинет, куда мог забиться проклятый змееныш Сета.

Внезапно топор дрогнул у него в руках, и хриплый голос Рорты прошелестел:

– Кровь! Теплая красная кровь! Много крови!

– Где? - Конан оглянулся; кроме глухой каменной кладки слева и справа он не видел ничего.

– Чую, - шептал над ухом призрак, - чую! Тут, за стеной! Руби!

– Рубить камень? Клянусь Кромом! К чему портить добрую сталь?

– Не испортишь! Я взял уже четыре жизни! Сила моя растет! Руби, киммериец!

Конан не стал спорить и, размахнувшись, обрушил топор на внутреннюю стену. Файон строили в незапамятные тысячелетия, и камни его потрескались и раскрошились под действием времени, которое властно даже над гранитом. Теперь каменные блоки держались не столько засохшим известковым раствором, сколько собственной неимоверной тяжестью. Внизу башни, где находилась темница Конана, толщина стены достигала восьми локтей, и здесь, на половине высоты, она вряд ли была уже. Но секира вошла в древние камни словно отточенный нож в кусок сыра; посыпался щебень, большой каменный блок рухнул на ступени и с грохотом покатился вниз. Нашумим, перебудим весь гарнизон, подумал

киммериец, быстро отскочив в сторону.

– Руби! - заклекотал Рорта. - Руби! Кровь! Много крови!

Несколько мощными ударами Конан расчистил проход. Перед ним открылась гигантская камера; вероятно, она занимала половину высоты башни. В бронзовых кольцах, врезанных в стены, пылал десяток факелов; два из них обрамляли маленькую железную дверь, притулившуюся в самом низу. Вероятно, Конан добрался бы до нее, спустившись по лестнице, но сбить чудовищной толщины засов оказалось бы не легче, чем прорубиться сквозь камень. Впрочем, для Рана Риорды и то, и другое проблем не составляло.

Кроме двери и факелов в камере не было ничего - если не считать какой-то гигантской фигуры, прикованной к стене напротив входа. Тусклый свет позволял различить клочья редкой бурой шерсти, сквозь которую проглядывала темная кожа, толстая и грубая, как слоновья шкура; откуда-то сверху стекал водопад волос, таких же грубых и спутанных в неопределенную черную массу. "Вот кто ревел над моим крысятником," - подумал Конан. Спрятав на пол, он выставил перед собой секиру и направился к пленнику.

Возможно, то был человек, но какой огромный! Локтей пятнадцати в высоту; на его ладони киммериец мог бы усесться словно в кресле, а плечи гиганта, казалось, нельзя было измерить и длинным боевым копьем. Голова выглядела небольшой, но лишь в сравнении с массивным и громоздким туловищем; на самом же деле была она никак не меньше доброго пивного бочонка. Скошенный лоб, остроконечные, поросшие волосом уши, расплющенный нос над толстыми губами, клыки размером в палец и чудовищные челюсти... Хейворк, людоед, мелькнуло в голове у киммерийца, и он опустил взгляд ниже. То, что болталось у этого великана между ногами, производило неизгладимое впечатление.

Несколько долгих мгновений Конан разглядывал чудище, чудище же с интересом взирало на него. Грудь и руки гиганта охватывали цепи, на удивление тонкие, всего в два пальца; они уходили в отверстия в стене, за которой, вероятно, скрывался некий механизм. С его помощью цепи можно было ослабить, но сейчас их натянули до упора, притиснув великана спиной к камням. Похоже, пленнику это не слишком нравилось; на чудовищном его лице застыло обиженно-раздраженное выражение.

Напряженную тишину прервал клекочущий шепот Рорты:

– Чего ждешь? Руби его! Кровь! Кровь!

– Куда спешить, - сказал Конан. - Боги не любят торопливых. Сперва поговорим.

Вытянув секиру, он ткнул острием в цепь, что врезалась в запястье гиганта.

– Не очень-то ты силен, парень, если не можешь порвать этот собачий поводок.

– Порви сам, - гулко пророкотал пленник. - Порви, и тогда Шапшум докажет, сколь велика его сила. И его голод, - добавил он, облизнувшись.

"Хейворк, - подумал Конан, - точно, хейворк." В Киммерии так называли людоедов, чудовищных потомков Имира, обитавших на ледяных равнинах Ванахейма. Но этот великан был скорее кутрубом, обитателем теплых краев; судя по опаленной солнцем коже, он искал добычу в южных пустынях или горах. Шерсть, клочьями свисавшая с его плеч, паха, груди и бедер, не защитила бы от северных холодов и пронзительного ветра, бушующего в ванахеймской тундре.

– Я мог бы освободить тебя, - медленно произнес киммериец. - Да, я мог бы вернуть тебе свободу, но каков будет выкуп? Что ты предложишь взамен, мясная туша?

Великан шумно вздохнул; цепь натянулась, но выдержала.

– Что может предложить Шапшум такой козявке? Только одно: Шапшум начнет есть

козявку не с ног, а с головы, избавив от лишних мучений.

– Наглец! - прошипел Рана Риорда где-то над ухом Конана. - Прикончи его! Прикончи, и я напьюсь крови!

– Остынь! Он ведь не может сопротивляться, верно? Зачем тебе кровь, взятая не с бою? Призрак умолк; этот довод был неотразим.

Великан с подозрением уставился на Конана.

– С кем ты толкуешь? Что-то я плохо тебя слышу.

– С приятелем, - сообщил Конан. - Есть тут у меня приятель, которому не терпится добраться до твоей шкуры, - он покачал секиру, и огненно-алые отблески пламени метнулись по серебристому лезвию.

– Не думаю, что твой приятель перерубит цепи Шапшума, - сказал великан, и его физиономия сложилась в хитровато-выжидательную гримасу. - Цепь зачарована, иначе Шапшум сам справился бы с ней. Но стигийское колдовство... О! - он закатил маленькие глазки. - Сильное колдовство! С таким никому не совладать! Тем более тебе! Даже с помощью твоего блестящего топорика.

"Ну, сейчас я собью с тебя спесь," - подумал Конан. Он принялся неторопливо прохаживаться у ног гиганта, осматривая его со всех сторон, особенно ниже пояса.

– Раз ты скучаешь на выкуп, зачем мне рубить твою цепь? Можно рубануть и чего другое... - тут киммериец покосился на заросший темным волосом пах и сообщил: - Я ведь, знаешь ли, тоже голоден.

– Люди кутрубов не едят, - ответствовал Шапшум, начиная с опаской поглядывать на топор. - Но кутрубы едят людей.

"Кутруб! - Конан мысленно поздравил себя с удачей. - Значит, эта образина умеет летать, как и положено всякому порядочному кутрубу или гулу! И хоть выглядит он не слишком поворотливым, но к утру доберется до Иранистана. Возможно, и до самой Вендии!"

Вслух же киммериец сказал:

– Ты сильно ошибаешься насчет людей, мохнатый боров. Люди, видишь ли, бывают разные: одни не едят кутрубов, а другие совсем непрочно полакомиться. - Он резко махнул секирой, срезав пучок бурых волос. - Как ты думаешь, откуда мне лучше начать?

Стальной полумесяц вновь свистнул, заставив гиганта опасливо втянуть живот. Теперь на его грубом лице появилась обиженная мина, словно козявка, мельтешившая у колен Шапшума, обманула его ожидания.

За спиной киммерийца раздался яростный шепот невидимого духа:

– Долго же ты с ним толкуешь, потомок Гидаллы! Клянусь Древними Богами, этот бурдюк с кровью мне уже надоел. Руби-ка цепи, а как бросится, руби по ногам! И кончай с ним!

– Во имя Крома, прикуси язык! Я сам знаю, кого и когда рубить! - рявкнул Конан и, повернувшись к Шапшуму, пояснил: - Пrijатель меня торопит. Не терпится ему поглядеть, какого цвета у тебя кишки... Ну, может сделаем так, - он взлохматил густые черные волосы, задумчиво посматривая на великана, - ты не будешь меня есть, и я тебя не трону. Согласен?

– А цепь? - пробурчал Шапшум. - Цепь разобьешь?

– Может, и разобью. Но ты говорил, что она заколдована?

Гуль тряхнул огромной головой.

– Да! Сильные чары! Очень сильные!

– Тебе не справиться, так?

В ответ раздался тяжкий вздох, словно ветер прошумел по дремучему лесу.

— Вот видишь, — сказал Конан, — тебе цепи порвать не под силу. И простым топором их не разбить, верно? Но в моей секире больше магии, чем в головах и задницах всех стигийских колдунов с времен древнего Потопа. Ты, падаль, сам убедишься, когда я разрублю цепь! И знаешь, что будет после этого? Ну-ка, пошевели мозгами!

Великан оскалил клыки.

— Шапшум не станет тебя есть. Лучше он съест черную козявку, что наложила чары на цепь! Так?

— Не угадал. — Киммериец резким и сильным ударом рассек железное звено, освободив запястье великана. Рана Риорда, коснувшись зачарованной цепи, высекла сноп синеватых искр, и Шапшум с испуганным ревом попытался отпрянуть в сторону. На губах Конана мелькнула довольная улыбка. Ткнув каттраба концом топорища в отвислый живот, он сказал:

— Так и быть, я тебя освобожу, но ты, мешок с дерьямом Нергала, будешь мне повиноваться! Будешь служить, как пес хозяину — верно, преданно и без обмана! А не то... — он поднял секиру, погрозил. — Если уж мой топор справился с заколдованный цепью, как ты думаешь, что он сделает с тобой? — Рана Риорда снова свистнула, и еще один клок бурой шерсти закружился в воздухе.

— А долгая ли будет служба, хозяин? — с печалью в голосе поинтересовался Шапшум. Похоже, он уверился в неодолимой мощи пришельца с топором и выглядел теперь совсем смиренным.

— Недолгая. Отвезешь меня с приятелем в Иранистан и вернешься сюда. Тут первоначально выследи жреца и прикончи его — да поторопись, не то, клянусь Кромом, он опять наложит на тебя чары! Ну, а после... после можешь заняться остальными. И чтоб ни единой живой души в этой крысоловке не осталось, понял? — грозно нахмутившись, Конан потряс топором. — Как, годится тебе такая служба?

При упоминании о живых душах куттруб явно повеселел.

— Годится! Годится, хозяин! Не успеют погаснуть звезды, как я домчу тебя в Иранистан — те места мне знакомы. А ты уж постараися с цепью... Да еще — как я вылезу отсюда? Дверь — маленькая, а стены толстые... Я бы с ними справился, но только чего-нибудь перекусив. Маг, проклятая козявка, держал меня впроголодь...

— О стенах, — молвил Конан, замахиваясь секирой, — забота не твоя.

Когда они поднялись в ночное небо, усеянное яркими звездами, Рорта недовольно забубнил Конану в ухо:

— Ты обещал мне жреца! Ты обещал мне море крови, а отдал всего четверых! Ты обещал мне всю стигийскую нечисть в крепости, а теперь их сожрет этот волосатый бурдюк! И его ты не позволил тронуть! Почему, потомок Гидаллы?

Киммериец сплюнул вниз, где, озаренный лунным светом, высился на речном берегу древний семибашенный Файон. В его дворе и на стенах суматошно мелькали, метались факелы — видно, грохот камней, сыпавшихся градом под ударами секиры, поднял на ноги весь

гарнизон. Конан представил, что будет твориться в стигийской цитадели, когда на нее налетит Шапшум, и мстительно ухмыльнулся. Жаль, не удастся поглядеть на это зрелище!

Он покрепче стиснул коленями мощную шею кутруба, намотал на левый кулак прядь грубых волос, а правую руку запустил в суму. Нашарив сухарь, поднес ко рту и захрустел, жмурясь от наслаждения. После двухдневного поста черный солдатский хлеб казался вкуснее туранских орехов в меду и изысканных блюд со стола чернокожих владык Кешана и Пунта.

– Жрец! Ты обещал мне жреца! - клекотал призрак. - И крови!

Успокаивающим жестом Конан коснулся холодного лезвия секиры, торчавшего над плечом. Оставить бы ее себе, подумал он, а духа потерять где-нибудь по дороге... слишком уж назойлив и кровожаден... Но то были пустые мечты; без своего магического "я" Рана Риорда превратилась бы в обычный топор - большой, из превосходной стали, но без капли волшебства.

– Кажется, ты спешил на юго-восток? - произнес киммериец. - Мы и отправились туда - причем с такой скоростью, что к рассвету проделаем путь, который занял бы двадцать дневных переходов. Чем же ты недоволен? Или мне надо было раздразнить кутруба, прикончить его, а потом двадцать дней тащиться по пустыне и горам? Будь же благоразумен, Рорта! Что ж до крови, то в Иранистане ее можно пролить не меньше, чем в Стигии.

– Я хочу стигийской крови! - прохрипел призрак.

Конан вздохнул.

– Похоже, Отец Гидалла дал тебе больше силы, чем разума. Чем стигийская кровь лучше иранистанской?

– Стигийцы замуровали меня в каменном гробу! Я должен отомстить!

– И меня они тоже бросили в темницу. И я бы хотел отомстить! Но стоит ли из-за этого терять удобный случай? - киммериец стукнул кулаком по могучему загривку Шамшума. - Этот зубастый бурдюк куда резвей туранского жеребца, а шея у него удобнее, чем верблюжий горб. К тому же он вернется в Файон и отомстит не хуже нас с тобой. Будь спокоен!

– Я хочу отомстить сам! - упорствовал Рорта. - Ты просидел в темнице два дня, а я - целый век! Много веков! Тысячу лет!

– Ты - из железа и колдовских чар, а я - из костей и мяса, - сказал Конан. - Твой век - что мой день, а потому перестань ныть, и давай-ка потолкуем о вещах более интересных. Ты говорил, что отслужишь мне, коли мы доберемся до наследников Гидаллы. Я хочу знать, как?

– Увидишь, - неопределенно пообещал дух.

Киммериец вытянул ноги, уперевшись босыми ступнями в огромные уши Шамшуна. Кутруб был слишком занят, чтобы обратить на это внимание; его раскинутые в стороны руки слегка покачивались, воздух со свистом клокотал в груди. Похоже, он сильно торопился - не столько в Иранистан, сколько обратно в Файонскую цитадель, на завтрак. "Нас тут трое должников, - промелькнуло в голове у Конана, - но лишь один расплатится со стигийцами за постой и гостеприимство. Надеюсь, он предложит хорошую цену."

Незаметно киммериец задремал. Покачиваясь на плечах кутруба, он мчался над безжизненной пустыней, но снилось ему, что вокруг раскинулся океан, а качается под ним палуба корабля, стремительной "Тигрицы", грозы Черного Побережья. Она птицей летела по синим и ласковым водам, неслась прямо к солнцу, к светлому оку Митры, сиявшему в лазурных небесах, и белая пена вскипала вдоль бортов. Скрипели в уключинах весла, ветер раздувал паруса, покрикивали чернокожие моряки, а с высокой резной кормы нежно улыбалась Конану красавица Белит.

Пробил час, Великое Равновесие было нарушено, и следом за этим чудовищные бедствия потрясли мир. Ушла на дно океана Атлантида, другие же земли поднялись, слившись с берегами Турана; в центре материка рухнули горы, и оставшиеся на их месте впадины заполнила вода. Всюду задымились вулканы, страшные землетрясения обратили в руины богатые города, потоки огненной лавы сожгли поля и фруктовые рощи.

Многим не удалось пережить ту древнюю катастрофу, но варварам повезло больше, чем цивилизованным народам. Острова пиктов погибли, однако их поселения на южной валузийской границе почти не пострадали. Сохранились и материковые колонии атлантов; сюда, покинув гибнущую родину, шли сотни кораблей с людьми, надеявшимися спастись в восточных землях от гнева богов.

Альмаденские Скрижали, Плита II, строки 1-12

Глава 5. Крушение Рана Риорды

Боги хранили Равновесие Мира. Все боги, и темные, и светлые, ибо в ином случае воцарившийся хаос мог поглотить и тех, и других. Случалось, боги свирепо бились друг с другом, а враждовали они постоянно - ведь невозможен союз и согласие сил света и тьмы, добра и зла, творения и разрушения, любви и ненависти. Но битвы те, борьба и вражда были присущи миру испокон веков, ибо не может быть света без тьмы и добра без зла. Сражались боги, темные и светлые, но Равновесия не нарушали; и даже, в промежутках меж своими боями, старались поддержать его, укрепляя по мере сил земную твердь и хрустальный купол небес. Один, сотворив исполинов невиданной мощи, подпирал их плечами горные хребты; другой гигантским змеем обвивался вокруг мира, противоборствуя огню, распирывшему его изнутри; третий выплескивал в океан потоки лавы - застывая, они превращались в прочные основания островов и континентов; четвертый же плел частую сеть из звездных лучей, чтоб огромные глыбы камня и льда, кружившие в пространстве, не упали на землю и не раскололи ее диск до самого предвечного пламени.

Но и боги ошибаются!

Быть может, прогнулся один из исполинов, поддерживающих земной круг; покачнулся, не вынеся тяжести гор и скал, равнин и лесов, и бесчисленных тварей, обитавших в них, и городов, каменных стен и башен, что нагромоздили люди. Прогнулся исполин, треснула земля, океан прихлынул к восточным материкам, отхлынул от западных, рухнули горные хребты, рассыпались в прах прибрежные утесы, взревели, пробуждаясь, вулканы...

Быть может, гигантский змей не удержал внутренний огонь, и чудовищные языка пламени вырвались из бездны, сожгли леса, испарили моря и озера, расплавили камень на океанском дне. И начали погружаться в кипящую воду острова и континенты, стали раскалываться на части, и каждая из них существовала теперь сама по себе: одни канули в огненную пропасть, другие, встав ребром, превратились в горы. А потом рухнули, уничтожив все живое каменным градом...

Быть может, перестаралось божество, игравшее с расплавленной багровой лавой. Хлынули ее потоки из жерл сотен и сотен огнедышащих гор, взмыли в небеса столбы черного дыма, застлали солнце, звезды и луну, и наступила ночь. Беззвездная ночь, ночь без светил, во тьме которой метались четыре ветра, южный и северный, западный и восточный; все - одинаково обжигающие, палящие, жаркие. И пели те ветры похоронную песнь и над погружавшейся в море землей атлантов, и над островами пиктов, их врагов...

Быть может, сеть из звездных лучей оказалась непрочной, и некая глыба из мировых пространств, прорвав ее, свалилась на землю, ударила так, как бьет острие копья, ломая кости и пронзая плоть. От того удара всколыхнулся океан и пошел войной на сушу, гоня друг за другом огромные волны, слизывая почву с лесами и травами, разрушая горы, обращая в руины города, прорываясь руслами рек в середину просторных континентов. И там, где высились горные пики, расплескались моря; там, где была степь, поднялись прибрежные утесы; там, где зеленели леса, легли безжизненные пески пустыни. А благословенная Атлантида и острова пиктов, лежавшие в Западном океане, и вовсе исчезли с лица мира.

Так ли то было или иначе, но Великая Катастрофа свершилась; воды Первого Потопа скрыли то, что надлежало скрыть, разрушили то, что полагалось разрушить. Рухнула мощь великих древних держав, исчезли их города и сами их род и племя, но люди сохранились - из

тех, обитавших на обширном Туранском материке, кто сумел избежать гибели в бушующих водах рек и в огненных потоках лавы, кто не попал под тяжкий камнепад и тучи горячего пепла, кто не провалился в трещины, не сгорел, не утонул, не задохнулся. Но не только на огромном континенте Турана спаслись остатки человечества допотопной эры; был еще и материк в южных морях, называемый Му и населенный неведомой людям расой. Были еще и корабли; большинство из них разбились о скалы либо исчезли в разгневанном океане, но немногие смогли удержаться на плаву и, когда ярость стихий пошла на убыль, добрались до берега.

Когда грянул час Великой Катастрофы, Рана Риорда, Небесная Секира, находилась на вершине Аии, в святилище, что было построено там после смерти Отца Гидаллы, пророка и прародителя. Лежала Рана Риорда на алтаре из белого камня, вырезанного в форме большой колыбели, и дремала, объятая сном. Лезвие ее пропиталось кровью тысяч и тысяч погибших, и дух ее насытился на многие годы вперед; и не было нужды везти ее на восточный материк для новых битв, ибо там давно уже процветала могучая держава атлантов, поглотившая лучшие земли древних туранских королевств. Пикты, правда, не были окончательно усмирены, но даже этот упрямый народ не рисковал поднять оружие на Сынов Ветра и Моря; воины в волчьих мехах, с каменными топорами и копьями, лишь изредка тревожили границы новой могущественной империи потомков Гидаллы. И потому Рана Риорда могла отдохнуть.

Но вешний дар ее не спал, и за несколько лун до Катастрофы узрели ее хранители странные картины, мелькавшие на серебристом лезвии огромного топора. Видели они жуткий пожар, охвативший леса и степи; видели высокую волну, что надвигалась на берег из океанских глубин; видели вулканы с темными шапками дыма, выплескивающие багровую лаву; видели рухнувшие горы и землю, покрытую трещинами, из коих били фонтаны огня; видели, наконец, безбрежные воды на том месте, где лежала благословенная Атлантида.

И когда властителю ее было сказано об этих страшных предзнаменованиях, повелел он строить корабли и плыть на восток, в завоеванные туранские земли, а также на запад, где тоже лежал обширный и плодородный континент. О нем Сыны Четырех Ветров знали немногое, но надеялись узнать больше; а узнав - покорить. И долгие дни плыли суда от берегов Атлантиды на восход и закат солнца, возвращались обратно и вновь уходили, груженые людьми, скотом, зерном, металлами и всем, что можно сделать из металла. Ибо скот и зерно были нужны людям для пропитания, металл же давал им могущество и силу: клинки и серпы, плуги и топоры, молоты и якоря, чаши и блюда, украшения вельмож и пряжки на одежде простолюдинов - все, все это делали из металла, из жаркого золота и бледносияющего орихалка, из красной меди и прочной бронзы, из темного железа и гибкой стали.

Уходили корабли атлантов, но не могли увезти они всех богатств родной их земли - ни гор ее и равнин, ни щедрых полей и масличных рощ, ни виноградников, ни жилищ, храмов и крепостей, ни рудных залежей и копей, ни рассветов ее и закатов, ни дневного щедрого тепла, ни ночной прохлады. И потому некоторые из жителей оставались в домах своих: одни

не верили мрачным пророчествам Рана Риорды, другие верили, но предпочитали погибнуть у своего порога, рядом с могилами предков. И властитель Атлантиды их не неволил: кто желал оставаться, тот оставался.

Пришла грозная пора, наступил день божьего гнева - или божьего попущения? Впрочем, люди не задумывались над тем, ярость ли богов или их небрежность сотрясает землю; всякий в ужасе и страхе бежал куда-то, гонимый жаркими ветрами, подобный неразумной твари, ища убежища, спасения и тихого места, коего не было в тот миг нигде в мире. Сверкали молнии, гремел гром, ревели воды и пламя, рушились горы, и смерть смыкала черные крылья над теми, кто оставался на зыбкой земле.

От берегов же Атлантиды отплывали последние корабли, и судов, что направлялись в этот страшный час к востоку, было немалое число - половина тысячи или больше. Семьдесят из них двинулись в путь от подножия скалистой Айи, что стояла на оконечности атлантического материка, и везли те суда мужей и жен рода Южного Ветра, людей чистой крови, прямых потомков Кователя Гидаллы. Старшим же среди них являлся Таванна, хранитель Рана Риорды. И Небесная Секира была на корабле его, обернутая ради сохранности в драгоценные ткани, спрятанная в сундук, окованный цепями, протянутыми к самому корабельному килью. И потому Таванна не мог видеть ее лезвия и прочитать знаки грядущего.

А знаки те были мрачными и сулили беду.

Долго ждать ее не пришлось. Когда рухнула Атлантида в океанские глубины, чудовищные волны разошлись от гибнущего материка на все четыре стороны света и швырнули они флотилию Таванны не на восток, а на юг, к берегам жарких Черных Земель. Долго ураган нес корабли, разбросав их так, что потеряли они друг друга; когда же кончилась буря, то недосчитались кормчие многих судов. Семьдесят их было, но лишь тридцать сошлись вместе и, влекомые ветром, обогнули Черные Земли и понеслись затем на восток, в просторы Южного океана, к неведомым островам и континенту Му. Остальные сорок либо разбились о скалы, либо треснули и потонули, уступив ярости волн, либо попались в ловушку - течение-водоворот, носившее их по океану годами и десятилетиями. Судьба этих последних была ужасна, ибо их команды, вместо быстрой, приняли медленную смерть, высохнув под пылающим солнцем от голода и жажды. Такая участь суждена была и людям Таванны, и самому старейшему из потомков Гидаллы.

Небесная Секира не могла их спасти, ибо мощь ее исчерпалась в пророчествах. Да и что бы удалось ей сделать? Ее магия была магией смерти, не жизни; она умела убивать и побеждать, но не спасать, не сочувствовать, не сострадать гибнущим. И когда последний мореход распрощался с жизнью, Рана Риорда осталась одна на корабле мертвых, кружившем день за днем среди бурных вод Западного океана. Руки наследников Гидаллы больше не касались ее, не дарили ей силу, не вздымали в битве над полчищами врагов; медленно и неотвратимо Небесная Секира погружалась в забвение - среди кусков гниющей ткани, среди обломков досок, среди ржавеющих цепей, среди высохших мумий, наполнявших корабельные трюмы.

Прошло время, и она сама тоже стала мумией. Но странное и таинственное ее существование не походило на краткую жизнь людей, и потому Рана Риорда не сгинула, не погибла, не рассыпалась бурой ржавчиной. Забытая, потерпевшая крушение, она ждала - ждала, когда коснутся ее человеческие руки.

И до той поры корабль мертвого Таванны держался на воде и не уходил на дно морское.

Иранистан - жаркая земля, что протянулась полосой меж морем и пустыней. Пустыня та дика и бесприютна, и водятся в ней многие странные и хищные твари, весьма опасные для путника: рыжие львы, ядовитые змеи, злокозненные инкубы и песчаные духи. Отвратительнее же всех прочих великанши-гулы и великаны-кутрубы, что пожирают путешественников живьем либо творят над ними ужасные непотребства, еще худшие, чем смерть.

Что же касается моря, омывающего берег Иранистана, то зовется оно Вендийским, ибо к востоку за ним лежит богатая Вендия; к западу же - Зембабве и

Черные Королевства.

Хоть иранистанцы и признают власть одного владыки, но делятся на множество племен, из коих иные обитают в горах, или в пустыне, или на морском побережье. Одни из них - мирные феллахи, возделывающие землю, другие же - сущие разбойники, кочевники пустыни, что живут насилием и грабежом.

Но все они говорят на одном языке, сходном с туранским, и подобны друг другу обличьем: смуглые, черноволосые, с густыми бровями и зрачками словно камень агат; носы же их видом напоминают клюв коршуна. Нрав у кочевников горячий, обычаи воинственны, и посему в державах юга иранистанские наемники почитаются превосходными солдатами.

Аквилонский манускрипт "Правдивое и истинное описание краев чужедальних, лежащих на полдень и на восход солнца"

Глава 6. Львы Таглурा

Кутруб летел быстро, и прохладный ветерок, плескавший в лицо, вскоре разбудил Конана. Сидя на могучих плечах Шапшума, он принялся размышлять о том, почему дикому кутрубу, не умевшему ни пахать, ни сеять, ни разводить скот, ни дубить кожи, ни пользоваться челноком ткача или плотничым инструментом, было даровано волшебное искусство полета. Как такое могло случиться? Быть может, темные боги желали посмеяться над людьми, наделив этой чудесной способностью бесполезную и кровожадную тварь? Но куда же глядел Митра, Светлый Заступник, Податель Жизни? Если уж ему не захотелось отнимать у гулов и кутрубов магический дар парения над землей, то почему он не облагодетельствовал им род человеческий, научив летать всех и каждого?

С другой стороны, люди и так неплохо устроились в мире сем. Уж они-то умели и пахать, и сеять, и пасти скот, и ковать плуги да мечи, и выпускать кишки ближним своим! Так или иначе, честными ли трудами, разбойниччьим ли ремеслом, люди умели заработать кусок хлеба насущного. Другое дело - кутрубы, огромные, ленивые и прожорливые. Пожалуй, без своего таланта к полетам они бы просто сдохли с голода. Как иначе такому неповоротливому чудищу настигнуть караван в пустыне и растерзать путников? Как пасть с небес на быстрое судно и разделаться с мореходами, пожрав их тела, отправив души на Серые Равнинны?

И все же в этом ощущалась какая-то несправедливость. Парить в вышине, под яркими звездами или золотым солнцем, нестись на крыльях ветра, пронизывать кисею белоснежных облаков, спорить с грозовыми тучами, обгоняя их в стремительном полете... Мечта! Прекрасная и величественная мечта! Но только мечта - для человека, разумеется. Шапшум, хейворк, людоед, не предавался мечтам; он летал наяву. Летал, высматривал, вынюхивал, выискивал кусок посланце и ел, пока его не засадили в стигийскую темницу, сковав заколдованной цепью. Ну, туда он еще вернется, - подумал Конан, - не в темницу, конечно, а в Файон... вернется и не уйдет, камни будет грызть, клыки сточит, но сожрет всех до последнего... Жестокое племя кутрубы и гулы, - продолжал он свои рассуждения, - но и стигийцы не лучше, в особенности их жрецы. Одни умеют летать и жрать, другие напускают чары... Вот и тягались бы друг с другом на радость Нергалу и прочим темным богам!

Внезапно ринувшись вниз, Шапшум приземлился, тяжело шлепнувшись на песок, и тут же встал на четвереньки. Звезды над головами путников уже померкли, небо на востоке порозовело; золотой глаз Митры готовился взойти над миром и слал вперед алые свои лучи, будто предупреждая: ночь кончилась, день настает! Конан глубоко втянул воздух, наполненный солеными морскими запахами, и слез с шеи гиганта. Песок под его босыми ногами был теплым и мягким, где-то неподалеку рокотали волны, а в двух полетах стрелы подрагивали, трепеща на ветру, взъерошенные кроны пальм. Киммериец потянулся и зевнул.

– Куда ты меня привез, протухшая задница? - спросил он, озираясь по сторонам.

– Куда велено, хозяин, в Иранистан, - Шапшум сел, скрестив ноги, и начал почесывать грудь - там, где виднелся багровый рубец от стигийской цепи.

На иранистанском побережье Конану бывать не приходилось. Правда, он встречал иранистанцев, превосходных воинов, горячих нравом и быстрых в обращении с кинжалом; люди эти говорили, что правит в их стране владыка Ксаркас Девятый, Его Безмятежное Величество, но в пустыне и горах власть его не слишком крепка; там все решают вожди кочевых племен. Городами же владеют князья, данники Ксаркаса, и богатейшие из купцов;

городов же тех много, и земли вокруг них плодородны и обширны.

Поразмыслив на сей счет, Конан пнул кутруба в колено и произнес:

– Иранистан велик, сын осла. Это что за край?

– Хороший край, хозяин, богатый! Там, - огромная лапа кутруба протянулась на восток, - стены, сады, дома, люди, много людей! Лошади, верблюды, овцы и козы тоже есть, - добавил он, помолчав, - но люди вкусней.

– Хмм... - протянул Конан. - Выходит, ты меня притащил прямо в свои охотничьи угодья? Ну, ладно, Нергал с тобой, место не хуже прочих... А теперь скажи-ка, как называется здешний город и далеко ль до него?

– Город называется Базра, - с готовностью доложил великан, - а идти до него половину дня.

Киммериец скривился.

– Ты мог бы опуститься и поближе, волосатая шкура!

– Видишь ли, хозяин, если нас заметят из города, то тебе придется туго, когда я улечу. Шапшума в этих краях знают, - кутруб многозначительно облизнулся. - А здесь все тихо и спокойно. Иди себе теперь вдоль берега, и дойдешь до Базры, словно обычный путник.

– Я и есть обычный путник, - буркнул Конан, подумав про себя, что Шапшум, невзирая на звероватую внешность, вовсе не глуп. По меркам гулов и кутрубов, разумеется.

Гигант уставился на него в нетерпеливом ожидании.

– Ну, господин мой, доволен ли ты? Исполнен ли наш уговор? Может ли Шапшум возвращаться? Рассвет близко, и Шапшум хочет есть...

Поглядев на розовеющее небо, Конан кивнул:

– Господин доволен. Убирайся!

Гуль привстал, подпрыгнул и с ликующим ревом взвился в небеса, обдав хозяина фонтаном песчинок. Выругавшись, Конан принялся развязывать узел на груди. Освободив топор, он воткнул его древко в землю и обмотал набедренную повязку вокруг пояса.

– Ну, Рорта, что будем делать? - поинтересовался киммериец, покончив с этим занятием.

Дух явился незамедлительно, окружив древко секиры туманным серебристым облаком. Выглядел он получше, чем в прошлый раз - стан выпрямился, тощие руки и ноги округлились и даже морщины на лице словно бы начали разглаживаться. Видно, кровь стражей Файона пошла ему впрок, подумал Конан, всматриваясь в мерцающие сапфировые глаза. В призрачных чертах Рана Риорды он улавливал нечто знакомое, вот только не мог понять, что.

Киммериец хмыкнул и потер щеку в темной щетине.

– Похоже, ты начинаешь молодеть, Рорта!

– Сила моя возросла, хоть ты и не дал мне напиться кровью вволю, потомок Гидаллы, - заявил дух. - Ну, ничего; предчувствую я, что ждет нас битва. Славный бой! И случится он после полудня.

– Не хотелось бы лезть в драку с пустым брюхом, - пробормотал Конан. Воспоминания о фляжке со стигийской кислятиной и сухарях из прихваченной с собой сумы уже испарились, и он снова хотел есть и пить. Только не хлеб и воду, а мясо и вино! Он припомнил, что иранистанские вина славились даже на берегах моря Вилайет, и слюну.

– Будет битва, - проклекотал Рана Риорда, - будет кровь для меня и тебе пожива! Что же касается дальнейшего нашего пути, то лежит он по-прежнему на юг и на восток. Там, я чувствую, обосновались потомки Гидаллы, и туда я должен попасть!

Конан нахмурился. На юге побережье Иранистана омывало Вендийское море, а за ним

лежал безбрежный океан. Как утверждалось в древних сказаниях, в нем были какие-то острова и земли, но давно, еще до Первого Потопа, уничтожившего Атлантиду. Что случилось с ними во времена Великой Катастрофы? Опустились ли они на дно, либо наоборот встали из пучины морской новыми материками, о коих слыхом не слыхивали в хайборийских королевствах?

Кто знал об этом? Кто ведал?

В душе Конана разгоралось любопытство. Как все варвары, он жаждал славы и богатств, и, вероятно, к своим годам мог бы добиться того или другого, если б не тяга к перемене мест и неистребимая склонность к авантюрам. Вор, пират и наемник, он не раз накладывал руки на сказочные сокровища, не раз дороги его пересекались с путями владык, но и богатства земные, и почести, и награды проскальзывали меж пальцев. Быть может, потому, что он не пытался их удержать? Он был еще молод, и страстное желание повидать мир и поучаствовать в опасных приключениях превозмогало соблазн высоких постов и власти. Он мог бы сделаться одним из первых военачальников в полудюжине хайборийских держав - скажем, в Немедии или в Офире, - но предпочел королевской службе палубу "Тигрицы" и любовь Белит. И свободу! Свободу идти туда, куда влекло сердце, делать то, чего просила душа.

А в результате?

Вот стоит он на морском берегу, в чужой стране, снова утратив все, чем владел; он голоден, грязен и наг, и лишь клочок ткани на бедрах принадлежит ему... Но разве, вступая на новую дорогу, не стоит отряхнуть прах старой? И хоть он все потерял в стремительных водах Стиksа, но надеялся, что вместе с мечом и арбалетом в них утонули и те несчастья, что преследовали его в последнее время. Пусть Кром пожрет воспоминания о проклятых Черных Королевствах! Лишь память о Белит ему хотелось сохранить.

Нагота же, голод и грязь были явлением временным и преходящим. Грязь смывает вода, а золото, украденное или взятое в сражении, поможет утолить голод и прикрыть тело. Главное, у него была теперь цель! Он вдруг почувствовал, что не меньше своего призрачного спутника жаждет попасть в таинственные края, где нашли пристанище потомки рода Гидаллы. Увидеть их далекие земли, сказочные города, встретить новых друзей и новых врагов... Неведомое тянуло его; к тому же, Рана Риорда обещал отслужить за труды! Отплатить добром за добро!

Встало солнце, и яркие лучи светила брызнули Конану прямо в глаза, прервав его раздумья. Он повернулся лицом к морскому берегу, вытянул руки.

– Там, на юге, океан, и ни один кормчий не рискнет повести туда корабль... Жаль, что я отпустил Шапшуна! Этот малый мог бы доставить нас куда угодно быстрее урагана!

– Не жалей, – проскрежетал Рорта. – Я ведь еще не знаю, куда мне угодно. Я только чувствую, что путь лежит на юг и восток. Когда сила моя возрастет, я скажу точнее.

– Ну, раз мы не можем идти на юг, отправимся на восток, – сказал Конан. – Там, за Иранистаном, Вендия... Хорошо бы найти в этой Базре попутный корабль... – он вдруг усмехнулся и добавил: – Мы с тобой, приятель, могли бы разжиться славным суденышком! Выйдем в море, а там...

Тонкие губы Рана Риорды сложились в понимающую усмешку – первую, увиденную Конаном на этом призрачном и мрачном лице. Дух кивнул; боец с полуслова понимал бойца, разбойник – разбойника.

– Пора идти, – Конан потянулся к древку секиры. – Шамшум, этот мешок с дерьяном, говорил, что до города тащиться полдня... Клянусь бородой Крома! Только-только успеем к

той драке, которую ты напророчил!

– И напрочу еще! Если ты подаришь мне каплю своей крови.

– Это к чему? - Сильные пальцы Конана сжали древко.

– Я же сказал, киммериец, что умею не только рубить головы. Пoi меня кровью врагов, и сила моя вырастет стократно; я смогу перенести тебя над водами, равнинами и горами быстрее волосатого Шапшуна, смогу вернуть тебя во вчерашний день, смогу предсказать будущий... О, я многое сумею, когда буду сыт! Я и сейчас кое-что предвижу... но смутно, смутно... Капля крови потомка Гидаллы поможет узреть яснее.

– Узри, - согласился Конан и надавил большим пальцем на отточенную кромку топора. Алая капля лизнула острую сталь, тонкой красной ниточкой потекла вниз, но не успела скатиться на землю - лезвие, полыхнув багряным от светом, поглотило ее. Затем в сияющей голубовато-серебристой глубине появилось чье-то лицо - широкоскулое, толстощекое, смуглое и рябое, с узкими щелочками век. Его сменила другая физиономия, горбоносая и усатая, с властными высокомерными чертами; под конец вроде бы мелькнула лукавая рожица ребенка - пухлые губки, нежные щеки, черные блестящие глаза.

– Ну, что ты разглядел? - поинтересовался призрак.

– Троих. Две разбойные рожи и какого-то сорванца. Похоже, девчонку... Кром! Только девчонки мне и не хватало!

Рана Риорда кивнул.

– Тroe, все верно. Ты встретишь их сегодня еще до заката, киммериец.

– Лучше бы я встретил хорошую харчевню, - отозвался Конан.

Взвалив секиру на плечо, он зашагал вдоль берега на восток.

Конан шел быстро, движимый нетерпением и голодом. Вскоре, в трех полетах стрелы от морских волн, обнаружилась тропинка; она превратилась сначала в тропу, затем - в дорогу, хорошо натоптанный тракт, от которого ответвлялись другие тропы, тянувшиеся то к пальмовым и масличным рощам, то к виноградникам, то к посевам ячменя или к рыбакским хижинам, ютившимся на берегу. Край этот, видно, был изобилен и богат, как и утверждал Шапшум; горы, вздымающиеся на севере, прикрывали окрестности Базры от знойного дыхания пустыни и, задерживая теплые морские ветры, дарили влагу плодородной почве.

На дороге стали появляться путники. Одни, как и Конан, шли пешком; другие, видимо крестьяне, по-местному - феллахи, восседали в небольших тележках с высокими колесами, влекомых осликами или крепкими коренастыми зебрами - этих неприхотливых животных разводили на западе, в Зимбабве, и гнали на продажу в Иранистан. Иногда, вздымая пыль, проносились по тракту всадники на горячих скакунах; обвешанные оружием, с хищными горбоносыми лицами, они высокомерно посматривали на крестьян и пеших странников. Конан, нагой и грязный, вызывал у этих воинственных сынов пустыни презрительные ухмылки, но огромная секира, что покачивалась на плече киммерийца, предупреждала: связываться с ним небезопасно.

К такому же выводу пришли и мирные феллахи, торопившиеся в город на базар: ни один

не возразил, когда огромная ладонь Конана, нырнув через бортик очередного возка, возвращалась полная фиников или инжира. К досаде киммерийца, он нигде не мог нашарить кусок мяса или хотя бы лепешку, зато, наткнувшись на торговца вином, осушил целый бурдюк. Финиковое вино показалось ему слишком сладким, но было зато душисто не менее крепко, чем лучшие аргосские сорта. Хозяин соблазнительного груза с изумлением следил, как синеглазый гигант-северянин разделался с полным мехом, довольно кивнул и зашагал дальше - прежней уверенной походкой, раскачивая свой сверкающий топор. Конан, подмигнув ему, принял соображать, подойдут ли ему штаны виноторговца - тот был мужчиной крупным и тучным, в шароварах невероятной ширины. Но, справедливости ради, не стоило наносить ему новых убытков помимо опустошенного бурдюка, и киммериец, еще раз подмигнув, решительно обогнал возок.

Вскоре он наткнулся на хвост верблюжьего каравана, тянувшегося по дороге под звон бубенцов бесконечной чередой бурых горбатых спин, украшенных резными сундуками, корзинами и мешками из полосатой ткани. Не желая глотать пыль, Конан ускорил шаги, потом перешел на бег и спустя некоторое время оставил позади пыльное, ревущее и звенящее облако. Вытерев пот со лба, он огляделся, высматривая очередную повозку с вином, но узрел только штаны - зато вполне подходящего размера.

Штаны обтягивали зад рослого и на редкость мускулистого детины, и, взглянув на его рябую смуглую рожу, Конан сразу признал показанное секирой лицо. Вероятно, в жилах этого богатыря текла мунганская кровь - его физиономия круглилась, как плоская лепешка, а меж прижмуренных век нельзя было просунуть и тонкой медной монетки. Кроме штанов, мунган носил добрые сапоги и расшитую бисером куртку, поверх которой на широкой перевязи красовался огромный изогнутый ятаган. Выглядел этот молодец горделивым и неприступным, шириной плеч не уступал Конану, а ростом даже превосходил его - правда, ненамного.

- Хорошие у тебя штаны, приятель, - сказал Конан на туранском, пристраиваясь сбоку. - И сапоги тоже ничего, как раз на мою ногу... Да, совсем неплохие сапоги!

Узкие раскосые глазки обшарили фигуру киммерийца от голых пяток до гривы нечесаных темных волос.

- А сабля и того лучше, оборванец, - ответил мунган. - Тот, кто зарится на добро Саледа Алиама, сначала должен разглядеть саблю, а потом уж все остальное.

- Сабля твоя мне ни к чему, - усмехнулся киммериец, - а вот штаны бы подошли. Не поделишься ли добром? Тогда я оставлю тебе сапоги.

- Делиться не в моих привычках, - буркнул Салед Алиам, и Конан молчаливо согласился с этим утверждением - рожа у мунгана была самая что ни есть разбойная. - Вот поменять могу. Штаны на твой топор. Пойдет?

- Не пойдет. Ты не любишь делиться, ая не люблю ни делиться, ни меняться.

- Тогда проваливай, пока цел, северная крыса! - рыкнул рябой великан.

- Я и правда с севера, - согласился Конан. - И обычай у нас таков: если два благородных воина вступают в спор на дороге, то тут же отходят в сторонку и решают, кто прав, кто виноват. Как ты на это смотришь, Салед? Клянусь печенью Крома, я не стал бы пачкать кулаков о твою рябую рожу, да штаны твои, видишь ли, очень мне приглянулись.

- А к чему нам с дороги-то уходить, голозадый? Дорога нас приведет как раз туда, куда нужно, - Салед оправил перевязь и сплюнул Конану под ноги.

Подняв голову, киммериец увидел впереди глинобитные стены и башни Базры, ее

минареты, округлые купола которых сверкали цветной черепицей, пристани на толстых сваях, уходившие в голубую бухту, и десятки кораблей, стоявших у причалов и на внешнем рейде. У городских ворот справа тянулись харчевни, постоянные дворы и склады, сложенные, как и крепостные стены, из обожженных на солнце кирпичей; слева простиралась просторная площадь-майдан, за которой торчали круглые полотняные шатры, коновязи и пики с развевающимися по ветру бунчуками. Воинский лагерь, догадался Конан.

— Вон там, — мунган ткнул влево толстым пальцем, — твоя секира может потягаться с моей саблей за штаны. Таглур-сердар людей набирает для вендейского князька Ашакана. Платит, говорят, хорошо, и есть где денежки спустить! — теперь палец Саледа переместился вправо, в сторону харчевен и кабаков.

Конан кивнул, решив, что саледовы штаны от него не уйдут, а о сердаре Таглуре и вендейской экспедиции надо разузнать поподробнее. Ежели наняться в войско, то дней через пять-десять он будет в Вендии... Причем с полным снаряжением, ибо солдату полагаются кольчуга и меч, щит и шлем, лук и кинжал, одежда и мешок с припасами, а также звонкая монета, мясо и вино.

Не торопясь, он проследовал за рябым мунганом дальше по дороге, потом через обширный майдан в дальний угол, где на коврах и подушках восседал важного вида человек в сверкающей броне и богатом халате. На коленях у него лежала сабля в бархатных ножнах, лоб перехватывала пышная повязка алого кхитайского шелка, в ушах подрагивали серьги с бирюзой, а на сухощавом горбоносом лице читались привычка к власти и горделивое высокомерие. Конан сразу узнал его — не со слов Саледа, толковавшего про Таглура-сердара, но потому, что облик горбоносого был знаком ему с утра, с того самого момента, как всплыл он в сияющей голубизне Рана Риорды.

За иранистанским военачальником толпилась сотня воинов с кривыми саблями и пиками в восемь локтей длиной, в круглых шлемах с остроконечными навершиями посередине; еще больше солдат болталось в лагере — у этих, видно, предстоящее зрелище не вызывало интереса. Перед Таглуром неровной шеренгой выстроились три десятка крепких молодых мужчин, вооруженных кто чем: мечами и ятаганами, топорами и шипастыми дубинами, окованными железом, копьями и бердышами. По большей части тут были иранистанцы, но опытный взгляд Конана выловил и пару шемитов, пяток туранцев и трех чернокожих воинов — вероятно, из Зембабве. Все эти молодцы различались оружием и одеждой, обычаем и нравом, но было и кое-что схожее: выглядели они сущими головорезами. Впрочем, Канан с Салехом Алиамом, пристроившиеся с края шеренги, общего впечатления не портили.

Сердар Таглур держал речь. Говорил он по-иранистански, пересыпая речь свою туранскими словами; а поскольку оба эти языка схожи, то Конан понимал или мог уловить почти все.

— Вам, славные витязи, выпала большая удача, — важно вещал военачальник. — Каждый из вас, свиней недорезанных, должен вбить в башку: служба в отряде Львов Таглура — великий почет для таких негодяев! И великая выгода, ибо светлейший Ашакана, раджас Средней Вендии, желает, чтобы мы потрепали владык Айодии... да, потрепали, не забывая и о своих карманах! А поскольку Айодия город пышный и знатный, из богатейших вендейских городов, то каждый из вас, соколы мои, вернется в Базру совсем не бедняком. Конечно, если вернется вообще! Потому как мечи у айодийских кшатриев остры, и лишь отважные иранистанцы, ослиные головы вроде вас, рискнут вступить с ними в драку. И только они, клянусь мочой

черного верблюда, могут тех кшатриев потрепать!

Тут Таглур, не глядя, протянул правую руку, и один из стоявших рядом воинов вложил в нее чашу с вином. Конан облизнулся. Сердар выпил и разгладил пышные усы, кончики которых грозно торчали вверх.

— А еще вам, храбрецы, повезло от того, что обещался я привести светлейшему Ашакану ровно три сотни воинов, ни одним меньше, ни одним больше. Но Паид, пес и сын пса, свалился с забора, сломав себе шею, мерзавец Масрур подхватил дурную болезнь у какой-то девки, Сийкуш, свиная задница, упился вином по самые брови и утонул в выгребной яме, а что касается остальной четверки, то сдохли они столь же мерзопакостно и в страшных муках, хоть и по разным причинам. А потому нужны мне семь новых негодяев, дабы Львы Таглура прибыли к милостивому Ашакану в оговоренном числе, не нарушив договора и не посрамив тем самым славного моего имени и чести.

Таглур протянул левую руку и опрокинул в рот вторую чашу. Хорошее, наверно, винцо у сердара, с завистью подумал Конан.

— Итак, сражайтесь, герои, — произнес Таглур, поднимая свою саблю, — пока я не брошу ножны на майдан, а брошу я их тогда, когда лишь семеро из вас, собак смердящих, останется на ногах. И помните, что я гляжу за каждым, дабы определить лучшего бойца. И будет лучшему награда: звание десятника, ун-бashi, и то, что лежит на сем блюде.

Тут сердар постучал саблей по большому подносу, прикрытому плотной тканью и стоявшему справа от него. Похоже, там была свалена воинская амуниция — в середине ткань горбатилась, будто облегая шлем, а сбоку из-под нее торчала какая-то палка, похожая на древко копья. Очень кстати, решил Конан, не сомневавшийся, кто будет лучшим в бою; очень и очень кстати — одежда и оружие, все снаряжение по сходной цене, за головы двадцати ублюдков. А те, кто останутся живы, поступят под его команду.

Таглур выпил еще одну чашу вина, велел бойцам перестроиться в две шеренги и, не поднимаясь, махнул рукой.

— Начинайте, дети шелудивого осла!

"Всеръез ли эта схватка, — промелькнуло у Конана в голове, — и надо ли бить до смерти?" Но в следующий миг он едва увернулся от кривой иранистанской сабли и, гневно оскалившись, взмахнул секирой. Его противник, худощавый и гибкий, как горный барс, успел поднять свой клинок, но серебристое лезвие Рана Риорды перерубило и саблю, и руку, что держала ее, и шею иранистанца. Послышалось шипение всасываемой крови, и обезглавленный труп свалился в пыль майдана.

Быстро развернувшись, киммериец примерился к соседней паре, туранцу и негру, рубившимся с яростью голодных волков. Пожалуй, он мог бы разделаться с ними единственным ударом, сверху вниз и слева направо... Первого рассечь напополам, от плеча к бедру, второму перебить ноги повыше колен... Конан поднял секиру, и тут в спину ему всадили кинжал.

К счастью, неглубоко, на два пальца — он успел отпрыгнуть в сторону, почувствовав, как лезвие коснулось кожи. Зарычав, киммериец ткнул владельца кинжала топорищем в пах, и, когда тот согнулся в три погибели, обрушил топор ему на затылок. Отметив, что покойный являлся шемитом, Конан вычеркнул его из списка будущих своих подчиненных и атаковал следующего противника.

Некоторое время он бился то с одним иранистанцем, то с другим, поглядывая, как над головами в чалмах и шлемах мерно подымается и опускается ятаган Саледа Алиама. Рядом мунган оказался умелым бойцом, и Конан охотно скрестил бы с ним оружие — не столько из-

за штанов, сколько ради славы и чести - но толпа сражавшихся разделяла их. Впрочем, недолго: шеренги претендентов, желавших присоединиться к Львам Таглура, редели со сказочной скоростью, и души их одна за другой отправлялись на Серые Равнины, в мрачное царство Нергала. Вскоре киммериец заметил, что между ним и Саледом больше мертвых, чем живых. Раскроив череп очередному противнику, широкоплечему негру из Зембабве, он вскинул секири и, перешагивая через трупы, направился к рябому мунгану.

Но в этот день им было не суждено вступить в смертельную схватку. Едва бойцы сошлись на три шага, едва сверкнул широкий клинок мунгана, едва Конан нацелился острием секиры ему в горло, как на майдан полетели бархатные ножны иранистанского воеводы. Следом на поле боя вступил и сам сердар, с саблей в одной руке и чашей в другой. За ним шагали два десятка Львов Таглура, готовых утихомирить разыгравшиеся страсти.

- Хватит, соколы мои! Хватит, смердящие потомки осла и свиньи! Хватит, я сказал! - Двигаясь по кругу, сердар не скупился на удары саблей. Бил он плащмя, но с большим умением и сноровкой, приговаривая: - Вас осталось семеро, храбрецы - столько, сколько мне и нужно. Семеро, не шестеро и не пятеро... И я не допущу, чтоб число это уменьшилось... Вы слышали, отродья шакала? - он хлестнул клинком иранистанца и шемита, вцепившихся друг другу в глотки. - Кто не охладит боевой пыл, удостоится плетей... да, плетей и клейма на лоб за непокорство... а еще, славные витязи, я вычту с каждого три золотых - ровно половину того, что вам предстоит получить.

Последняя угроза возымела действие, руки иранистанца и шемита разомкнулись. Остальные, в том числе и Конан с Саледом, уже стояли спокойно, отдуваясь и вытирая кровь с оружия. Таглур приблизился к ним и, склонив голову к плечу, осмотрел обоих, словно сравнивая синеглазого северянина со степным богатырем.

- Ты! - Он ткнул Конана кулаком в грудь. - Ты прикончил шестерых! Прикончил, сражаясь без доспехов, без сапог и даже... - сердар вновь оглядел киммерийца, - даже без штанов! Неплохо, клянусь мочой черного верблюда! Желал бы я знать, в какой стране рождаются такие волки!

- На севере, достойный господин, - ответил Конан на турецком, - в Киммерии.
Таглур надменно сощурился.

- Э, да ты не говоришь на иранистани! Сущий дикарь, хоть и хороший боец! А скажи-ка мне, почтают ли в этой Киммерии светлого Митру?

- Мы почтаем Крома, Владыку Могильных Курганов. Но никто не скажет худого слова и о Митре.

- Еще бы! Митра велик, и лишь дикари, племя шакалов, могут верить в иных богов!

Конан нахмурился, но ничего не сказал. Сердар же, потеряв к нему интерес, повернулся Саледу Алиаму.

- Ты тоже убил шестерых, узкоглазый. Равный счет с этим северянином, и я не знаю, кому из вас присудить победу. Конечно, если б вы продолжили схватку... - Таглур задумчиво пригладил усы. - Нет, нельзя! Вы нужны мне, и я заполучу вас обоих! А награду поделю. Ты, - сардар кивнул бесстрастно взиравшему на него мунгану, - почтешь ли светлого Митру?

- Конечно, господин мой, - ответил Салед. - И светлого Митру, и Ормазда, и прекрасную Иштар, да не оставит она тебя своими милостями. Я почтую всех великих богов, а о Кроме, владыке могильных червей, слыхом не слыхивал!

- Эй! - Конан покрепче ухватился за секири. - Не обижай моего Крома, если не хочешь прогуляться на Серые Равнины!

– Молчать! – рявкнул Таглур. – Закрой свою волчью пасть, киммериец! Нет, открой, – добавил он спустя мгновение, – и скажи, как тебя зовут!

– Конан, мой сердар. Конан-киммериец.

– А тебя? – воевода уставился на рябого мунгана.

– Салед Алиам, храбрейший господин. Я сражался в сотне битв и тысяче схваток, и мой меч никогда не прятался в ножны, не обагренный кровью врага.

Таглур в раздумье покрутил усы. Два победителя и остальная пятерка – те, что остались в живых – терпеливо ждали. Кроме Конана и Саледа, в схватке уцелели два иранистанца, шемит, туранец и воин из Зембабве. Правда, у туранца отсекли ухо, а на груди негра багровела длинная царапина. Но то были мелочи – по сравнению с высокой честью служить в отряде Львов Таглура.

Наконец сердар принял решение.

– Ты, – он кивнул Конану, – получишь награду, что лежит на блюде. Тебя же, – его взгляд переместился на плоскую физиономию Саледа, – я назначаю ун-бashi. И все шесть шелудивых псов поступят под твою команду.

– Это еще почему? – Конан грозно нахмурился. Хоть ему не исполнилось тридцати, он был опытным военачальником, что и доказал в Немедии и Офире, да в Боссонских топях, на пиктской границе. После подвигов в тех краях невелика честь стать десятником в наемном войске иранистанцев, но все же... И не рябому мунгану командовать над ним!

Но воевода Таглур, поигрывая саблей и поглаживая усы, заявил:

– Свершится так, как сказано, клянусь бедрами Иштар! Киммериец получит награду, мунган станет ун-бashi!

– Почему? – упрямо повторил Конан.

– Потому, северный мой сокол, что Салед Алиам почтает Митру и говорит на иранистани. Вдобавок, – сердар смерил обоих претендентов пристальным взглядом, – он выше тебя ростом на целых два пальца.

Конан раскрыл было рот, но сердар повелительно махнул рукой:

– Все, ослиный помет! Бери лежащее на блюде или убирайся! Если не хочешь, я поищу себе нового воина. Базра город большой!

Стиснув зубы, киммериец направился к своей награде. Рорта, против обыкновения, молчал; видно, набирался сил, переваривая шестерых зарубленных в недавней схватке. Постепенно и Конан начал успокаиваться. В конце концов, что он терял? Ему надо было добраться до Вендии, и так ли важно, приплывет ли он туда в чине ун-бashi или простым воином? Будет еще время рассчитаться с рябым мунганом, будет... Да и высокомерный Таглар не останется позабытым... Зато сейчас, размышлял Конан, ему выдадут полное боевое снаряжение. Меч, кинжал, лук, копье, шлем, доспехи... Вот только подойдет ли броня? В Иранистане народ мелковатый...

С такими мыслями он подошел к блюду, подцепил покрывало острием топора и сдернул его, ожидая увидеть груду воинской амуниции. Но на большом круглом подносе не оказалось ни одежды, ни крепкой кольчуги, ни меча, ни кинжала, ни лука с быстрыми стрелами. Там, скорчившись, сидела девушка – вернее, девчонка лет тринадцати с едва начавшей формироваться фигуркой. Была она нагой, если не считать легкого шарфика вокруг бедер, и глядела на Конана широко раскрытыми испуганными глазами. У колен ее лежал ситар, обычный на востоке инструмент с окружной декой и длинным вытянутым грифом; его-то Конан и принял раньше за древко копья. Видно девчонка была музыкантшей.

— Эй! - Конан повернулся к подходившему Таглуру. - Это что такое, сердар?

— Твоя награда, киммериец. Редкостный товар! Девчонка из самой Уттары. Принцесса! Или не нравится? - Таглур прищурился.

— Мне нужны штаны и сапоги, - твердо заявил Конан. - Мне нужен меч, нужна кольчуга, нужен плащ...

— Ночью эта красотка согреет тебя лучше плаща, - заметил сердар.

Конан бросил на юную девушку оценивающий взгляд. Лицо ее, как и физиономии Таглура и Саледа Алиама, он видел не впервые - эта лукавая рожица взирала на него сегодняшним ранним утром, возникнув на мгновение в серебристом зеркале Рана Риорды. Пухлые яркие губки, нежные щеки, черные блестящие глаза, едва наметившиеся груди, узковатые бедра... Киммериец пренебрежительно пожал плечами.

— Не вижу, какими прелестями тут можно согреться. Года четыре надо ждать... Нет, такая награда мне не нужна!

— Как хочешь, - Таглур щелкнул пальцами, подзыва охрану. - Тогда я велю ее утопить.

— Почему?

Теперь плечами пожал сердар.

— Таков обычай. Если хозяин пренебрег рабыней, дорога ей либо в море, либо в землю.

Живой, - уточнил Таглур.

Девушка, взvizгнув, повалилась Конану в ноги.

— Возьми меня, добрый господин! Не гони, не отдавай никому! Я боюсь смерти! Я стану тебе верной служанкой, заботливой и покорной! И я совсем мало ем! Горсточку риса за целый день... даже половину горсточки... Только не отдавай меня! Я буду играть тебе на ситаре! Я буду услаждать тебя ночами! Я буду мыть твои ноги, расчесывать волосы, врачевать раны, чистить одежду!

— Чистить пока нечего, - сказал Конан, приглядываясь к девушке повнимательней. Кожа у нее была цвета золота, а волосы черны, как ночное небо над просторами Западного океана. Когда-нибудь, мелькнуло у киммерийца в голове, она станет похожа на Белит... и ради Белит он должен помочь этой девушки. Кроме того, Рана Риорда предсказал, что малышка сделается его спутницей, а раз так, то надо ли идти против судьбы?

Вздохнув, Конан обхватил ладонями хрупкие плечи девушки и поднял ее.

— Ладно, уттарийская принцесса... Как тебя зовут?

— Я не принцесса... - огромные черные глаза смотрели на киммерийца с мольбой я надеждой. - Я Ния... Ния То Кама Суддакха Пра Бон... Цветок, Который Распускается в Полнолунье...

— Надеюсь, это полнолуние наступит не скоро, - пробормотал Конан и повернулся к Таглуру. - Я беру ее. Нельзя топить цветы в море и зарывать в землю.

— Мудрое решение! - губы сердара насмешливо скривились. - Ты, почитатель Крома, не так глуп, как кажешься. За этот цветок на рынках Базры дадут пять золотых... и я еще добавлю шесть, положенных тебе как Льву Таглура... А еще ты получишь резвого жеребца, доспех, оружие и одежду. Рассчитаешься из первой добычи.

Киммериец кивнул и, еще раз оглядев свой приз, заметил:

— Я не стану продавать девчонку. Будет одежда, будет и что ей чистить.

— Ну, дело твое. Иди теперь в шатер из желтого шелка, к моему казначею, и там получишь все обещанное. Да не забудь оттиснуть палец под долговой записью!

— Хоть всю пятерню! - сказал Конан.

Суда, нанятые для перевозки Львов Таглуря в Вендию, должны были выйти в море на следующий день, и у Конана оставалось не так много времени, чтобы спустить шесть золотых в кабаках Базры. Но он справился с этой задачей. К тому же золотые оказались иранистанской чеканки, рыбья чешуя, впятеро меньше полновесных дисков Турана, и Конан пропил их без всякого сожаления. Обстоятельства его переменились и это следовало отпраздновать. Еще вчера, нагой и голодный, он метался в стигийской мышеловке без всяких надежд обрести свободу, а сегодня, облаченный в шаровары, мягкие сапоги и кожаную подкольчужную безрукавку, опустошал винные запасы базрийских кабаков. Теперь у него были меч и щит, доспех и шлем, лук, колчан, быстрый жеребец, мешок с припасами и волшебная секира, сверкавшая за спиной. И еще - девчонка-рабыня.

Конан вспомнил о ней лишь вечером, добравшись до своего шатра в стане Львов Таглуря. Он рухнул на заботливо расстеленный плащ и довольно ухмыльнулся, когда Ния принялась стаскивать с него сапоги. Потом ее быстрые пальчики расстегнули пояс и устремились вниз, но тут Конан прихлопнул их широкой ладонью. Он был пьян, но не настолько, чтобы забавляться с малолеткой.

– Кажется, полнолуние еще не наступило, - пробормотал он, стискивая в одной руке оба кулачка Нии.

– Но господин мой... Почему ты пренебрегаешь своей рабыней?

Она приникла бархатной щечкой к его щеке, потом поцеловала в губы - с горячностью, не испупавшей, однако, недостаток опыта. Конан вспомнил жаркие поцелуи Белит, и сердце у него сжалось.

– Не спеши, принцесса, - глухо произнес он, - придет твоя пора. Лет через пять, я полагаю.

Послушно оторвавшись от него, Ния уселась рядом на пятках; ее глаза поблескивали в полумраке, тонкие гибкие руки обнимали колени.

– В Уттаре я считалась бы девушкой, созревшей для любовных утех, - с некоторым отзвуком обиды заявила она.

– Возможно. Но сейчас мы в Киммерии, а там девчонки твоих лет не думают об иных утехах, кроме прогулок с козами на пастбище.

Ния недоуменно моргнула.

– В Киммерии, господин мой? Я думала, мы в Иранистане.

– Там, где я нахожусь, там и моя Киммерия. Запомни это! - рявкнул Конан, заворачиваясь в плащ. - Правда, я не прихватил с собой козлиное стадо, зато у меня есть жеребец. Чем заниматься глупостями, пойди-ка, расчеси ему гриву и заплети в косы. Да чтоб косички были не толще твоего мизинца... - пробормотал он, засыпая.

Всхлипнув, Ния выскользнула из шатра.

Предполагают, что между страной Куш, что лежит за южной границей Стигии, и державой

Амазон, самым дальним из Черных Королевств, на долгие дни пути тянется дикое побережье, омываемое водами Западного океана. Живут там чернокожие карлики, издревле называемые кабротами; в лесах же, расположенных к востоку от них, обитает множество разных племен, не признающих светлого Митру и поедающих людей словно скот или дичь, взятую на охоте. Впрочем, в местах тех никто не бывал, и доподлинных известий из тех краев в хайборийские земли не приносил никакой путник.

Лишь одно можно утверждать наверняка: если отправиться из страны карликов на восток и пересечь лес, то попадешь в Кешан и Пунт, а затем на границу меж Тураном и Иранистаном, и дальше - в гирканские степи. Но дорога эта длинна, и, смотря по тому, есть ли путнику удача, займет месяцы, или годы или всю жизнь.

Аргосский "Свод Вестей о морях, океанах и их берегах, кои мореходу знать положено"

Глава 7. Странствия Рана Риорды

Рику был чернокожим рыбаком и кормился от щедрот морских, как и все его племя, чернокожие пигмеи-каброты. Невысокий, с иссиня-смуглой кожей и шапкой курчавых волос, Рику каждое утро выходил в океан на своей долбленой из ствола гинтама пироге, и каждый вечер возвращался в хижину из тростника, крытую пальмовыми листьями. Он приносил рыбу - золотистых фая с длинными и острыми перьями на спине, мелких голубоватых зи'лал, жирных ку с выпученными огромными глазами, вкусных синтаров, чьи серебряные спинки пестрели разноцветными пятнышками. Рыбу он бил острогой с наконечником из акульего зуба; каброты, прозябавшие на узкой полосе земли между джунглями и соленой водой, не умели выделять острия из твердого кремня.

За подходящим камнем нужно было идти через лес к скалистым холмам, а леса каброты не любили. В лесу царили мрак и чудовища; страшные звери, порожденные землей после вселенского потопа и огненной напасти, случившихся пять или шесть поколений назад. Разрушение почти не коснулось берегов, где обитали пигмеи, но лес, просторный, светлый и щедрый лес, начал меняться. Деревья неудержимо тянулись ввысь, раздавались вширь, ветви их с огромными листьями заслоняли солнце, сладкие же плоды исчезали, сменяясь какими-то уродливыми наростами, горькими, как морская вода. И всякие лесные твари, прежде совсем безобидные и годные в пищу, словно под действием злых чар вдруг принялись превращаться в жутких монстров, с коими не совладать ни обычному человеку, ни колдунутвилле. Земляные черви сделались длиной в руку и плевали ядом, огромные пауки с острыми жвалами развесили сети меж стволов, ящерицы отрастили крылья и клыки, превратившись в драконов, а птица рио'ру обзавелась таким страшным клювом, что перед ней отступал даже леопард.

Нет, каброты были слишком малы и слабы, чтобы выжить в джунглях! И они не любили и страшились их.

Особенно же потому, что из джунглей приходили великаны с тяжелыми дубинками, острыми копьями и раскрашенными охрой щитами, для которых прибрежный народец был только лакомой дичью. Когда случался такой набег, каброты - все, кто успевал добежать до пирог и челноков - уходили в море, спасаясь среди волн от жестоких пришельцев. Это был давний и проверенный способ: если пигмеи не любили леса, то великаны-людоеды боялись соленых вод и не умели обращаться ни с парусом, ни с веслом.

Что же касается Рику, то он считался среди кабротов одним из лучших гребцов и метал острогу без промаха. Он мог бы оставаться в море по несколько дней, если бы не духи-киллу, что всплывали по ночам наверх, похожие то на корякий древесный ствол с зубастой пастью, то на огромную лепешку с тысячей гибких и жадных щупальцев. Они были прожорливыми, эти киллу, и не стоило лишний раз попадаться им на глаза.

Рику вспомнил о морских духах, увидев нечто большое и темное, качавшееся на волнах к северу от его суденышка. До непонятной твари было два десятка бросков копья, и он долго следил за ней, прикрывая глаза от солнца маленькой ладонью. Тварь, однако, не шевелилась, не приближалась к нему и не пыталась пожрать; и вскоре чернокожий рыбак сообразил, что видит не живое существо, а мертвую вещь, вроде перевернутой хижины, унесенной ветром в океан. Конечно, то мог оказаться какой-нибудь особенно хитроумный киллу, не боявшийся дневного света, но Рику решил рискнуть: он был молод, и его снедало любопытство.

Когда пирога приблизилась к странному предмету, рыбак окончательно уверился, что тот не живой. Суденышко Рику, подгоняемое сильными ударами весел, послушно описало круг, и он разглядел обросшие водорослями доски обшивки, скамьи гребцов, темневшиеся сквозь пробоины в бортах, обломок мачты и горку серой пыли под ней - остатки истлевшего паруса. Вероятно, это плавучее сооружение тоже являлось пирогой, но огромной, больше общинного дома в поселке кабротов, больше ладьи старого Лилирангады, вождя чернокожих пигмеев.

Рику изумился. Он в жизни не видел такого чуда! Эту лодку не выжигали из толстого бревна; она была собрана из ровных и длинных пластин, похожих на гигантские листья бамбука - но кому доводилось встречать подобный бамбук? Может, когда-то он и рос в джунглях, в прежние времена, еще до того, как духи моря опустошили землю... Это казалось вполне вероятным - ведь большая пирога выглядела старой, очень старой, в чем Рику мог убедиться собственными глазами. Странно, что она все еще на плаву! Ведь дерево, как хорошо знали каброты, не может плавать в соленой воде долгие годы.

С опаской, настороженно озираясь, Рику взобрался на борт древнего судна. Сверху большая пирога была прикрыта настилом, вроде кровли над хижиной, только плоским и сделанным из тех же длинных листьев. Правда, они оказались изломанными и просевшими во многих местах; тут и там зияли черные дыры, и гнилые доски, поддаваясь под босыми ступнями чернокожего рыбака, превращалось в труху. Однако он, прокравшись от носа к корме, рискнул заглянуть в некоторые из этих отверстий. Внизу, на гребной палубе, царил полумрак; на скамьях ряд за рядом сидели скелеты, обтянутые сухой темной кожей. Некогда эти люди были рослыми и сильными - в два раза выше любого из соплеменников Рику; на изкостлявые плечи волной свисали черные волосы.

Поразмыслив, рыбак решил, что мореходы умерли от жажды. Ему доводилось видеть таких мертвецов: как-то одна из кабротских пирог пропала в море, а спустя месяц волны выбросили ее на берег - вместе с двумя высохшими на солнце трупами. Но эта большая лодка странствовала в соленых водах не месяц и не год - дольше, гораздо дольше! Удивительно, что покойники не рассыпались в прах, подумал Рику, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Тут пахло каким-то сильным колдовством, и маленький рыбак совсем перепугался. Злую находку сыскал он в море! Злую! Пожалуй, лучше расстаться с ней, пока зло не прицепилось к нему, словно рыба-прилипала к акульему брюху!

Он двинулся к своей лодочке, старательно отводя взгляды от сидевших рядами трупов, обтянутых пергаментной кожей, от их конечностей, подобных бамбуковым палкам, и черепов с ввалившимися глазницами. Но вдруг солнечный луч, словно отраженный зеркалом, сверкнул ему прямо в глаза. Рику остановился, разглядывая дыру в просевшей палубе. В этой части трюма не было жутких мертвецов; там, среди почерневших обломков дерева и ржавых цепей, что-то поблескивало, отливая перламутровым лунным светом. И формой эта странная вещь тоже походила на луну - вернее, на месяц с двумя острыми рогами, слегка изгибавшимися наружу.

Рику, очарованный, замер, потом лег плашмя на хрупкие доски, осторожно подцепил сверкающую половинку луны и извлек ее из обломков. Она была тяжела, слишком тяжела для тонких рук чернокожего пигмея! Но он никогда не видел подобной красоты и мощи, а потому тянул изо всех сил. Чудо, настоящее чудо! Коснувшись холодного блистающего лезвия, рыбак покачал головой и недоуменно сморщился; он не был знаком с металлом, ибо каброты вполне обходились деревом, раковинами и рыбными костями.

С трудом перевалив находку через борт, Рику спрыгнул следом в свое суденышко, схватил весла и принял лихорадочно гребти к берегу. Инстинкт подсказывал ему, что нужно поскорей убраться отсюда, отплыть подальше от остова древнего корабля. Видимо, эта поспешность и спасла маленького рыбака - по крайней мере, на сей раз. Судно вдруг начало рассыпаться: обломок мачты с плеском свалился в воду, обшивка корпуса расселась, рассыпалась серой трухой, почерневшие высохшие тела закачались на мелких волнах, словно хотели догнать и схватить похитителя их сокровища. Рику, испуганно озираясь, навалился на весла.

Он греб с полудня почти до самой вечерней зари, и серебряный месяц, прикрепленный к толстому древку, лежал у его ног, на днище пироги. Лежал словно хищный зверь в засаде, не обнаруживая ни силы своей, ни смертоносной стремительной моци, ни коварного замысла.

Но Рана Риорда пробуждалась. Живые человеческие руки коснулись ее, она чуяла кровь и понимала, что кровь та - чужая. Кровь, которую полагалось взять! Кровь врага! Правда, враг был жалок и слаб, но это не имело значения - Небесную Секиру мучала жажда.

Рику, ни о чем не подозревая, работал веслами. Теперь он, конечно, станет первым из мужчин селения - первым после старика Лилирангады и колдуна-твеллы. Все станут уважать Рику, станут восхищаться его храбростью и тем чудом, которое он разыскал среди волн морских. Не съедобные водоросли, не рыба, не раковина - половинка луны с небес! Ее подвесят под крышей общинного дома, и там всегда будет светло... и каждый, увидев этот волшебный свет, вспомнит о подвиге Рику... вспомнит, и почтит его добрым словом...

Пирога ткнулась носом в прибрежную отмель, и маленький каброт, напрягая все силы, вытянул ее на песок. От хижин, темневших на опушке пальмовой рощицы, к нему бежали люди, и в том Рику не заметил ничего необычного - семья всегда встречала рыбака, возвратившегося с уловом из безбрежных морских пространств. Правда, на сей раз людей было слишком много... не из одной лишь его хижины, но и из всех соседних... похоже даже, со всего поселка... Люди размахивали руками и кричали - видно, приветствовали рыбака, вернувшегося с моря вместе с чудесной добычей... Но откуда они догадались, что сегодня Рику привез нечто необычное?

Потом он увидел гигантские фигуры, вынырнувшие из леса, и все понял.

Великаны! Великаны с тяжелыми дубинками, острыми копьями и раскрашенными охрой щитами! Великаны-людоеды!

Никто не встречал его... Люди бежали, спасаясь от смерти! Рику узнал вождя, старого Лилирангаду, за которым мчался целый выводок детей и десяток жен, узнал колдуна, торопливо ковылявшего по песку, узнал Кау, Сина, Джу, Миса, Килата, своих соседей, узнал юную Сеги, делившую с ним ложе... Они мчались к берегу и лодкам, словно вспугнутые ветром сухие листья - и такие же беспомощные перед яростью огромных пришельцев, перед их дубинами и дротиками с каменными остриями.

Похолодев, Рику следил, как соплеменники торопливо сталкивают в воду большие пироги, и плоты, и челны, и совсем маленькие лодочки - все, что может плавать, все, что может спасти, все, до чего удалось добраться. Но многим, очень многим не повезло - копья великанов, которые они бросали на удивление ловко и с большого расстояния, вонзались в спины, ноги и плечи бегущих, а палицы их работали без перерыва, приканчивая тех, кто был ранен или ослабел. Уже половина кабротов недвижно лежала на берегу - маленькие темные холмики на золотом песке, озаренном лучами заходящего солнца.

Внезапно Рику вышел из ступора и ужаснулся. Племя его гибло; он понимал, что после

этого набега едва ли один из десяти останется в живых. И он не мог ничего сделать! Ничего! Ему оставалось только бежать! Его острога с костяным наконечником слишком жалкое оружие... оно не проткнет щита великана, не отразит удара дубины...

Острога? Он повернулся к лодке, вспомнив о том, что лежало в ней. Зачем ему острога? У него есть половинка луны... да, половинка луны, твердая и острыя, с блестящим клыком на конце... Такой пробьет любой щит и воткнется прямо в сердце злому великану!

Рику с трудом вытащил из пироги топор и замер, высматривая первую жертву в набегавшей орде гигантов. Прямо к нему мчались три воина: один - с копьем, увенчанным перьями, с ужасной физиономией, исполосованной шрамами, и еще двое - с шипастыми дубинами, охранявшие первого слева и справа.

Вождь, понял Рику, это вождь! Убить вождя!

Он судорожно попытался поднять секиру.

Но Рана Риорда была слишком тяжела для тонких рук пигмея. Рику сумел дотянуть ее только до груди; затем топорище, словно живое, вывернулось из его ослабевших пальцев, сверкающий стальной полукруг пошел вниз, острые бояль пронзила маленького рыбака, и он рухнул на песок с перерубленными ступнями.

Раздалось негромкое шипенье, и по серебристому лезвию топора промелькнули алые сполохи...

Набег, хвала грозному Кую, был на редкость удачен. Гиромда, военный вождь лесных заласса, всю обратную дорогу весело скалил зубы и потрясал своим оперенным копьем. Он торжествовал и радовался - особенно сейчас, когда до Племенных Очагов осталось четверть дня быстрой ходьбы. Даже меньше! Если поторопиться, он, вместе с полусотней своих воинов, доберется в поселок еще к полудню.

И будет пир! Мясо прибрежных карликов, прокопченное над кострами, еще не успело протухнуть, и взяли его на этот раз много - каждый из людей Гиромды тащил большую плетеную корзину с добычей. С останками ничтожного племени, которое годится только в пищу - как обезьяны, скачущие по деревьям! Но обезьян трудней промыслить и мясо у них не такое вкусное, размышлял Гиромда, ухмыляясь. Не замедляя шага, он обернулся и довольно оглядел вереницу воинов с корзинами. Да, каждый нагружен по самую макушку, каждый тащит столько, что подгибаются колени! Хорошо!

Все несут мясо, кроме него, Гиромды... Но, видит Нгота, не потому, что он - вождь, не желающий подставлять спину под тяжкий груз... Нет, совсем не потому! За его плечами тоже покачивается нечто... нечто такое, что дороже мяса всех карликов на всем морском берегу, дороже их засушенных голов, которые так любят боги, дороже волос, из которых женщины заласса плетут циновки... Удивительно, откуда к этим ничтожным попало такое сокровище! Где они его разыскали, где нашли Яростный Блеск? Быть может, там есть еще?

Но тот коротышка, что издох рядом с Блеском, ничего не скажет... Негодный человечишко, совсем негодный... И мясо у него оказалось жестким, точно высушенная кора... будто бы из него выпустили всю кровь и вдобавок высосали мозг из костей! И эта

трусливая обезьяна еще пыталась оборониться, поднять Яростный Блеск на него, на вождя заласса, сильнейшего воина в Племенных Очагах, любимца Куу!

Гиромда ударил себя в грудь огромным кулаком и расхохотался. Яростный Блеск убил карлика, и поделом! Разве такое оружие подходит ничтожному ублюдку? Оно - для рук мужчины! Для человека, который пожирает мясо, а не отвратительную скользкую рыбу! Для того, кому известно, как обращаться с боевым топором!

Теперь Яростный Блеск, завернутый в большие пальмовые листья, висел за правым плечом Гиромды, и вождь заласса чувствовал его упоительную тяжесть. Сокровище, невиданное сокровище! Сверкающий плоский камень с острым краем и острым зубом... Удивительный камень! Не похожий на черный дья, из которого делают ножи и наконечники дротиков, на бурый дья, что идет на молоты и лезвия топоров, на белый дья, женский камень, подходящий лишь для скребков... Наверно, такие камни умели разыскивать еще до того, как Великий Нгота сотряс землю... в те времена, когда Очаги заласса - по словам стариков - были огромными, окруженными стенами, и лежали не в лесу, а в степи... Лес, как толкуют старейшие, вырос потом, и это - хорошо... Гиромда не представлял, как можно жить без деревьев, в пустом и голом пространстве, где обитают, к примеру, вонючки-себайо. Эти себайо - странный народ; кожа у них не черная, а серая, и мажут они ее крокодильим жиром, а крокодилов бьют на берегу огромной реки. Но - сильное племя! Многочисленное! Хитрое! Умеющее метать маленькие дротики с помощью палки и волосяного шнурка... Да, себайо не перебьешь, как жалких карликов с морского побережья! Зато мясо у них вкуснее...

Причмокнув, Гиромда забарабанил по длинному выпуклому щиту, и воины, подчиняясь сигналу, ускорили шаг. Щит висел у него на груди и был выкрашен бурой охрой, по которой белым и черным колдуны заласса нанесли магические узоры. Круг в центре обозначал Великого Нготу, Потрясателя; три зубца вверху - идола Мубугу, Повелителя Огня, а заостренный овал внизу, похожий на лист - Силунди, Владыку Деревьев. Еще на щите были нарисованы многочисленные наконечники копий, знак Демона-Пожирателя Куу, которого Гиромда чтил больше всех. Куу покровительствовал удачным набегам и воинскому оружию - быть может, и Яростный Блеск послан им?

Если так, богов надо отблагодарить, особенно Куу. Надо напасть на себайо! Эта мысль давно бродила в голове у вождя. Напасть, сжечь их Очаги, содрать с мужчин и женщин кожу, вымазанную крокодильим жиром, и принести ее, вместе с внутренностями, в жертву Кровожадному Куу! Куу - хороший бог, ему достаточно кожи и потрохов, а мясо он оставляет заласса, своим детям... Но Куу любит слушать крики побежденных, любит смотреть, как с них спускают шкуры, любит, чтобы в его Доме, у его Очага было много высушенных голов. Хороших голов - голов воинов себайо, а не прибрежных карликов!

И надо торопиться, думал Гиромда, чувствуя, как раскачивается Яростный Блеск и слегка подталкивает его в спину. Надо торопиться, потому что три дождливых сезона назад себайо приходили в лес со своими летающими дротиками, но Силунди отвел им глаза, и они не нашли Племенных Очагов заласса. Но теперь пусть приходят! Главное, подобраться к ним поближе - так, чтобы они не успели швырнуть дротики... Тогда его воины бросятся на них с дубинами и перебьют! Он сам прикончит пятерых Яростным Блеском... нет, не пятерых, а дважды, трижды, четырежды по пять! Во имя богов! Столько, сколько у него, Гиромды, пальцев на руках и ногах!

Но еще лучше не ждать себайо в лесу, а нагрянуть на их Очаги - на те, что стоят у самой опушки. До остальных, что выстроены в степи и на речном берегу, не добраться, слишком

далеко и опасно... Но если убить и съесть лесных себайо, то остальные захотят отомстить и придут в джунгли. Вот тогда...

Гиромда вдруг замер, задрав голову, и цепочка воинов остановилась. В лесу нельзя полагаться на глаза и уши; здесь надо нюхать. Паутину больших саа, Детей Ночи, не разглядишь, и не услышишь шороха их лап, но смрад их добычи, гниющей в ловчих сетях, можно учуять за много шагов. Также и с ядовитыми червями, и большими пестрыми кошками, и со змеями, и с Серыми Людьми, похожими на огромных обезьян... Каждого выдает запах, и тот, кто умеет различать запахи, избежит многих опасностей в джунглях.

Гиромда владел этим искусством в совершенстве, иначе не сделался бы вождем. Широкие ноздри его плосковатого носа жадно раздувались, но сейчас он не думал об опасности. Ее и не было; он принюхивался к запаху дыма, верному признаку человеческого жилья. Племенные Очаги близко! С торжествующим возгласом он вскинул руку, и воины взвыли в ответ, на мгновение заглушив негромкий шелест листвы и скрипы древесных стволов. У каждого словно прибавилось сил; они вновь зашагали по узкой тропе, торопясь к своим хижинам, сплетенным из гибких лиан, к яркому пламени костров, пылающих в кругах из плоских камней, к своим женщинам, истомившимся по мужским объятиям, к Домам Богов. Они спешили, не замечая, что привкус дыма в воздухе слишком едок и густ, и к нему примешивается еще один запах, почти неощутимый даже для чутья лесных охотников.

Вскоре цепочка заласса выбралась на поляну - на широкую поляну, где прежде грудились хижины Племенного Очага - и тут беда простерла над ними свои черные крылья. Поселка больше не было; на его месте дымились кучи полусожженного дерева, грудами лежали обгоревшие трупы, а Дома Богов, Потрясателя Нготы, Мубугу, Повелителя Огня, Владыки Деревьев Силунди, Пожирателя Куу и всех остальных, лежали в руинах. Сами же идолы, вытесанные из толстых стволов, исчезли, и это показалось потрясенном Гиромде наиболее ужасным. Чего стоит народ, не сумевший защитить своих богов?

С горестным воплем он бросился вперед, к темневшим посреди поляны руинам. Он знал, чьи руки спалили лесное гнездо заласса, кто перебил их женщин, кто надругался над их богами и разграбил поселок. Себайо! Вонючие себайо, пожиратели крокодилов! Они опять пришли в джунгли и на сей раз отыскали то, что хотели! И Силунди не отвел им глаза, Нгота не столкнул в ловчую яму, Куу не сожрал их внутренности, а Мубугу, словно обезумев, бросился жечь не врагов, а хижины заласса!

Рыча, Гиромда бежал к пепелищу, и воины, побросав корзины и щиты, копья и дубины, мчались за вождем, завывая от горя. Бессилье идолов страшило их. Они могли найти женщин в других лесных селениях, отнять или купить их; они могли выстроить новый Очаг, заново взвести Дома Богов, увешать их высушенными головами, устлать шкурами пестрых кошек... Но где сами боги? Где Мубугу, Нгота, Силунди, Куу и все остальные, вырезанные из цельных стволов твердого дерева патари и пробужденные к жизни искусством колдунов? Где они? Сгорели? Или позволили себя пленить? Кому? Себайо?

Себайо!

От спаленного поселка тянулась полоса вывороченной земли, словно тут протащили нечто тяжелое. Она шла к дальнему краю поляны, ясно показывая, откуда пришли и куда ушли победители. Быть может, они недалеко? Руины Племенного Очага еще дымились... Если себайо не успели выбраться из леса, то воины Гиромды догонят их и перебьют... А потом, возвратив идолов, можно поискать место для нового Очага и раздобыть женщин...

Не добежав до опушки полсотни шагов, вождь заласса сорвал с плеча огромный топор и

завертел им в воздухе, приказывая воинам остановиться. Первым делом им надо подобрать оружие, затем поесть и выслать в лес пару хороших следопытов... Пусть налегке догонят себайо, пересчитывают их... А затем - затем Яростный Блеск, дубины и копья заласса обрушатся на разорителей!

Что-то свистнуло, и Гиромда с изумлением уставился на стрелу, вонзившуюся в плечо. Вторая пробила колено, и вождь с хриплым ревом повалился в траву, выронив топор, ударивший его прямо в висок. С опушки прянуло еще несколько стрел, затем ливень их сделался гуще, и первые воины себайо, потрясая луками и копьями, показались среди деревьев. Их было много, очень много, но Гиромда уже не увидел врагов...

Расположившись на невысоком помосте, устланном леопардовыми шкурами, Зала внимательно рассматривал левым глазом узор из листьев, веточек и камней, выложенный на земляном полу. Правого глаза у верховного вождя себайо не было; еще в молодые годы он потерял свое око в схватке с лесными заласса, пожирателями человечины. Да и то сказать, он не выглядел могучим воином; даже в юности казался слишком щуплым и тонкокостым, так что в боях орудовал дротиком, а не тяжелым топором и не дубиной с вбитыми в дерево осколками кремня. Сейчас, когда ему минуло сорок разливов Большой Реки, Зала не принимал уже участия в битвах и набегах, оставляя это занятие младшим вождям. Зато он был умен, хитер и коварен - а все эти качества ценились у себайо куда выше воинской доблести. Ибо всякий научится ловко размахивать копьем, но не всякий знает, куда его направить!

В том-то дело и заключалось - куда направить...

Снаружи стоял ясный день, и через широкие двери Каны Вождей внутрь попадало достаточно света, чтобы Зала мог разглядеть узоры на полу во всех подробностях. Сама же канка была круглой, собранной из жердей, обтянутых крокодиловыми шкурами, и стояла на крутом речном берегу. Жерди надежно вкопали в землю, а края шкур привалили тяжелыми камнями, чтобы ни дождь, ни ветер не проникли в канку и не повредили драгоценный узор. Мудрецы себайо составляли его много лет, высушивая бродяг, охотников и разведчиков о землях, лежавших за лесами и степями, за горами и за Большой Рекой, Матерью всех рек. И теперь Зала мог разглядывать мир словно с высоты птичьего полета, размыщая о том, куда он поведет вскоре своих людей. Людей же у него набиралось немало, ибо были ему покорны все кланы себайо - и те, что жили в джунглях и степи, и обитавшие по обоим речным берегам. Народ себайо размножился числом - особенно с тех пор, как семь разливов назад удалось справиться с лесными людоедами, уничтожив одних и отеснив на закат других. Вот тогда-то один из отрядов и доставил верховному вождю Губительницу! А тот, услышав, что в пути от лезвия секиры погибли трое воинов, не стал касаться ее руками, но велел повесить на столб в кане, слева от своего помоста.

Мудр был Зала, хитер и предусмотрителен! А потому Рана Риорда не убила его в скромом времени, как прочих людей черной расы, дерзнувших возложить руки на холодную сталь полукруглого лезвия...

Зала же остался цел и невредим, но уже в течении семи разливов Большой Реки, с тех пор, как появилась Губительница в Кане Вождей, посещали его странные мысли.

Куда же отправиться, на юг или восток? Прямо к солнцу или на его восход?

Здоровым левым глазом вождь уставился на узор, выложенный у помоста, понятный лишь посвященным. Лишь они знали, что изогнутая дугой ветвь дерева хидара обозначает Большую Реку, а груда белых камешков - горы, что тянутся на правом ее берегу. За камнями был насыпан песок; там простиралась пустыня, и шла она до другой ветки, тоже обозначавшей реку, но не такую огромную, как та, где жили себайо. Позади нее тоже громоздились горы-камни, а несколько сухих листьев изображали озера. С другой же стороны Большой Реки травинками помечалась степь, а множеством палочек, воткнутых в пол - джунгли. Кое-где палочки уступали место камешкам - там тоже были горы, голые или заросшие лесами. Далеко на западе, у самой стены каны, поблескивала чешуй змеиная кожа - океанский берег, о котором мудрецы и разведчики себайо почти ничего не знали. Но Залу это не беспокоило: на запад, как и на север, он идти не собирался. Юг или восток - других путей не было!

Все это казалось странным. Зачем себайо вообще куда-то уходить? Степь, лес и речные берега богаты зверьем, съедобными плодами, топливом для костров; есть тут и сухие пещеры в горах и холмах, где удобно прятаться в сезон дождей, есть заросшие тростником протоки, где можно бить рыбу и крокодилов, есть ручьи и речки с чистой водой, есть подходящая для коз трава и россыпи всяких камней, годных для топоров и копий... Но Зале чудилось, что иные земли, далекие, будут еще лучше, еще просторней и богаче, и почему-то он совсем не думал о том, что в чужих землях найдутся и чужие люди, которые не уступят пришельцам без боя ни своих пещер, ни охотничьих угодий. Впрочем, себайо были народом многочисленным и храбрым, так что схватки и битвы их не страшили. Зато на новом месте могло обнаружиться что-то интересное, что-то необычное... Как, например, в озерной стране, что лежала за пустыней, за далекой рекой и горами.

Подняв голову, Зала увидел, что полукруг Губительницы сияет на своем столбе именно там, над листьями, обозначавшими озера. Являлось ли это божественным знаком, указывавшим маршрут переселения? Ведь Губительница явно обладала магическими силами, как понимал всякий, даже не одаренный мудростью вождя! Она была тверда, но не являлась ни камнем, ни деревом, ни раковиной, ни костью; она сверкала подобно луне, она несла на несокрушимой своей плоти таинственные символы, непонятные вождям и старейшинам себайо. И она убивала! Вероятно, всякого, кто рискнул бы прикоснуться к ней. Четверых она убила наверняка: воина-заласса, из черепа которого ее извлекли, и трех себайо, которые несли Губительницу сюда, в Кану Вождей, через джунгли и степи. Три последние смерти можно было бы счесть случайными, связанными с неловкостью носильщиков, то ронявших тяжелый топор на ногу, то натыкавшихся на копейное острие, но одноглазый вождь так не думал. Ему принесли не только Губительницу, но и три мертвых тела, и выглядели они странно. Казалось, кто-то выпил из них кровь - словно гигантская летучая мышь ваада тикоко, что, по слухам, встречается в западных лесах...

С трудом оторвав взгляд от секиры, Зала вновь принял разглядывать узоры на полу. Если пойти на юг - а то было одно из двух привлекавших его направлений - то себайо попадут в леса, в опасные джунгли, где водится множество жутких тварей вроде ваада тикоко... Есть там и огромные пауки, и летающие ящерицы размером с хижину, и ядовитые черви, и пестрые кошки величиной с леопарда, но еще более кровожадные... Зато в лесу

нетрудно найти воду, плоды и дичь, а в пустыне, что лежит за Большой Рекой и горами, только песок, песок и песок... Однако разведчики себайо прошли ее, и не раз! А за пустыней - река и озера, хорошая земля... Вила Йетана, Страна Вод... Интересно, а что за ней, дальше к восходу?

О том пока не стоит думать, сказал себе Зала, вновь поглядев на секибу. Но идти нужно на восток; лучше перебраться через пустыню и завладеть благодатным озерным краем, чем скитаться в южных лесах, среди чудовищ и людоедов. К тому же и Губительница указывает восточный путь...

Решено! Себайо отправятся на восход солнца, и вместе с ними - этот блестящий полумесяц, что провел уже семь разливов в Кана Вождей. Было бы глупо бросить здесь предмет, обладающий такой сильной и смертоносной магией! Быть может, колдуны разберутся в ней и объяснят, как применить к пользе... Быть может, сама Губительница смилостивится, если исполнить ее волю и отнести в Страну Вод... быть может, там она будет рубить не себайо, а их врагов...

Внезапно Зала сообразил, что думает о переселении на восток как о воле Губительницы, которой нужно подчиниться. Он раздраженно передернул щуплыми плечами. Нет, конечно же, нет! Он сам принял решение насчет исхода; магия лишь подсказала, куда лучше отправиться. Не на север и не на запад, а на восток, только на восток! Но потом, вероятно, стоит поразмыслить и о юге...

Страна Вен Да лежит за горами Ги Ме Ли, что означает Вершины, Сияющие Снегами. В горах тех живут афгулы, разбойники и дики, не почитающие ни богов, ни предков своих, ни путников; страна же Вен Да - древняя и приверженная многим тайным искусствам, чародейству и колдовским знаниям. Правят в ней могущественные владыки, однако не все они следуют путями мудрости и потому часто враждуют и воюют друг с другом...

Древний кхитайский манускрипт

Глава 8. В джунглях Вендии

Корабль, покачиваясь на мелкой волне, скользил к берегу, заросшему пальмами и колючей акцией; над ними вздымались зеленые свечи кипарисов и желтовато-серые храмовые башни, сложенные из песчаника. За передовым судном тянулись еще четыре, такие же широкие высокобортные барки под синими парусами, медлительные и неуклюжие, но надежные. Флотилия эта, принадлежавшая купеческой гильдии славного города Базры, была нанята для перевозки Таглурова воинства в державу Ашакана, вендийского раджаса, враждовавшего с владетелем Айодии. Вместе с тремя сотнями бойцов, на кораблях размещались их боевые кони, их женщины, их многочисленное и крикливое потомство, а также припасы и снаряжение.

Что и говорить, и на палубах, и в трюмах было тесновато, а потому морское путешествие не оставило у Конана приятных воспоминаний. Большую часть времени он проспал, устроившись на груде тюков у мачты и вставая лишь для того, чтобы опростать кувшин вина и съесть лепешку с ломтем мяса. Ния То Кама Суддакха Пра Бон, Цветок, Который Распускается в Полнолунье, бдительно стерегла его покой, изредка спускаясь в трюм и проводывая вороного жеребца с гривой, заплетенной в сотню косичек. Правда, большой необходимости тревожиться о коне и его хозяине не было: жеребец похрустывал зерном, а Конан хрюпал, и ни один из Львов Таглура не решался его беспокоить. Кое-кто из них уже познакомился с бешеным нравом и тяжелой рукой киммерийца, и теперь никто не рисковал бросать на него косые взгляды, обносить вином или тянуть руки к полудетским грудкам его невольницы.

Дорога заняла восемь дней. Базра, один из крупнейших торговых иранистанских городов, располагалась на востоке страны, почти на самом рубеже с Северной Вендией, но добраться оттуда в державу Ашокана сущей не было никакой возможности. Северными землями Вендии повелевали айодийские цари, враждовавшие с независимыми князьями юга, и отряды их кшатриев, разумеется, не пропустили бы войско Таглура дальше трех полетов стрелы от границы. Поэтому и пришлось болтаться восемь дней в море: сначала плыли на юг, чтобы удалиться от враждебного побережья, затем на восток, прямиком к Заливу Пальм.

Вендийский полуостров вдавался в океан огромным треугольником с изрезанными берегами; на его обширных землях свободно разместились бы Немедия и Офир с Коринфиею впридачу. Полуостров делился на две части Заливом Пальм, большим овальным эстуарием, открытым в сторону Вендийского моря. На севере он омывал айодийские берега, на юге к нему примыкали многочисленные малые княжества, населенные темнокожими и темноглазыми дравидийцами. Государство Ашакана располагалось на сравнительно узком перешейке между заливом и простиравшимся с востока Уттарийским морем; страну эту можно было пересечь от одних соленых вод до других за пару дней.

Именно это Конан и намеревался сделать. Из болтовни таглуровых наемников он узнал, что восточные берега княжества Ашакана дики и безлюдны, если не считать жалких деревушек рыбаков и ловцов жемчуга; ну, а там, где рыбаки, есть и лодки. Захватив посудину понадежнее, он мог отправиться в Уттару или Камбую, в сказочные места, где он еще не бывал, и которые, безусловно, нуждались в самом тщательном осмотре. Быть может, где-то там, в великих горах на границе с Кхитаем, на побережье Лемурийского моря или на самых дальних восточных островах и скрылись остатки рода Гидаллы?

Но его призрачный спутник утверждал, что от Уттары и Камбуи надо двигаться не на восток, а на юг. Будь его воля, Рана Риорда сразу же направился бы туда, но иранистанская флотилия, выйдя на траверс Залива Пальм, свернула к вендинским берегам. Некоторое время дух секиры подбивал Конана захватить корабль и продолжить путешествие на юг. В этой затее не было ничего невозможного, хоть на судне и находилось шесть десятков опытных воинов. С магическим оружием в руках Конан перебил бы весь отряд, но в планы его не входило устраивать кровавую резню среди иранистанцев. Рорта еще не мог учゅять с полной определенностью, где лежит новая родина потомков Гидаллы, а значит, что двигаться на юг, что на восток, все едино. К тому же мореходные качества базрийских купеческих барков совсем не устраивали киммерийца; для дальних и опасных странствий он предпочел бы иное судно, быстроходную галеру вроде "Тигрицы" Белит.

Призрак остался недоволен, но молчал, лишь изредка вторгаясь в Конановы сны и рисуя картины грандиозного побоища, которое он жаждал учинить среди Львов Таглуря. Конан старался не обращать на духа внимания, однако раз-другой эти миражи сражений горячили его кровь, и он просыпался с воинственным воплем, сжимая древко своей секиры.

— Тебя мучают демоны, господин, — сказала Ния, сидевшая над ним с пальмовой ветвью в руках. — Когда мужчина ест много мяса, пьет вино кувшинами и спит дни и ночи, к нему всегда приходят демоны, распаляющие страсть.

Конан только ухмыльнулся в ответ; его демон был совсем иного рода.

— Но желание можно успокоить, — продолжала юная уттарийка, не без лукавства поглядывая на хозяина. — В трюме, за лошадиными стойлами, есть немного места... там, где хранят сено...

— Принеси-ка мне лучше мяса и вина, — сказал Конан.

— Но демоны, мой господин...

— Когда они меня совсем одолеют, ты об этом узнаешь, клянусь Кромом! А сейчас — мяса и вина! И поживее, принцесса!

Поджав пухлые губки, Ния отправилась за едой. Затем, пока хозяин насыщался, ей пришло в голову утихомирить демонов игрой на ситаре и песнями, которые девушка сочиняла сама. Совсем неплохой способ, подумал Конан, отхлебывая вино и прислушиваясь к ее чистому звонкому голоску. Пела Ния на уттарийском, и он не понимал ни слова, но мелодия была приятной и в самом деле успокаивающей. Когда песня закончилась, Конан велел повторить — на туранском, который он знал отлично. К его изумлению, Ния не смущилась; пристроив ситар на смуглом колене, она вновь тронула струны и запела. Теперь киммериец понимал все.

К чему эта песня тревожит меня?
Чей зов я пытаюсь понять?
То плачет она, то заходится смехом,
Быть может, совсем ее нет,
И лишь над пустыней разносится эхо,
А я — я бреду ей вслед...
Бреду, вспоминая те звуки,
И струн серебристый звон,
Тону средь песков, простираю руки,
Но слышу лишь эха стон...
— Отлично, девочка, — сказал Конан, когда юная певица смолкла. — Теперь я знаю, чем

тебя занять, если ты вновь заведешь разговор о демонах, распаляющих страсти.

Допив вино, он погрузился в дремоту под тихие звуки ситара. В голове его мелькали обрывочные мысли - то о Рана Риорде, заметно помолодевшем после схватки на базрийском майдане, то о награде, обещанной призраком, то о Цветке, Который Распускается в Полнолунье. Конан еще не решил, что с ней делать. Оставить в Вендии, в княжестве славного Ашакана? Взять с собой в Уттару? Но выдержит ли она тяжкий переход по вендейским джунглям и плавание в рыбачьем челне - быть может, без воды, без пищи? Правда, Ния казалась крепкой малышкой, не только приятной на вид, но и выносливой... И голос у нее хороший, прямо перезвон серебряных монет, с ленцой думал Конан. Вот если бы она не спешила так потерять то, что девушки обычно берегут... Или его невольница лишь хочет отблагодарить хозяина за спасение?

С этой мыслью он заснул и пробудился только тогда, когда до берега, заросшего пальмами, колючей акцией и стройными кипарисами, оставалось пять полетов стрелы. Зевнув, Конан оглядел торчавшие над зеленью стены Ашакановой столицы, купола храмов Асуры, главного из местных божеств, широкую дорогу, тянущуюся от причалов к городу и дальше, в джунгли. По дороге двигалась пышная процессия: слон в алой попоне, с вызолоченными бивнями и башенкой на спине, за ним - сотня всадников на горячих скакунах и сотня пеших, с длинными тонкими копьями, трубами и барабанами. Люди Ашакана, понял киммериец; высланы встретить наемников.

Из кормовой надстройки появился сердар Таглур - в новом роскошном халате и серебристой чеканной броне, с саблей у пояса и плетью в руках. Над плечами его раскачивались бирюзовые серьги, усы торчали вверх, словно наконечники стрел, ноздри крючковатого носа хищно раздувались; он был великолепен, величественен, грозен, и знал об этом.

- Эй, славные витязи! Подымайте-ка свои протухшие задницы! Хватить жрать вино и тискать девок! Все - в кольчуги! Шлемы - на головы, клинки - к поясам, луки за спины, в руках копье и щит! И что б ни один ублюдок не качался в строю! Эй, Хилта, Себар, Чулум, Салед, Итол, Хардара! - он начал выкрикать десятников-ун-бashi. - Проверить своих людей! Чтоб все глядели львами, а не кастрированными шакалами!

Конан поднялся и начал натягивать кольчугу. Она была ему слегка маловата; пришлось обрубить рукава, чтобы не жала под мышками. Зато штаны малинового шелка и замшевые сапоги были хороши и как раз в пору - Таглуром казначей перебрал груду одежд, пока сыскал подходящее. Неплох был и меч, длиной в два с половиной локтя, слегка изогнутый на конце; Конану, правда, больше нравились тяжелые и прямые аквилонские клинки, но где же взять такой в Иранистане? К тому же он не собирался часто пользоваться этим ятаганом - ведь у него была волшебная секира, способная рассечь любое лезвие будто шаль из кхитайского шелка.

Если мечом и кольчугой он остался не совсем доволен, то уж к луку придираться не стоило. Лук был отличный, из крепких, как сталь, рогов горного козла, насаженных на тисовое древко и перехваченных бронзовыми кольцами. В колчане топорчились опереньем тридцать стрел - боевых, с трехгранными наконечниками длиной в палец. Еще ему полагался кинжал и круглый щит с головой рыкающего льва, гербом Таглуровых наемников. Отличное снаряжение! И стоило-то всего ничего - шесть трупов, понюхавших пыли на базрийском майдане...

Корабль ударился о причал, полетели канаты, загрохотали сходни; воины начали

выводить лошадей. Конан шел в своем десятке следом за рябым мунганом, разглядывая его затылок. Круглая голова Алиама сидела на могучих плечах как арбуз посреди скамьи в три локтя, сабля в потертых ножнах волочилась по земле. Кольчуга тоже была ему мала, но мунган терпел, не рубил рукавов. Его спина, тугу обтянутая железной чешуей, напоминала Конану крепостные ворота.

Подумав об этом, он вспомнил и про последнюю крепость, в которой случилось побывать. Файон! В Файоне уже несколько дней свирепствовал Шапшум, и один пресветлый Митра ведал, сколько стигийцев оставались еще в живых. Тут Конан довольно ухмыльнулся и потрепал своего вороного по крутой холке.

Иранистанские суда приставали одно за другим, наемники сходили на берег, подгоняемые криками ун-бashi и сотников, строились длинными шеренгами; их женщины и домочатцы сбились неподалеку плотной толпой. Где-то там была сейчас и Ния, вместе со своим ситаром и мешком с пожитками. Конан предпочел бы, чтоб она держалась поближе; он собирался удрать без промедления, оставив грозному Таглуру лишь клочок пергамента с оттиском большого пальца. Видать, не судьба сердару с честью привести под вендийские знамена ровно три сотни бойцов! Совесть, однако, Конана не тревожила: во-первых потому, что честь Таглура ценил он меньше ломаного медяка, а во-вторых, сердар счел его безбожником, недостойным звания ун-бashi. Кром! За одно это стоило снести ему глупую голову и выдрать из ушей бирюзовые сережки!

Отряд выстроился по сотням, в три ряда. Сердар, вместе с важного вида старцем, прибывшим на слоне, начал обходить свое воинство, нахваливая товар; по словам его выходило, что каждый из бойцов и в самом деле лев рыкающий, повергающий врага в прах одним своим видом. Лицо старца, темное и сухое, словно у мумии, было непроницаемым. За ним шли чиновники с шелковыми шнурями, отсчитывали воинов по десяткам и вязали узелки; насчитав же сотню, прятали веревку в мешок. Отшагав на длинных негнущихся ногах до конца строя, старец благосклонно кивнул; число сабель и копий сошлось с заказанным и оплаченным. Бросив Таглуру несколько фраз, он повелительно махнул рукой в сторону городских стен и направился к слону.

- В седло! - рявкнул сердар.
- В седло! - подхватили сотники.
- В седло! - откликнулись ун-бashi.

– В седло, так в седло, - пробурчал Конан, залезая на вороного. Теперь, со спины жеребца, он разглядел свой Цветок в толпе женщин и поманил ее пальцем. Ния тут же подбежала к нему и уцепилась за стремя.

– Как ты красив, господин мой, в своей серебряной кольчуге, в шлеме, со щитом и копьем! Как ты грозен! Как могуч!

Ее глаза сияли, юные грудки взволнованно вздымались. Кром, мелькнуло у Конана в голове, девчонка-то похоже влюбилась! Будь ей на пять лет побольше... ну, хотя бы на три... уж тогда он знал бы, что делать! Но сейчас, по его мнению, Ния годилась лишь для того, чтобы заплетать вороному гриву да наигрывать песенки на ситаре.

Однако бросать ее киммериец не хотел. Если в Иранистане бесхозных рабынь топили в море или закапывали живыми в землю, то в Вендии их судьба могла оказаться и того горше - к примеру, затопчут слонами или сожгут перед алтарем Асуры. Нет, он твердо решил не оставлять здесь свою маленькую невольницу! К тому же она пела и говорила на пяти языках и могла очень пригодиться в Уттаре и Камбуе.

Наклонившись, Конан подхватил ее под мышки и забросил на кroup вороного, буркнув:
— Держись за ремень, принцесса.

Шемит, сидевший рядом с ним на гнедом жеребце - один из тех, до кого в Базре не успела добраться Конанова секира, - ухмыльнулся:

— Боишься, украдут твою девку? И то сказать, лакомый кусочек! - он облизнул полные губы и вдруг закашлялся, опаленный яростным взглядом киммерийца.

— Кром любит лакомиться печенкой болтунов, - процедил Конан сквозь зубы. - Пожалуй, я доставлю ему это удовольствие! Кому пойдет печень, а Нергалу - все остальное!

Шемит, потупив глаза, смолчал.

Впереди колоны Таглур замахал саблей, закричал:

— За мной, соколы! Сокровища Айодии ждут нас!

Всадники тронулись. Ния, обхватив Конана за пояс, гордо выпрямила стан; наверное, первый раз в своей короткой жизни ехала она на боевом коне, вместе с могучим рыцарем, что должен был - как полагалось в сказке - увезти ее в свой дворец на вершине неприступного утеса и сделать если уж не раджассой, то по крайней мере кью, первой женой, госпожой над тысячью рабов. Голосок девочки взвился, зазвенел хрустальным колокольчиком, полетел на запад и восток, над морской гладью и дорогой, утоптаной копытами лошадей и широкими ступнями слонов.

В который уж раз я встаю на рассвете,

Встречая рождение нового дня,

Усталый ездок, так похожий на ветер,

Куда ты спешишь, погоняя коня?

Иль в пыльной дороге ты счастье обрел,

И вечно летишь...

Конан, протянув руку за спину, хлопнул ее по коленке.

— Помолчи-ка, уттарийский соловей. Пока мы не удрали, не стоит привлекать внимание.

— Разве мы собираемся удрать, господин? - прошептала Ния, затрепетав от восторга.

Побег, вероятно, мнился ей увлекательнейшим из приключений.

— Конечно. Я не намерен добывать богатство и славу Таглуру под стенами Айодии.

Говорят, они очень высоки.

— Но тут много воинов, господин! Как же мы...

— Молчи, я сказал! Иначе мне придется задержаться - но только на день, чтобы продать тебя в гарем Ашакана. А стены его дворца еще выше, чем в Айодии.

Ния испуганно притихла.

Плотный строй всадников, сверкающих доспехами и оружием, начал втягиваться в городские врата. Рядом с воротами восседал на коне Таглур, окруженный сотниками и телохранителями, и, гордо подбоченившись, глядел на свое воинство. Десяток Саледа Алиама двигался в последних рядах, и Конан понемногу начал отставать. Перед ним лежала дорога, и вела она прямо на восток, в джунгли, к берегам Уттарийского моря, к рыбачьим поселкам, к лодкам... Можно было пришпорить коня и скрыться в лесу словно тень, но киммерийцу хотелось напоследок потолковать с Таглуром.

В десяти шагах от сердара Конан натянул поводья и вызывающе уставился в его усатую физиономию.

— Ты, шелудивый пес, сказал, что мой народ, почитающий Крома - дикари, племя шакалов!

Таглур кивнул головой.

— Сказал! И еще скажу: за непочтительные разговоры ты будешь бит кнутом перед моей палаткой, волчье отродье. Клянусь белыми бедрами Иштар и мочой черного верблюда!

— Чтобы отхлестать кнутом, надо сперва поймать, — заметил Конан. — Поймаешь меня, значит твой Митра сильней моего Крома. Ну, а не поймашь...

Он повернулся жеребца и неторопливо тронулся по дороге к лесу.

— Эй, свинья киммерийская, ты куда? — заорал воевода. — Куда, северянин? Тебе заплачено шесть золотых!

— Я давно пропил их в кабаках Базры, — откликнулся Конан. — И не золотые то были, а так, рыбья чешуя!

Пришпорив коня, он помчался к лесу. Ния судорожно цеплялась за его пояс.

— Поймать его! — рявкнул Таглур. — Салед, рябая собака, он ведь из твоего десятка? Бери своих людей, и за ним! Излови мерзавца, или прибей! Не то вычту с тебя шесть монет и цену коня и оружия!

— Изловлю, господин мой, — мунган склонился к конской гриве. — Только люди мне без надобности. Я этого северного суслика и один скручу.

— Коль так, скачи за ним! А в награду... — сердар поиграл плетью, потом швырнул ее рябому мунгану. — В награду спустишь с безбожника шкуру, если возьмешь его живым! Сегодня же вечером, перед моим шатром!

Не поймав, не прибьешь и шкуру не спустишь. Конан позволил, чтобы его поймали. Правда, со шкурой своей он расставаться не собирался.

Когда между ним и столицей славного князя Ашакана пролегло изрядное расстояние, киммериец остановил вороного на обочине, спрыгнул с седла и строго приказал Ние:

— Сиди здесь, с коня не слезай. А начнут метать стрелы, скачи в лес.

— Они убьют тебя, господин!

Конан хмыкнул, бросил взгляд на лезвие секиры — там плавала в крови чья-то голова, но явно не его.

— Не убьют.

— Откуда ты знаешь?

— Кром шепнул.

Не обращая больше внимания на девочку, он встал посреди дороги и повернулся лицом к преследователям. Раздавшийся вскоре дробный топот возвестил, что преследователь одинок. Конан, запустив руку в густые темные волосы, усмехнулся; он знал, кто мчит по его следам.

— Опять хочешь крови, Рорта? — ладонь киммерийца огладила лезвие секиры.

— Кровь, — прошипел невидимый призрак, — крр-роовь... Да, я хочу крови.

— Но то будет кровь мунгана. Стигийцев в отряде Таглура нет.

— Пусть! Это кровь врага, и я выпью ее до последней капли.

Дорога была безлюдна, и Конана мог разглядеть приближавшегося всадника за две сотни шагов.

– Пожалуй, я буду драться с Саледом на мечах, - вдруг произнес он. - А ты, Рорта, отдохни.

– Это почему? Почему? - встревоженно заклекотал дух.

– Мне казалось, что усатый Таглур вышлет в погоню целый отряд... десять или двадцать воинов... Тут бы я не справился без твоей помощи! Но с этим мунганом я хочу биться один на один и равным оружием.

– Почему? Почему?

– Не слишком-то много чести рубить его волшебным топором, который сечет клинки словно ивовые прутья.

– Нет! Я хочу крови!

– Мало тебе тех шестерых, что я прикончил в Базре?

– Так то было девять дней назад, - возразил Рана Риорда. - Мы заключили договор, киммериец: ты поишь меня кровью, и ты обязан доставить меня к наследникам Гидаллы; я же отблагодарю тебя. Разве не так? А теперь ты не даешь мне взять жизнь этого ничтожного мунгана!

– И все же я буду сражаться мечом, - упрямо сказал Конан.

– Боюсь, не получится, - ответствовал дух, и в его клекочущем хриплом голосе киммерийцу почудилась насмешка.

Он не желал больше спорить со своим бесплотным спутником и наклонился, чтобы положить секиру на землю. Но пальцы его были мертвой хваткой стиснуты на топорище, и разжать их Конан не смог. Казалось, его ладони прикипели к этому гладкому темному древку, соединились с ним навсегда, навеки; теперь сталь, дерево и живая плоть составляли единое целое, одну несокрушимую машину убийства.

– Эй, Рорта! Это что за шутки! - Конан вновь попытался избавиться от топора - так же безуспешно, как и раньше.

– Сражайся, потомок Гидаллы! Сражайся! И дай мне напиться крови!

Киммериец нахмурился; ему совсем не нравилось, что Рана Риорда возымел над ним такую власть. Конечно, тут не обошлось без магии! Без древнего волшебства, которым этот Отец Гидалла наделил свое творение! Что ж, придется поставить духа на место... показать, кто хозяин! Или хотя бы равный партнер.

– Ты, ржавый улюдок, вцепился в меня словно клещ! - гневно рявкнул Конан, наблюдая за приближавшимся всадником. - Ну, тогда я вообще не буду драться. Какое мне дело до этого мунгана? Пусть живет! Его штаны мне уже не нужны, а голова - тем более!

Ответом ему послужил иронический смешок.

Тем временем Салед Алиам, подъехавши ближе, спрыгнул с коня. Узенькие щелочки его глаз мгновенно обежали фигуру киммерийца, застывшего посреди дороги, непроходимые заросли бамбука по обеим ее сторонам, и Нию, сидевшую в седле шагах в тридцати от своего господина. Жаркое солнце Вендии палило немилосердно, но кроны тиковых деревьев, возвышавшихся над золотистыми бамбуковыми стволами, бросали на дорогу густую тень; почва тут была плотно утоптана, и ям либо выбоин не замечалось.

Мунган кивнул и потянулся к сабле, видно решив, что лучшего места для поединка не сыскать. Конан угрюмо взирал на него, не в силах расстаться со своим проклятым топором.

– Ну, киммериец, - произнес Салед Алиам, - тебе по-прежнему нравятся мои штаны?

Конан мотнул головой.

– Теперь у меня есть свои. А потому, не поворотить ли тебе коня, сокол мой, рябая

рожа? Или честь Таглера и его глупые приказы тебе дороже собственной головы?

Салед презрительно сплюнул.

— Вот что значат для меня его честь и его приказы! Но ты, северный шакал, пытался меня ограбить, а Салед Алиам не из тех людей, что забывают обиды! Жаль, не выпало случая разделаться с тобой еще в Базре, на майдане... тогда бы и девчонка была моя... - Он покосился на тонкую фигурку Нии, замершей в седле за спиной Конана. - Ну, ничего, я до нее доберусь!

— Доберешься, только на Серые Равнины, - сказал Конан, думая про себя, что ублюдок Рорда прав: от драки не уйдешь.

Киммериец сделал шаг вперед, и сталь секиры звякнула о сталь сабли. Выпад Саледа был легким, в едва заметное касание; вероятно, он собирался прощупать противника, а не атаковать сгоряча. Двигался мунган, несмотря на свою огромную массу и высокий рост, на удивление легко, и клинок в его руке летал серебристой птицей. Похоже, он и в самом деле не знал до сих пор поражений.

Некоторое время два великаны кружили на дороге, обмениваясь ударами. Конан целил по клинку, рассчитывая перерубить его одним махом: быть может, мунган одумается, оставшись безоружным. Но Салед Алиам оказался не так прост! Он был отличным фехтовальщиком и, вероятно, опасался подвоха: сабля его ни разу не встретилась с режущей кромкой огромного топора, а лишь отклоняла его в сторону быстрыми ловкими выпадами. И пока что мунган не желал переходить в ближний бой, держась на расстоянии пяти шагов от противника. Как бы ни был он зол на киммерийца, ярость не лишила его осторожности.

Вдруг Конан, отступив к обочине дороги, поднял секиру и сказал:

— Эй, отродье Нергала, взгляни на свой ятаган! Клянусь, на нем места целого нет!

Салед, вероятно, заподозрил ловушку. Не опуская клинка, он ухмыльнулся и прыгнул вперед, словно бы решившись нанести удар в голову; но сабля его, описав стремительный полукруг, нырнула Конану под локоть, пробила кольчугу и царапнула под левым соском.

Однако вместе с саблей опустилась и секира. Ее лезвие ударило по клинку почти у самой рукояти, рассекло сталь и, завершая свое неотвратимое движение, оставило кровавый след на бедре мунгана. Он тут же отскочил назад, с изумлением разглядывая зажатый в руке обломок, потом перевел глаза на правую штанину, перепачканную кровью. Впрочем, несмотря на рану, на ногах он держался вполне уверенно.

— Пропали штаны, - заметил Конан, не потерявший еще надежды кончить дело миром. - А скоро пропадет и глупая башка.

— Только не моя!

Взревев, мунган отшвырнул саблю и вырвал из-за пояса метательный нож. То был широкий клинок длиной в две ладони, изогнутый на конце, с костяной рукоятью - привычное для степняков оружие. И Салед Алиам владел им великолепно! Нож, пущенный рукой мунгана, свистнул в воздухе; Конану уже чудилось, что в животе его, пробив кольчугу, сидит холодная гирканская сталь. Но топор внезапно сам собой дернулся вниз, раздался звон, и кривой кинжал Саледа упал на землю.

Однако мунган уже раскачивал в ладони второй клинок, собираясь поразить противника в горло; левая рука его шарила у пояса, где, вероятно, был запрятан еще один метательный нож.

— Руби! - яростно проклекотал голос призрака. - Руби его, киммериец!

Но Конан и сам не мешкал. Он рванулся к врагу, и длинное топорище секиры змеей скользнуло в его руке; острый наконечник пронзил плечо мунгана, и тот с хриплым стоном

выронил нож. Затем Рана Риорда взлетела вверх, опустилась, со свистом всасывая кровь; на лезвии ее полыхнули багровые сполохи, тут же сменившиеся чистым серебряным цветом. Тело мунгана лежало в дорожной пыли, голова, отброшенная страшным ударом, откатилась к обочине; узкие глазки совсем закрылись, кожа пожелтела, словно старый пергаментный свиток.

— Кровь! Крр-ровь! - прохрипел дух. - Кровь мунгана ничем не хуже крови стигийца!

— Тебе видней, ублюдок, - рыкнул Конан. Хоть он и не питал большой любви к степняку, эта победа совсем не радовала его.

Подобрав метательные ножи, киммериец сунул их за пазуху и направился к лошади, на которой, скорчившись от страха, сидела его невольница. Он перебросил перевязь секиры через высокую луку седла, затем сел сам, легонько тронул каблуками сапог бока вороного. Жеребец послушно затрусиł по дороге, фыркая и кося темным глазом на валявшийся в пыли труп. Когда мертвое тело скрылось за поворотом, Конан обернулся к Ние и сказал:

— Муторно у меня на душе, малышка. Так муторно, будто опился я дрянным стигийским вином... Спой мне что-нибудь... спой, если можешь.

Помолчав, Ния спросила:

— Чего желает мой господин? Веселое или грустное?

— Спой о бренности жизни, - ответил Конан. - Спой такую песню, чтоб достойно проводить душу этого глупого мунгана на Серые Равнины.

Снова молчание. Потом за спиной киммерийца зазвенел тонкий голосок:

Я - пепел, я - пыль, я дым на ветру,

Мой факел уже погас.

Там, где я не был, там, где я был,

Забвенье царит сейчас.

Я в сумраке

Серых Равнин бреду

Тенью в мире теней,

Как птица, смерть взвилась надо мной,

И жизнь улетела с ней.

— Хорошая песня, - сказал Конан, кивая головой. - Но я надеюсь, что над моим трупом такое споют нескоро.

Вороного жеребца пришлось бросить - там, где дорога окончательно превратилась в звериную тропу. Ни в одном из бедных вендийских селений, что изредка попадались по пути, крестьяне не могли разориться на такую покупку. Да и к чему им был этот конь? Они пахали землю на быках, а боевого скакуна не запряжешь в плуг.

Зато кольчугу, шлем и щит Конан сменял в придорожной кузнице, получив целый мешок лепешек из просяной муки, сущеные фрукты, бурдюк с кислым вином и горсточку серебряных монет. Жалкая цена за воинское снаряжение, но большого кузнец предложить не мог. Пока мастер с женой хлопотали, собирая продовольствие, Конан, презрительно

морщась, разглядывал кузницу. Быть может, здесь ее хозяин и считался крепышом, но в Киммерии этого коренастого темнокожего вендиЙца не взяли бы даже раздувать меха. Его молот был вдвое меньше и вчетверо легче чем тот, которым некогда орудовал отец Конана.

В джунглях кольчуга, шлем и щит были ни к чему; лишняя обуза, и только. Копье, после некоторых раздумий, Конан решил оставить. Меч и топор хороши против человека, но зверя - особенно опасного - берут копьем и стрелой. Только копье удержит дикого кабана или тигра на расстоянии шести локтей; только копье даст время, чтобы вытащить меч, выхватить секиру. Правда, размышлял Конан, взвешивая в руке ясеневое древко с острым жалом, его секира - не совсем обычное оружие. Пожалуй, она перерубит напополам и огромного зверя с рогом на морде и массивными копытами, о котором толковал ему кузнец. А может, и слона! Все-таки у магического топора свои преимущества, решил он, но копье однако оставил.

Вскоре путники уже шли по узенькой тропинке, над которой плотно смыкались древесные кроны. Кое-что в этом лесу было знакомо киммерийцу: самшит, магнолия, тиковое и красное деревья росли в Кешане и Пунте, а бамбук и пальмы попадались даже в Шеме, не говоря уже о Стигии. Он не глядел по сторонам, рассчитывая больше на обоняние и слух, чем на глаза, но Ния испуганно озиралась, высматривая ощеренную звериную пасть под каждым кустом. Конан прикрикнул на нее и велел шагать побыстрее. Он надеялся выбраться с закатом к заброшенному городу, о котором говорил кузнец; от руин этого древнего поселения до моря оставался день пути.

Солнце, светлое око Митры, еще не успело скрыться за стволами деревьев, когда тропа вновь превратилась в дорогу. Некогда она была вымощена камнем, но теперь базальтовые плиты растрескались, в щелях между ними зазеленели полоски мха, а кое-где древесные корни заставили вспучиться землю, выворотив целые каменные глыбы. Тем не менее, идти стало легче, и путники, миновав пару рухнувших башен, что некогда поддерживали истлевшие створки ворот, еще засветло очутились в городе.

Об его архитектуре и планировке Конан не мог составить никакого представления, ибо улицы загромождали разбитые блоки зеленого камня, похожего на нефрит, и ни одна сохранившаяся стена не достигала и восьми локтей в высоту. Возможно, тут были величественные дворцы, украшенные стройными колоннами, резные изящные арки и фонтаны, храмы с круглыми куполами или пронзающими небеса шпилями, лестницы, портики и парапеты, облицованные мрамором бассейны и каналы, пышные сады, окружавшие жилища знати, и цветники у домиков простолюдинов... Теперь все лежало в развалинах, в прахе и тлене, столь древнем, что становилось ясно: во времена расцвета этого города никто и слыхом не слыхивал о державе славного Ашакана, ни, скорее всего, о гордой Айодии.

Ния боязливо ежилась, поглядывая на мрачные руины, поросшие акацией, оплетенные лианами и выонком. Пожалуй, она предпочла бы провести ночь в джунглях, но Конан напомнил своей юной невольнице, что с наступлением темноты в лесу можно столкнуться с тигром или черной пантерой. Сюда же, в каменный лабиринт, они не полезут - хищники стараются держаться подальше от мест, где некогда обитали люди. Теперь развалины населяли лишь змеи да обезьяны, но от назойливости и тех, и других, мог охранить костер.

Конан разложил его на обширной площади, простиравшейся в самом центре города. Со всех четырех сторон ее окружали груды битого зеленого камня, но посередине оставалось достаточно места для стоянки сотни воинов с сотней лошадей; значит, никакому зверю не удалось бы подкрасться и нежданно выпрыгнуть из темноты. На всякий случай, для защиты

от ядовитых гадов, Конан разложил у костра волосяную веревку, а после ужина бросил внутрь кольца свой плащ и велел Ние укладываться на покой. Спала она тревожно, но в конце концов дыхание девочки сделалось ровным и глубоким, тело расслабилось, и с лица исчезло пугливо-настороженное выражение. Тогда Конан поднялся, воткнул в щель меж камней свою секириу и повелел духу явиться.

Рана Риорда возник перед ним в неярких отсветах костра. Впервые его капюшон был откинут, и Конан мог видеть темные волосы, волной спадавшие на плечи. Кожа на лице призрака разгладилась, сапфирово-синие глаза заблестели еще ярче, и если бы не бледность щек и бескровные тонкие губы, киммериец принял его за собственного двойника. Видно недаром призрак утверждал, что происходят они оба от единого корня, от прародителя Гидаллы, коему сам грозный Кром годился бы в правнуки!

Долго и мрачно Конан смотрел на духа секиры, потом произнес:

– Сегодня ты заставил меня сделать то, чего мне не хотелось.

Рпорта пожал плечами.

– Какая разница, убил бы ты мунгана мечом или моим лезвием. Все равно бы убил! А так и враг мертв, и я сыт. В туще мунгана было много крови.

– Кровь, кро-овь, крр-роовь! - передразнил Конан клекочущий голос призрака. - Запомни, ржавая железка, я тебе не раб, ты мне не хозяин! Я не люблю, когда меня заставляют... король, демон, бог - все равно! Я - свободен, ясно? И запомни еще одно: мы заключили союз равных, и как заключили, так можем и разорвать, клянусь Кромом!

Рана Риорда уставился на него, но киммериец не опустил глаз. Несколько мгновений они мерялись взглядами, затем дух сказал:

– Как заключили, так можем и разорвать, да? Помнится, в стигийской темнице ты пел другие песни!

– То было в стигийской темнице, а сейчас мы в джунглях Вендии. И завтра я могу разворотить любой из завалов в этом проклятом городишке, а потом упрятать тебя под камни. Валяйся там еще тысячу лет, кровожадное отродье Сета!

Призрак протестующе вскинул бесплотные руки.

– Не оскорбляй меня, киммериец, не оскорбляй своего прародителя Гидаллу! Причем здесь Сет, темный бог, Змей Вечной Ночи? Меня-то выковали из небесного камня, из стали, чистой, как свет луны!

– Скорее, кровавой, как солнце на закате!

Они замолчали, опять прожигая друг друга взглядами. Краешком глаза Конан уловил какое-то движение за границей светового круга - будто бы зеленые искорки стремились приблизиться к костру, и тут же отступали, сдуваемые неощутимым ветром. Нечисть, что ли, лезет? - мелькнуло у киммерийца в голове. Только ее и не хватало! Один призрак тут уже был, и похоже, кто-то еще стремился составить ему компанию.

– Ладно, - вымолвил наконец дух секиры, - давай забудем то, что было. Мы нужны друг другу, киммериец. Я хочу попасть к наследникам Гидаллы, ну, а ты - ты удостоишься награды. И не забывай, что часть ее уже получена.

– Это какая же часть? - Конан приподнял брови. - Не понимаю, о чем ты толкуешь, трухлявое топорище.

– Разве я не помог тебе выбраться из стигийской темницы?

– И я оказал тебе такую же услугу. Тут мы квиты, и в окончательный расчет Файон не входит, - твердо заявил киммериец.

— Квиты так квиты, — согласился дух, — не стану торговаться. Ты будешь доволен наградой, клянусь Древними Богами!

— Сперва поклянись, что перестанешь влезать в мои дела!

Рана Риорда глубоко вздохнул. Вздох этот был столь же бесплотным и неощутимым, как и сам призрак; он не поколебал ни пламени костра, ни дыма, что вился над ним. Конан, однако, заметил, что зеленые искорки, налетавшие из мрака, будто бы отнесло ветерком.

— Клянусь, — произнес призрак, вытянув вверх отливавшую серебром руку, — клянусь Древними Богами и кровью Гидаллы, что не стану больше приневоливать тебя. Этого достаточно?

— Достаточно, — буркнул Конан, разглядывая зеленые искры, мерцавшие в ночи. Они вновь устремились к костру, и киммериец ощутил неприятное покалывание в затылке. Может, не стоило ночевать в этих развалинах, подумал он. Лучше уж схватиться с тигром или пантерой, чем с демонами или призраками! Но сожалеть о совершенном было не в его правилах. Кроме того, он хотел закончить разговор с Рана Риордой.

Бледные губы духа снова зашевелились.

— Если ты удовлетворен, то поклянись тоже... поклянись, что не оставишь меня, не бросишь среди камней, не утопишь в море.

— Ладно, клянусь! — Конан с силой ударил кулаком о ладонь. — Клянусь первым и единственным взглядом Крома, который он бросил на меня!

— Странная клятва, — сказал дух.

— Она нерушима. Видишь ли, когда в Киммерии рождается младенец, Кром смотрит на него, и тот, кому сужено вынести взгляд бога, получает имя и право на жизнь. Умерших же выбрасывают псы на поживу. И больше Крому нет до нас дела.

— Плох бог, который не заботится о своем народе, — заметил призрак. — Отец Гидалла был не таков. Он создал меня, — тут Рана Риорда горделиво выпрямился, — и поручил мне помогать своим потомкам, сражая их врагов. И советую им в годину бедствий. Даже после смерти он говорит с людьми моими устами... Да, прародитель Гидалла был велик и мудр! Мудрее твоего Крома!

— Зато Кром ни к кому не лезет с непрошенными советами, — буркнул Конан.

— Будь почтителен к Отцу Гидалле, киммериец! Он ведь и твой предок!

— Возможно, — Конан пожал плечами, всматриваясь в темноту. Зеленых искорок стало больше; теперь они вытягивались длинными язычками, будто пытались проколоть невидимую преграду и прорваться к костру. Киммериец оглянулся на Нию, укутанную в плащ. Девочка спала спокойно, но сам он чувствовал, что в затылке колет все сильней и сильней, а в ушах разливается негромкий звон. Вскоре звон этот превратился в невнятное бормотанье, и Конан, скривившись, тряхнул головой.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил призрак.

— Эти зеленые огни... Вроде бы кто-то хочет познакомиться с нами поближе, а?

Рана Риорда презрительно усмехнулся.

— Ничтожные душонки погибших... Ни плоти, ни крови, ни толка, ни смысла... Льнут к живому, как стая вампиров, хотят подкормиться... Не тревожься, ядерживаю их без всякого труда.

— В ушах гудит от их болтовни, — потянувшись к костру, киммериец вытащил горящую ветвь. — Сейчас я их шугану!

— Я же сказал, не тревожься. Коль они тебе надоели, сделаем так... — Соединив ладони,

призрак нанес рубящий удар по воздуху, и на мгновение Конан услышал стоны, жалобные вскрики и плач. Этот неясный гул тут же смолк, а с ним исчезли и зеленые искры; теперь вокруг освещенного костром пространства царили тишина и тьма.

— Ну, - с довольной ухмылкой произнес Рана Риорда, - не в первый раз повторю, что гожусь не только рубить головы. Прибавится у меня сил, я и вчерашний день смогу вернуть.

— Это еще зачем? - спросил Конан.

— Ради сохранения Великого Равновесия. Если в одном месте убыло, а в другом прибыло, это может не понравиться богам. И тогда нужно повернуть время вспять, восстановив то, что должно быть восстановлено. Даже Древние Боги хранили Великое Равновесие, так как...

— Нергал с ним, с этим Равновесием, - перебил Конан. - Лучше скажи, куда мы должны направиться теперь?

— По-прежнему на юг и восток. Пожалуй, тебе надо подумать о захвате корабля...

— То моя забота. Вот коли у тебя на примете есть что-то подходящее, я не откался бы взглянуть.

— Взгляни, - сказал дух, и Конан, поднявшись, шагнул к секире. На лезвии ее, багровевшем в отблесках костра, плыли смутные видения: два корабля, будто бы плывущие друг за другом. Одно судно было с красными бортами и рядами весел; корпус его имел непривычные для киммерийца очертания, слегка угловатые, делавшие корабль похожим на плавучий сундук. Вторая посудина, постройнее и поменьше размером, явно была купеческой ладьей с резными деревянными украшениями на носу и корме - двумя дельфинами, изогнувшимися дугой. Гребцы на ней отсутствовали, зато на мачтах полоскались треугольные желтые паруса.

Конан хмыкнул, покачал головой.

— Ну, какой годится? - спросил призрак.

— Оба плохи. Красный сундук неуклюж, а купеческая лоханка слишком мала.

— Для нас важна не скорость, а надежность, - заметил Рана Риорда.

— Тогда я бы выбрал красную галеру. Хотя выглядит она странновато.

— Кхитайский корабль, - пояснил дух. - У кхитайцев все странное, даже пища. Они и кашу едят палочками.

— Кром! - изумился Конан. - Как же можно черпать из котла без ложки?

— Узнаешь, - загадочно пообещал призрачный собеседник.

С рассветом Конан и Ния, Цветок, Который Распускается в Полнолуние, тронулись в путь, и на закате уже брали вдоль длинной череды песчаных дюн, усеивавших берег Уттарийского моря. У подножья одного из этих сыпучих холмов они и переночевали; ни духи, ни звери, ни люди не тревожили их сон. Утром киммериец отправился в рыбачье селение и выбрал надежную лодку - баркас с прямым парусом и кормой, прикрытой бамбуковым настилом. Он мог бы просто отнять суденышко, но нищета его хозяев была столь очевидной, что Конан предпочел расплатиться - той самой горстью серебра, что выручил за щит, шлем и кольчугу. Себе он оставил лишь пару монет.

Плата, видать, была царской, ибо тощие смуглокожие рыбаки снабдили путников не только водой и припасами, но и добрыми пожеланиями. То ли молитвы их возымели действие, то ли морские боги мирвогли Конану, не обидевшему бедняков, но плавание проходило при попутном ветре и ясном небе. Рана Риорда, закутанная в Конановы штаны, мирно дремала под палубным настилом, киммериец управлялся с парусом, а невольница его пела песни и готовила еду. Так прошло десять дней, и они прибыли в Прадешхан, большой и богатый уттарийский город, стоявший неподалеку от границы с Камбуей.

Через пятьсот лет после Великой Катастрофы, стершей с лица земли Атлантиду, разразилось второе бедствие, которое было названо Малым.

Оно еще больше преобразило древний Туранский материк. Озера, тянувшиеся от гор Ильбарс до северных гирканских гор, слились в огромное море, разделившее Запад и Восток. Со временем этот внутренний континентальный эстуарий назвали морем Вилайет - по имени страны, что лежала некогда там, среди многочисленных озер.

Альмаденские Скрижали, Плита II, строки 44-51

Глава 9. Похищение Рана Риорды

Ночные кошмары начали мучить Быстрого Олена на вторую ночь после побега. Его не зря звали Быстрым; покинув стойбище Людей Травы, он за пару дней одолел такое расстояние, какое охотничий или воинский отряд прошел бы за четыре. Он бежал ровной волчьей трусцой с рассвета до заката, и нелегкий груз - два копья, нож, топор, плетеная сумка с припасами и завернутый в кожаную накидку Убийца - не тяготил его; Быстрый Олень был молод и силен. Он не боялся погони, да и вряд ли вожди послали бы кого-то за ним; а если бы и послали, то посланные наверняка не торопились бы. Итак, он не боялся, что погоня настигнет его, но не сумел уйти от колдовских чар.

Проклятый Коготь!

Но снился ему вовсе не шаман. Он видел какое-то полупрозрачное существо, подобие человека с неясными чертами лица, скрытого под капюшоном, и сверкающими жуткими глазами цвета неба на закате. Эти синие зрачки жгли его; он корчился и стонал, не в силах разорвать сновидение, шепнуть охранительное заклятье. Да и вряд ли заклятья помогли бы ему - призрачный дух был силен, и обычному человеку, даже самому сильному из охотников, с таким не справиться. Видно шаман, Кривой Коготь, вызвал из мрака Вечной Ночи самого страшного из своих слуг, поручив ему добраться до сбежавшего похитителя...

Впрочем, дух с горящими зрачками не пытался пожрать Быстрого Олена и, судя по всему, не хотел увести его с собой в Тьму, из Которой Нет Возврата. Он только грозно сверкал глазами и хрипел какие-то слова. В первую ночь явления страшного призрака Быстрый так перепугался, что даже не понял его речей. То же самое повторилось и на вторую ночь, и на третью, но потом молодой воин разобрал, чего желает дух. Тварь, пришедшая из Пропасти Злого Ча, хотела, чтобы Быстрый нес Убийцу на юг или на восход солнца, охотник же бежал на север и запад.

Вскоре он понял, что дух ничем не может повредить ему - разве что ночными кошмарами. Но это было не так страшно. Хоть Быстрый Олень не всегда высыпался, шаг его по-прежнему был тверд, ноги - сильны и послушны, а копье не знало промаха. Но охотился он редко, не испытывая в том особой нужды, ибо запасов памако в его мешке хватило бы на целую луну. Памако готовили из смеси сушеного мяса с ягодами и жиром; его бурые шарики были легкими, вкусными и питательными.

Вечерами, перед тем, как уснуть, Быстрый Олень чертил на земле магические символы и шептал заклинания. Несмотря на молодость, он, как и все Люди Травы, кочевавшие в неоглядной степи, был опытен в обращении с потусторонними силами. Люди Травы знали, что духи, демоны и призраки живут повсюду и наблюдают за ними недреманным оком. Одни - например, духи предков - были милостивыми; они хранили детей своих от бед, помогали на охоте и в битвах с враждебными племенами. Другие пришельцы из Черной Бездны не проявляли ни злого умысла, ни особой доброты - разумеется, до тех пор, пока их не оскорбляли неосторожным словом или делом; о них лучше было не поминать всуе. Существовали и трети, откровенно злобные и недоброжелательные; этим полагалось приносить жертвы и обороняться от их влияния с помощью заклятий и чар. Убийца, которого Быстрый упрямо нес на запад, конечно же принадлежал к сонму злых духов и отличался такой силой, что лишь Кривой Коготь, шаман из шаманов, сумел с ним совладать. Но за это Люди Травы платили страшную цену.

Поразмыслив, Быстрый решил, что ночного призрака подсыпает ему не Коготь. Прошла половина луны, и он удалился от родного стойбища на огромное расстояние, почти достигнув рубежей Страны Вод, легендарной Вал Йета. Кривой Коготь был могущественным колдуном, но вряд ли он мог настичь и покарать ослушника, убежавшего так далеко. Значит, дух с пылающими синими глазами не являлся посланцем Когтя? Вероятно, так! И Быстрый Олень сделал единственно правильный вывод, что грозный пришелец, вторгавшийся в его сны, как-то связан с Убийцей. Теперь, остановливаясь на ночлег, он закапывал сверток с Убийцей в землю в сотне шагов от своего костра и проводил ночь куда спокойней, чем прежде. Дух все равно являлся, но выглядел зыбким, как предутренний туман над рекой, и его невнятное бормотание стало едва слышным.

Почему он требовал, чтобы Убийцу несли на юго-восток? Это оставалось загадкой для Быстрого Оленя. В любом случае, он не собирался подчиняться призраку; он хотел дотащить свой страшный груз до Страны Вод и утопить его там в самом глубоком озере. Пусть проклятый вернется в проклятое место, туда, откуда он изошел! И пусть лежит там до скончания времен!

Кроме этих общих соображений существовали и другие обстоятельства, более практического характера. К юго-востоку от тех мест, где кочевали сейчас Люди Травы, высыпался горный хребет с обледенелыми вершинами, подпиравшими небеса; идти туда значило сразу сунуть голову в пасть ненасытного Ча. Не желал Быстрый Олень отправляться и на восход солнца, ибо племя его два десятка лет продвигалось именно в том направлении и Убийцу могли найти, как бы хорошо он не запрятал магическое оружие. Кривой Коготь, шаман шаманов, почувствовал бы его за дни и дни пути!

А вот в озерах Вал Йета Убийцу ни почем не разыскать! Быстрый Олень был совсем мальчишкой, когда племя его кочевало в тех краях, но запомнил, что были в Вал Йета озера без дна, столь глубокие, что воды их, вероятно, граничили с Пропастью Ча, которая со временем поглотит все сущее. Но Быстрый надеялся, что до времен этой новой катастрофы еще далеко, ибо в памяти людской еще не исчезли воспоминания о прежней, случившейся тридцать поколений назад. Для людей это огромный срок, но для демонов небольшое время; не может же Страшный Ча просыпаться столь часто и трясти землю!

И потому, решил он, пусть Убийца лежит в глубочайшем из озер, а если Ча снова всколыхнет степь и горы, то проклятое оружие провалится еще дальше, в Пропасть Вечного Мрака, и - пусть помогут предки! - угодит прямо в ненасытную утробу злого Ча. Там ему самое место!

Возможно, Убийцей овладеют другие демоны, боги серокожих себайо, пришедших в Вал Йета откуда-то с юга. Они, эти завоеватели, прогнали предков Быстрого из Страны Вод, но то было самым меньшим их злодеянием; гораздо хуже, что себайо принесли с собой Убийцу. И, как рассказывали старцы Людей Травы, победили с помощью проклятого оружия, а потом, испугавшись его злобного могущества, бросили в степи, на поле последней битвы, среди трупов, со временем ставших белыми костяками. Там, под грудой костей и черепов, Кривой Коготь и нашел его - в недобрый миг, стоивший Людям Травы многих и многих жизней!

К тем временам изгнанное из Страны Вод племя давно переселилось в степь и не помышляло о том, чтобы отбить у серокожих прежние земли. Степь была широка и просторна для всех народов, что жили в ней; ничем не хуже мест, захваченных себайо. И тут, в степи, к Людям Травы стали присоединяться бездомные, гонимые и обиженные; приходили они по-одиночке, либо семьями и целыми кланами, особенно с запада, где бушевала

непрерывная война, где дикари истребляли дикарей, а их выжженные и опустевшие территории потом доставались другим дикарям, еще более страшным, среди которых были и огромные шерстистые обезьяны, обитавшие раньше на севере. Среди тех, кто прибыл к народу Быстрого Оленя, попадались всякие люди: невысокие и крепко сколоченные, с каштановыми, соломенными или черными волосами, и другие, темнобровые, смуглые, с крючковатыми носами, и третьи, рослые, бронзовокожие и синеглазые, и четвертые, с иссиня-черными бородами, что росли от самых глаз, и пятые, и шестые, и седьмые... Всяк приносил и кровь свою, и своих богов, и свою магию, так что со временем Люди Травы, смешавшись в единую орду, стали сильны и числом своим, и колдовским уменьем. И кочевали они в степях куда звало сердце, и поклонялись каким хотели богам и демонам, иногда воевали с соседями, такими же кочевыми племенами, иногда мирились и жили, в общем-то, спокойно, пока Кривой Коготь - да поглотит его раньше срока утроба Ча! - не разыскал проклятого Убийцу.

О последнем сражении предков Людей Травы с себайо уже никто и не вспоминал, ибо случилось оно за десять или пятнадцать поколений до Быстрого Оленя. Но тогда серокожие наверняка одержали победу, потому что поле битвы было завалено пробитыми стрелами черепами, а Люди Травы в те времена не знали лука. В одном же месте скелеты и черепа громоздились целым холмом и выглядели странно - рассечеными с такой силой, какую руки человеческие не способны приложить к каменному топору. Кривой Коготь, тогда еще колдун молодой и честолюбивый, начал рыться в огромной груде костей и откопал Убийцу. Себе на потеху, остальным - на горе!

Люди Травы не знали, почему серожие расстались со своим магическим оружием. Возможно, затерялось оно среди завалов мертвых тел, возможно, и не старались его найти, решив, что послужил Убийца достаточно и лучше забыть о нем навсегда и не вспоминать. Мудрецы себайо ведали об этом страшном амулете куда больше Кривого Когтя и, наверное, побаивались его. Но Коготь не боялся; он нашел Убийцу, и взял себе, и сделался великим колдуном, шаманом над шаманами. Теперь вожди и люди степного племени трепетали перед ним.

Быстрый Олень, мучимый ночными видениями, приближался к Стране Вод и думал, думал, думал. Быть может, Кривой Коготь не столь уж виноват, как ему казалось вначале? Быть может, призрак, истинный повелитель Убийцы, тоже являлся шаману? Сначала - просил, потом стал требовать, приказывать... И Коготь подчинился... Подчинился ради власти над племенем, а не забросил Убийцу в глубокий овраг, не закопал в землю и не отправился в Страну Вод, чтобы разыскать то проклятое поле давней битвы и сунуть Убийцу в груду черепов! Не иначе, как злобный Ча овладел разумом шамана! Ча любит кровь и трупы, страдания и смерть - как раз то, что творил Убийца в руках колдуна.

Отец и старшие братья рассказывали Быстрому Оленю, что, овладев магическим оружием, Коготь сильно переменился. Он начал ходить с воинами в набеги - а такого раньше не делал ни один шаман! - он принял грозить соседям, обещая извести их до последнего человека, он стал подговаривать вождей идти на восход солнца, покоряя все племена, какие встретятся по дороге. Слова же свои он подтверждал сильным и страшным колдовством: любой набег, любая стычка с его участием неизменно заканчивались победой. Да, Люди Травы тоже умирали, но противников гибло стократ больше, ибо ни палица, ни каменный топор, ни молот из кремня, ни копье с обсидиановым наконечником не могли остановить сверкающий полукруг Убийцы. Лезвие его резало и камень, и дерево, и кости, и

человеческую плоть.

Сперва Люди Травы, опьяненные победами, торжествовали. Никто не спрашивал, где и когда Кривому Когтю удалось найти такой могущественный амулет, залог победы и воинской славы. Но проходило время, и соседние племена, с которыми теперь уже только ссорились и не мирились, стали опасаться Людей Травы. Прошел слух, что ими овладел Ча, Хозяин Ледяной Бездны, а это значило, что от них нужно держаться подальше. Что ж, степь велика, всем места хватит! И соседи откочевали, скрылись с глаз, рассеялись, как пар над котлом, исчезли, словно облака, гонимые ветром. Никто больше не торговал с Людьми Травы, не обменивался диковинами, не отдавал своих девушек и не брал женщин от их костров. Они очутились в пустоте, ибо земли вокруг были просторны, а людей в них мало, и всякий мог скрыться от всякого. И больше не приходили к ним с запада странники разного обличья и не просились принять в племя - не хотели мешать свою кровь со злым народом. Зла же и на западе хватало.

И тогда Кривой Коготь объявил вождям и старейшинам, где удалось найти ему Убийцу, и что Убийце потребно. Желало же колдовское оружие крови, и не той малой крови, проливаемой на камни очагов в знак единения с предками и добрыми духами, а той, что хлещет из ран в сражении. А раз враги сбежали и сражаться не с кем, то каждую луну будет теперь выходить шаман на поединок с избранным воином из числа Людей Травы и драться с ним до смерти. Коль устоит соперник, зарубит Кривого Когтя или пробьет копьем, то владеть ему Убийцей и сражаться дальше, пока и его не убьют. Так надо поступать впредь, ибо если Убийца не получит взятой в бою толики крови, то заберет всю кровь - всю, какая течет в жилах Людей Травы, от самого дряхлого старика до новорожденного младенца.

Как сказал шаман, так и было сделано. Убийца уже доказал свою мощь; его боялись, и боялись Кривого Когтя. Был он мужчиной в зрелой поре и за пять или шесть лет (Быстрый Олень не помнил точно, сколько времени прошло с начала поединков) смог уложить десятки лучших воинов Людей Травы. И было ясно, что до старости своей уложит всех прочих, кто оставался еще жив, молчал, трепетал и каждую луну покорно тянул жребий. Но Быстрый Олень не собирался подчиняться колдуна! Став воином и охотником, он тоже тянул жребий и тоже молчал - даже когда под лезвием Убийцы простился с жизнью один из его старших братьев - но трепета не было в его сердце. Только ненависть!

Он хотел убить Кривого Когтя. Сразиться с ним и убить! Но на равных: камень против камня, копье против копья, чары против чар. И без злого колдовства, что таилось в Убийце! Быстрый Олень знал, что с этой магией ему не справиться, и Убийца, сверкающий в сильных руках шамана, наверняка отведает его крови. Тогда-то он и подумал впервые, что проклятое оружие надо украсть. Украдь и унести так далеко, чтобы Кривой Коготь не сумел найти Убийцу - по крайней мере до тех пор, пока не будет убит сам!

Намерение Быстрого Оленя крепло, а когда жребий, брошенный в очередной раз, выпал его отцу, он решил не медлить. Выкрасть Убийцу из шатра шамана было совсем просто - Кривой Коготь не стерег его, зная, что никто из Людей Травы не прикоснется к проклятому оружию по собственной воле. Не прикоснулся и Быстрый: набросил поверх кожаную накидку, перевязал волосяным шнурком и змеей ускользнул в ночь. А затем помчался на заход солнца что было сил!

Теперь он мог не торопиться. Цель его была близка; среди степного разнотравья тут и там начали вставать серые скалы, кое-где появились деревья и небольшие болотца, заросшие тростником; от них начинались ручьи, струившиеся к западу, в озерный край, богатый

водами и лесами. До него оставалось день или два пути, и Быстрый Олень удвоил осторожность: он не хотел попадаться на глаза себайо. Во всяком случае, до тех пор, пока Убийцы не будет похоронен в самм глубоком из озер!

Последнюю ночь он провел у подножья кургана, разложив маленький костерок - не больше, чем требовалось, чтобы обжарить тушку дрофы. Птицу Быстрый Олень подбил еще утром - она выскочила из травы прямо на охотника, не видя и не соображая ничего в паническом бегстве. Похоже, что-то напугало диких обитателей степи; Быстрому попадались и волчьи стаи, и шакалы, и стада оленей и антилоп, устремившиеся к востоку. Вероятно, подумал он, себайо затеяли облаву, или еще какое-нибудь племя, Дети Волка или Потомки Орла, решило поохотиться у рубежей Страны Вод. Если ему попадутся Волки или Орлы, он скажет им, что зло покинуло стойбище Людей Травы... Быстрый Олень озирался по сторонам, но так и не увидел ни единого человека. Животные, однако, бежали, будто спасаясь от неминуемой гибели.

Он закончил ужинать, потом отнес сверток с Убийцей подальше, на вершину холма, у которого собирался провести ночь. Если духи предков будут милостивы, завтра ему попадется озеро - глубокое озеро, бездонная пропасть, граничащая с Бездной Ча, Владыки Смерти... Там он и похоронит Убийцу! А потом вернется в стойбище Людей Травы и...

Ночью Быстрому Оленю снилось, как он сражается с шаманом - камень против камня, копье против копья, чары против чар. Спал он, однако, спокойно, потому что призрак с горящими глазами не приходил и не нашептывал ему о своих желаниях. Видно он понял, что Быстрый Олень неумолим и никогда не повернет к востоку с опасной ношей за плечами.

Рассвет выдался кроваво-красным, тревожным, и не успел Быстрый подняться, как под ногами у него дрогнула земля.

Потом он услышал рев - грозный рев разбушевавшихся вод, вступивших в смертельную схватку с яростным огнем. Ему показалось, что на западе восходит второе солнце - но то был отблеск вулканического пламени, пробившегося из земных недр и разрушавшего сейчас горную гряду, что лежала за озерным краем. Слоны гор ползли вниз, открывая дорогу пурпурным потокам лавы, но ни эти огненные реки, ни бесчисленные глыбы раскаленного камня не могли заполнить гигантскую трещину, что образовалась в земле. Края ее расползлись на запад и восток, пока воды тысячи озер не хлынули вниз, сливаясь воедино, усиливая друг друга, вздымая волны и обрушивая их на стену расплавленной магмы. Две стихии, огонь и вода, столкнулись в вечном своем противоборстве и разодрали скальную плиту под основанием гор напополам. Небо обрушилось на землю, качнулось Равновесие Мира, пробудив демонов и богов; наступила вторая катастрофа, второй потоп, второе великое землетрясение, поразившее древний Туранский материк в самое сердце.

Быстрый Олень стоял на склоне кургана и с ужасом глядел на запад, на гибнущую Страну Вод. Видно ошибался он, считая, что Страшный Ча надолго уснул в своей Пропасти Мрака! Вот демон поднимается над землей в огненной своей накидке, вздымает тысячи багровых рук, мечет молнии, душит все живое черным дымом, дробит горы, палит леса и травы, а пепел сбрасывает в Бездну... Гибнет, гибнет Вал Йета! Гибнет в пасти Вечной Ночи! И, разделавшись с озерным краем, Губитель Ча примется за степь, пожрет ее, доберется до самых далеких гор, до лесов, до океана - но и океан не остановит его! Он уничтожит все - и земли, и воды!

Конечно, Быстрый Олень заблуждался. Ча, мелкий божок степного народа, прислужник Нергала или Сета, забился в щель и дрожал от страха, ибо угроза Великому Равновесию

страшила его не меньше, чем любого из племени Травы, Орла или Волка. Силы, бушевавшие над Страной Вод, неизмеримо превосходили могущество Ча, но Быстрый Олень этого не знал; для него Ча являлся символом мирового зла, виновником и страшной катастрофы, и тех смертей, что творил Убийца среди Людей Травы.

Так пусть же они встретятся, Злобный Ча и сверкающий полумесяц Убийцы, обагренный кровью! Пусть зло уйдет к злу и провалится в Бездну Тьмы! Пусть канет оно в недра огнедышащих гор, сольется с потоком лавы, истечет во мрак, исчезнет из мира живых! Пусть будет так - даже если мир этот разрушится через мгновенье под напором воды и огня!

Склон холма вздрогнул под ногами Быстрого Оленя, и он, подхватив свои копья, пустился бежать на восток. Он мчался так, как никогда прежде, и с каждым его прыжком почва становилась все устойчивей, багровый свет за спиной - все менее ярким, а грозный рев разбушевавшихся стихий - все более тихим и отдаленным. Светлые и темные боги, соединив усилия, навели порядок в мире, и единственным свидетельством Второй Катастрофы стало огромное внутреннее море, затопившее Вал Йета, Страну Вод. В волнах его погибло множество живых тварей, в том числе - и серокожие себайо; они пошли ко дну вместе со своими козами и своими круглыми хижинами-кана, вместе со своими вождями и мудрецами.

Но степные народы, Люди Травы, Дети Волка, Потомки Орла и многие иные племена уцелели, ибо божественным промыслом предназначалось им сделаться прародителями гирканцев, заселив степи от границ Кхитая по берегов моря Вилайет.

И Рана Риорда, Губительница, Яростный Блеск, Убийца, Небесная Секира - она тоже уцелела, завернутая в шкуры и брошенная на вершине холма. Пройдет время, сто или двести лет, и ее найдут, снова искупают в крови, и она продолжит свой путь, долгий путь в чужих и ненавистных руках. И будет она, как то заповедано Отцом Гидаллой, убивать, убивать и убивать - до той поры, пока не ляжет пленницей под тяжкие камни Файона.

Об Уттаре и Камбуе, лежащих на краю земного круга, нам не ведомо ничего достоверного.

Зингарийский палимпсест "Чудеса и диковины мира"

Если ты думаешь, что имеешь близких, ты ошибаешься; если ты думаешь, что владеешь богатством, ты вновь ошибаешься; у тебя есть только твоя душа...

Уттарийские изречения

Глава 10. Состязание в Уттаре

Такого города Конан еще не видел!

Была тут просторная гавань, в которой теснились сотни крытых лодок и широкобоких кораблей; у каждого нос и корма изгибались вверх словно туранская сабля, а украшали их головы свирепых тигров и драконов, невиданные цветы, дельфины, осьминоги, хищные акулы, а также иные чудища моря и земли, с великим тщанием и искусством вырезанные из цельных дневесных стволов.

Была тут набережная, вымощенная плитками черного и красного дерева, на которых были нанесены таинственные иероглифы. За набережной, до самой городской стены, лежала торговая площадь, расцвеченная яркими шелками навесов и шатров; над ними на шестах висели изящные фонарики и полотнища с изображением всех диковин мира: яшмовых статуэток и ваз, хрустальных кубков и драгоценных ожерелий из оникса, сердолика, бирюзы и нефрита, богатых одежд и непривычного оружия, музыкальных инструментов и мебели из слоновой кости, отделанной бронзой, пузырьков с магическими бальзамами и книжных свитков с древней премудростью, птиц, рыб и насекомых, чей вид ужасал или радовал глаз. На площади сей, кроме важных купцов в шляпах с колокольчиками, обосновались и лекари, и цирюльники, и предсказатели будущего, и разносчики еды и питья, и фокусники, и акробаты, а также множество моряков и разного городского люда, желавшего если не купить, так поглазеть. Но в толпе этой Конан не увидел ни солдат, ни жуликов, ни разбойных физиономий, которые обычны для любого порта в хайборийских землях. Стражники, правда, имелись - мускулистые, голые по пояс молодцы с бамбуковыми палками в руках и связкой метательных дисков при бедре.

Была тут стена за площадью, но не сложенная из тяжких камней либо кирпича, а возведенная из бамбуковых стволов, увитых ползучими растениями, цветы и листья которых источали приятный аромат. Такую стену строят не для обороны, а для приличия и красоты, дабы показать: вот - набережная и гавань с кораблями и лодками, вот - шумная площадь с навесами торговцев, а вот - город с жилищами, дворцами и храмами, где неуместны шум и суета. И не было при той стене ни грозных боевых башен, ни зубчатых парапетов, как в аквилонских и немедийских замках, а зияли в ней лишь два прохода, слева и справа, с западной и восточной стороны - без защитных врат, зато с фонариками и колокольцами, подвешенными на тонких цепочках и шелковых шнурках.

Изумленно раскрыв глаза, взирал Конан на все это великолепие, на оживленную площадь, на увитую зеленью стену, на купола зданий из резного дерева десяти пород, что высились за бамбуковым частоколом, и чувствовал себя как-то непривычно. Во-первых, был он на голову или две выше всех местных обитателей, напоминавших статуэтки из коричневого сандала; и во-вторых, был он весь увенчен оружием, а на площади, если не считать стражников, ни у кого не водилось и ножика длинней ладони. Ния, с ее ситаром, выглядела здесь куда уместнее.

Повернув к Конану лукавое лицико, она улыбнулась и сказала:

– Не удивляйся, господин! У нас в Уттаре говорят: кто не видел Прадешхана, не видел ничего. И радость жизни обошла его стороной!

Но сама Ния То Кама в Прадешхане раньше не бывала. Расспросив свою маленькую невольницу за время морского путешествия, Конан выяснил, что родилась она вблизи

западных уттарийских рубежей, с пяти лет обучалась в храме богини Лакшми, затем была украшена из святилища и продана в Иранистан, где весьма ценили юных танцовщиц и певиц из Уттары. Так что Прадешхан и Ние казался чудесной сказкой.

Протиснувшись сквозь толпу, они подошли к левому проходу в стене, над которым висели фонарики фиолетового и синего цветов. За ним тянулась улица, вымощенная деревянными плашками, с голубым балдахином, растянутым меж крышами домов; вдали играл и струился искусственный водопад, окруженный кустами шиповника с нежными розоватыми цветами.

Конан, очарованный, устремился вперед, но не успел он шагнуть на мостовую, как перед ним грохнули палки стражей. Эти молодцы, возникшие словно бы ниоткуда, вежливо кланялись и улыбались, но дубинки свои держали твердой рукой. Подбежал старший, в коническом бамбуковом шлеме с двумя колокольчиками по бокам, и что-то произнес, сопровождая слова плавными жестами. Киммериец взглянул на Нию.

— Чего надо этому парню с пучком соломы на голове? Мы должны платить за вход в город?

— Нет, мой господин. Он только хочет, чтобы ты оставил здесь свое оружие. Он говорит, что по улицам Прадешхана с мечами, секирами и копьями могут расхаживать лишь воины раджассы Оми Тана Арьяды.

— Скажи ему, что я тоже воин и не люблю расставаться с топором и клинком.

Ния заговорила на мелодичном уттарийском, в чем-то убеждая шлемоносца, но тот, приседая, кланяясь и побрякивая колокольцами, только с огорчением качал головой. Наконец девочка повернулась к Конану:

— Нельзя в город с оружием, никак нельзя. Прости, господин, но таков обычай в Прадешхане.

— Ладно! - махнув рукой, киммериец бросил к ногам стражей копье, отцепил ножны с мечом, кинжал, затем расстался с луком и колчаном, вытащил из-за пазухи пару метательных ножей покойного Саледа, а из сапога - еще один клинок, с кривым лезвием. На земле перед изумленными уттарийцами выросла груда оружия. Поверх нее Конан швырнул свой плащ и мешок; теперь, кроме подкольчужной безрукавки, штанов и секиры за спиной у него не оставалось ничего.

— Скажи парню с колокольчиками, пусть побережет мое добро, не то, клянусь Кромом, эти бубенцы сыграют ему погребальную песню. И еще скажи, что мы сперва пройдемся налегке по площади, а потом я оставлю у него свою секиру.

Когда Ния перевела, Конан взял ее за руку, повернулся и исчез в толпе вместе со своей невольницей. Он не желал расставаться с магическим топором, с другой же стороны ему хотелось осмотреть город, этот великолепный Прадешхан, куда не пускали вооруженных чужеземцев. Но в стене было два прохода! Не получилось у западного, попробуем у восточного, решил киммериец.

Они двинулись меж пестрых торговых рядом, и вдруг над ухом Конана раздался клекочущий голос Рана Риорды.

— Хорошо, что ты не оставил меня у этих приворотных стражей! Они, видно, не любят добрую сталь, если вооружились дурацкими палками!

Конан остановился и, отвернувшись от своей спутницы, едва слышно пробормотал:

— Ты что же, Рорта, понимаешь их речь?

— Разумеется! - заметил дух секиры не без самодовольства. - Я понимаю всякую речь,

что звучит от Западного океана до Восточного с сотворения мира!

– Ну, тогда будешь говорить мне, о чем щебечут эти малыши, - Конан оглядел толпившийся вокруг народ. - Ведь кроме меня, никто не услышит твоих слов.

– Не услышит, - подтвердил Рана Риорда.

– И первым делом скажи-ка мне, как нам всем проникнуть в город. Не хотелось бы расставаться с тобой, Рорта.

– Пустяковая задачка! У тебя есть деньги?

– Да, две монеты серебром.

– Ну, так купи мешок побольше и спрячь меня!

Необходимое вскоре сыпалось - у торговца музыкальными инструментами. С помощью Нии Конан приобрел длинный и широкий чехол, тут же упрятав в него и свой топор, и ситар своей невольницы. Хоть секира и была огромной величины, но ситар оказался все же подлиннее - его гриф высовывался из мешка на целую ладонь. Отличная маскировка, подумал Конан, приближаясь к восточному проходу. Над аркой его висели фонарики пурпурного и красного цветов, а тянувшая за проходом улица была прикрыта от солнечных лучей балдахином из алого шелка.

На сей раз их пропустили без всяких возражений, посчитав, видимо, бродячими музыкантами. Конан зашагал по улице, залитой розовым солнечным светом, профмультриванным через алый шелк, оглядываясь по сторонам и дивясь; Ния торопливо семенила за ним, то и дело давая пояснения. Уттарийцы, и мужчины, и женщины, носили длинные, до середины икр, одеяния, называемые сарангами; у людей простых они были белыми, синими либо красными, знатных же отличала особая нежность расцветки - персиковая, нефритовая, лазурная, палевая - и богатая вышивка по подолу и вокруг ворота. Простонародье щеголяло в шляпах кан'мо из золотистой соломки, знатные же прикрывали лица большими веерами и носили головные уборы из негнущегося шелка, украшенные колокольчиками - чем больше бубенцов их и чем роскошнее веер, тем человек знатнее. Ни лошадей либо ослов с повозками, ни паланкинов на улицах Прадешхана не было; жители передвигались пешком и в легких изящных креслицах на больших колесах, которые резво катили крепкие коренастые парни в одних набедренных повязках. Кресла сии и запряженные в них люди назывались, как сообщила Ния, рик'ша, и были единственным разрешенным в городе средством транспорта. Даже сама раджасса, прекрасная Оми Тана Арьяда, Благоухающая Ночная Лилия, отправлялась из дворца до городских стен в такой же рик'ша, и лишь за городом пересаживалась в коляску, запряженную лошадьми. И немудрено: улицы, вымощенные разцветными деревянными плашками, совсем не подходили для конских копыт.

Вскоре Конан и Ния добрались до центральной площади, где стоял дворец раджассы - воздушное сооружение из резного дерева, инкрустированного квадратными, круглыми и треугольными пластинками фаянса с росписями и иерогlyphами, символизирующими тысячу добрых пожеланий. В середине его высилась круглая и широкая башня под кровлей с изящно загнутыми вверх углами, с круговым же балконом и колоннами из сандала; ее окружали башенки поменьше, с узкими окнами, украшенными шелковыми полотнищами, что свисали с подоконников словно разноцветные язычки. Вокруг всего дворца шла терраса о шести ступенях, и на ней, лицом к площади, стоял некий важный сановник, сопровождаемый двенадцатью служителями в золотистых шелковых сарангах, и держал речь перед собравшейся толпой обитателей Прадешхана. Конан протолкался в первые ряды, желая поглязеть на княжий дворец; Ния следовала за ним по пятам.

— Это сан-па, — сказала она с благоговением, выслушав несколько фраз сановника. — Сан-па, который управляет Прадешханом.

— А я думал, что тут властвует раджасса, — сказал Конан.

— Да, властвует, но разве ее дело заботиться о порядке и законах, о податях и наказаниях, о торговле и кораблях, о городских улицах и гавани, и о тысяче других дел? — возразила девочка. — Раджасса только повелевает, устраивает праздники и награждает, а обо всем прочем заботится сан-па.

Конан с любопытством уставился на вельможу. Был он стар, с благородным лицом фарфоровой белизны и длинной узкой бородкой, что свешивалась до пояса; у полей его шляпы позывали два десятка серебряных колокольчиков, у пояса висел веер размером в полтора локтя. Плавные жесты и гладкая речь обличали опытного оратора, а глаза, еще не потерявшие молодого блеска, явно принадлежали человеку любознательному и чуждому высокомерия. Не прекращая говорить, сан-па взглянул на киммерийца, стоявшего шагах в двадцати от террасы, и в зрачках его промелькнуло удивление: вероятно, в Прадешхане мужчину такого роста и телосложения видели не часто.

Ния, порозовев, слушала сановника, и Конан, не желая ее отвлекать, хлопнул ладонью по мешку.

— Эй, Рорта! Ты что, уснул? О чем толкует этот старик?

— О неинтересном, — кратко и непонятно ответил дух.

— Кром! Тебе не интересно, ржавый топор, а я хотел бы послушать. Переводи!

— Состязание у них тут.

— Состязание? На мечах, копьях и секирах? Или стрельбы? Иди бьются врукопашную?

Или на конях?

— Ни славы тебе, ни крови мне здесь не заработать, потомок Гидаллы, — прохрипел призрак. — Это тао-ли-ма, состязание быстрых умов и золотых уст, как сказал седобородый. Словом, певцы-поэты будут перетягивать канат перед местной владычицей. Только и дела!

Услыхав, о чем идет речь, Конан потерял всякий интерес и к словам сан-па, и к нему самому. Он собирался двинуться дальше, но тут престарелый сановник, закончив говорить, быстро спустился по лестнице и, призываю размахивая веером, направился прямиком к нему.

— Чи че-ла? — тонким голосом произнес старец. — Уттарани, кхитани, вендани, иранистани, турани?

— Турани, — ответил Конан, и вельможа сразу перешел на туранский. Говорил он чисто и отчетливо, а серебряные колокольцы на шляпе позывали в тakt словам.

— Я вижу, ты из далеких краев, почтенный чужеземец.

— Из очень далеких, — подтвердил киммериец.

— И еще я вижу, что из твоего мешка выглядывает ситар. Мешок же твой весьма велик и увесист.

— У меня там два инструмента, — заметил Конан, — и каждый хороший на свой лад.

— О! Хвала Лакшми, я не ошибся! Ты, видно, отличный музыкант и поэт!

— На одном из своих инструментов я и в самом деле играю неплохо, — подтвердил Конан.

— Тогда ты непременно должен явиться вечером во дворец превосходнейшей нашей раджассы, светоча мира, и доказать свое искусство в состязании с придворным певцом Те Рангом и славным Сапхарой, поэтом из Камбуи.

— Нынче я не в голосе, — сказал Конан. — И утомлен тяготами долгого пути в ваш великолепный город.

– Но победителю в состязании положена награда, сын мой, - вкрадчиво произнес сан-па.

От награды киммериец не отказался бы - в карманах у него гулял ветер. Хмыкнув, он бросил взгляд на резные дворцовые башенки и спросил:

– А велика ли та награда, почтенный? И какова она?

– Разная, сын мой, разная. Одних раджасса оделяет золотом и красными рубинами, богатой одеждой, быстрыми лошадьми или домом с фруктовой рощей, других же... - старец помолчал, затем тонко усмехнулся: - Других же она удостаивает самых сокровенных милостей. Если ищущий их молод и хорош собой... вроде тебя... - он огладил длинную бородку и многозначительно протянул: - Мда... молод и хорош собой... и выглядит львом среди стада коз...

Конан почувствовал, как у бока его зашевелилась Ния, и, скосив глаза, посмотрел на лицо девочки. Похоже, намек на сокровенные милости раджассы ее не осчастливили.

– А скажи, отец мой, - произнес киммериец, - сама раджасса молода? И хороша ли собой? Есть ли там за что бренчать на ситаре?

– О! Нашей Благоухающей Ночной Лилии минуло двадцать весен, и она прекрасна, как нефритовый сосуд с цветком мака и двумя черными тюльпанами. Цветы эти - суть ее алые губы и сияющие глаза, а сосуд... ну, ты понимашь... все остальное.

Интерес Конана возрастал с каждым мгновением. Похоже, тут удалось бы заработать не только камни и звонкую монету, но и кое-что еще! Уже месяц - с тех пор, как был покинут Пунт - он не касался женщины; слишком долгое воздержание для исполина, полного сил молодости.

Запустив в густые волосы пятерню, Конан задумчиво поинтересовался:

– Скажи-ка, отец мой, нет ли в окрестностях вашего славного города дракона? Либо демона? Либо злобного чародея? Либо, на худой конец, заносчивых соседей, которым было бы не худо пустить кровь?

Старец отшатнулся, испуганно замахал веером:

– Что ты, чужеземец! Лакшми и Асура хранят нас от всякого зла! И к чему тебе демоны и драконы?

– Ну, я мог бы попытаться заслужить награду таким путем... сокровенные милости раджассы, я имею в виду...

– Лучше приходи и пой, - сказал сан-па. - Ни драконов, ни демонов у нас нет.

– Ладно, - согласился Конан. - Только петь я могу лишь на своем языке, и моей маленькой рабыне, - тут он подтолкнул вперед Ниу, - придется все переводить, и слова, и музыку. К счастью, она уттарийка, и обладает голосом звонким и приятным.

Старик покачал головой и колокольцы на его шляпе мелодично зазвенели.

– Переводить слова - это я понимаю, - вымолвил он. - Но музыку?

– У меня и слова, и музыка - киммерийские, - сообщил Конан. - И то, и другое нуждается в переводе, клянусь Кромом!

– Ну, что ж... В конце концов, главное - не музыка и слова, а мудрость, что содержится в них, - сказал старец, протягивая руку к одному из своих служителей. Тот не медля вложил в ладонь сан-па нечто увесистое, приятно позванивающее. - Приходи вечером во дворец, странник, но до того... - старик оглядел могучую фигуру Конана, облаченного в иранистанские шаровары и потертую кожаную безрукавку, - до того смени одежду и навести цирюльника. Без этого, боюсь, не видать тебе милостей раджассы, будь ты хоть три раза

победителем.

И он сунул Конану тяжелый кошелек. Киммериец с удивлением уставился на старика - в редких местах ему предлагали золото и серебро добровольно, без приставленного к горлу ножа. Наконец, справившись с изумлением, он поклонился.

- Скажи свое почтенное имя, чтобы я знал, кого благодарить, отец мой.

- Меня, ничтожного, зовут Вадрапала Те Ка Хонгай, что значит: Орел, Парящий над Горными Вершинами, - произнес сан-па. - А ты, славный странник? Как прозывают тебя?

- Конан из Киммерии, - ответствовал странник, думая, что для этого седого орла время полетов над горными вершинами давно миновало. Но имя дают человеку один раз и на всю жизнь, так что старый орел все равно остается орлом - даже когда сила его ушла, обратившись в мудрость и доброту.

- Я приду вечером, - сказал Конан и, снова поклонившись, широкими шагами направился к ближайшей улице, что вела на торговую площадь, к цирюльникам и продавцам дорогой одежды. Ния вприпрыжку бежала за ним, и лицо ее то хмурилось, то вдруг расцветало улыбкой - смотря потому, думала ли она о сокровенных милостях раджассы, коих мог удостоиться ее хозяин, или же о том, что ей предстоит выступать перед самой владычицей Прадешхана и ее вельможами. Но, говоря по правде, улыбка на лукавой рожице Нии То Камы появлялась чаще, чем грусть и тоска.

Великий Кром, одаривший Конана телесной мощью, отвагой, предприимчивостью и мужественной внешностью, повергающей в трепет женские сердца, не давал ему голос. То есть голос, конечно, у Конана был, но такой, каким пристало отдавать команды на поле брани и поносить врага, а не заливаться трелями в покоях владык, не распевать нежные серенады под тихий звон ситара. Но Конан пел - пел песни пиратов и наемников, ревел их в тавернах и на ристалищах, оглашал грозным рыком палубы разбойничих галер, выкрикивал вперемешку с руганью на десяти языках. От голоса его гнулись мачты, и боевые кони в ужасе оседали на задние ноги; ну, а если в кабаке было молодое вино, то оно скисало прямо в бочках.

Однако, ступив на кедровые доски лестницы, что вела во дворец прадешханской раджассы, где намечалось соревнование поэтов и певцов, он не был смущен. Он выглядел величественно и грозно - высокий синеглазый исполин в голубом роскошном саранге, расшитом серебряными драконами; какая женщина могла устоять перед ним? Он не сомневался, что ни Те Ранг, придворный певец, ни Сапхара, поэт из Кабуи, не споют лучше него тех песен, коими принято услаждать женщин в темноте спальни.

И потому, шагая по тиковому полу террасы, по сандаловому паркету ближних покоев, по звездчатым плашкам красного дерева, что устилали нижний зал, киммериец был спокоен и уверен в себе. Большой мешок с ситаром и секирой висел за его спиной, волосы были тщательно расчесаны и убранны под шелковую сеточку, и Ния, очаровательная в новом саранге цвета спелого абрикоса, с сияющими глазами следовала за ним по пятам. У лестницы, что вела из нижнего зала наверх, в чертог под куполом центральной дворцовой башни, их ждал

почтенный Вадрапала.

Старик с одобрением покосился на Нию, потом оглядел пышный наряд ее господина и произнес:

— Ты пришел сюда в пристойных одеждах, чужестранец.

— Твоими щедротами, отец мой, — поклонился Конан, ощущая приятную тяжесть кошелька, спрятанного в поясе.

— Не стоит вспоминать о таком маленьком одолжении. Мое сердце радуется, что ты пришел сюда в красивом саранге и пришел не один — затем, чтобы поделиться мудростью запада, обогатившись заодно мудростью востока. Это великое счастье, сын мой! Ибо самое драгоценное в нас — душа, а что, кроме умной беседы и состязания мудрых и искусных, может взвеселить ее?

Многие вещи, подумал Конан. Вино, девушки и глотка врага под твоим клинком... А также — сокровенные милости раджассы, Благоухающей Ночной Лилии... Но все эти удовольствия вряд ли были доступны старцу Вадрапале, который продолжал свою речь:

— У нас говорят так, сын мой: если ты думаешь, что имеешь близких, ты ошибаешься; если ты думаешь, что владеешь богатством, ты вновь ошибаешься; у тебя есть только твоя душа... Прими же сию мудрость, странник, в дар от меня, и поделись каким-нибудь речением своего народа.

Конан усмехнулся. Нечто подобное насчет богатства и близких говорил ему в детстве отец, киммерийский оружейник, но там речь шла не о душе.

— У нас, в северных землях, говорят так: если ты думаешь, что имеешь семью, богатство, бога и душу, ты ошибаешься; у тебя есть только твой меч.

— Жестокие слова, — произнес Вадрапала, — жестокие, но — увы! — справедливые. Просто для одних меч и душа — нечто единое, а для других единое — душа и книга, душа и ситар, душа и корабль, бороздящий океанские просторы.

— Каждый из нас выбирает свои пути в жизни, почтенный сан-па.

— Воистину так, сын мой, воистину так. Нет двух одинаковых камешков на морском берегу, нет двух одинаковых листьев в древесной кроне и нет двух одинаковых людей в толпе. Все различны, милостью могучего Асуры и любвеобильной Лакши...

Так, в мудрой беседе, они одолели лестницу и вошли в верхний зал под куполом, озаренный множеством светильников. Была эта комната просторной, круглой, убранной тяжелыми кхитайскими шелками и легкими газовыми тканями Вендии. Пол устилали ковры, посередине стоял низкий, но массивный стол из железного дерева, со столешницей, искусно выложеной по краям перламутром. По одну сторону стола имелось небольшое возвышение о пяти ступеньках, тоже покрытое ковром небесного цвета, на котором лежала плоская подушка и стояла ширма. По другую сторону стола, у стен покоя, сидели, скрестив ноги, придворные в богатых сарангах. На плечах женщинискрились шарфы из тончайшего шелка, руки мужчин мерно раскачивали веера. У широких проемов, что вели на балкон, курились ароматным дымком жаровни, распространяя приятный запах сандала.

Певцы располагались у стола, и было их двое. Теперь понятно, решил Конан, почему сан-па так настойчиво приглашал чужеземца — нужен был третий. Что за состязание вдвоем? Втроем совсем другое дело.

Придворный поэт Те Ранг был мужчиной средних лет, довольно хилым даже по уттарийским меркам, с козлиной бородкой и слегка кривоватыми ногами. Он облачился в одеяние цвета слоновой кости, подпоясанное алым поясом. Руки Козлобородого были тонки,

но ситар он держал уверенно и выглядел достойным соперником - если не на поле боя, то на этом певческом состязании.

Сапхара из Камбуи, молодой человек с бледным и печальным лицом, казался отрешенным от всего земного. Похоже, его терзало некое тайное желание, не дававшее покоя; его длинные тонкие пальцы беспрерывно гладили ситар, в глазах застыла неизбывная тоска.

Впрочем, он тут же оживился, когда властительная раджасса возникла из-за ширмы. Говоря начистоту, он буквально пожирал ее глазами, и Конан, ведавший немало о человеческих страстиах, понял, из-за чего печальный Сапхара пустился в путь из Камбуи в Прадешхан.

И в самом деле, раджасса была прелестна! Губы - алый мак, глаза - черные тюльпаны, щеки - розовые лепестки шиповника, шея - нежней белой лилии. Все, как обещал старый Вадрапала! И надо сказать, он не преувеличил.

Конан, уже сидевший на своем месте у стола, мельком посмотрел на свою юную невольницу, устроившуюся рядом с ситаром на коленях. Она тоже не могла отвести глаз от Оми Тана Арьяды, и читались в ее взоре не ревность, не зависть, но восторг и откровенное благоговение. Да, прадешханская владычица умела покорять сердца!

Она села на подушку, скрестив ноги, и Конан непроизвольно слегка сплюнул слюну. Саранг молодой раджассы имел разрезы по бокам, и теперь все могли любоваться великолепием ее бедер, и стройных голеней, и круглых колен, и тонких изящных лодыжек. Груди же ее, туманно просвечивающие под легкой тканью, были небольшими, но упругими и совершенной формы - два золотистых плода, прикрытых кисеей. Стан раджассы напоминал пальму, плечи казались изваянными из хрупкого солнечного нефрита, гибкие руки манили сладостью объятий, а живот был словно жемчужная раковина. Да, ради такой жженщины стоило скрестить мечи на арене, а уж спеть песню-другую - тем более!

Глаза Оми Тана Арьяды нашли зрачки Конана, слегка расширились и больше не отрывались от них. Внезапно киммерийцу почудилось, что он уже победил, хотя состязание еще не началось. Негромкий голос Вадрапалы напомнил ему об этом. Из почтения к гостю сан-па произнес речь сперва на туранском, затем с губ его полились мелодичные звуки уттарийского.

Условия тао-ли-ма были просты: раджасса объявила тему, поэты импровизировали и пели, подыгрывая на ситарах; победитель отмечался золотым кольцом. Так шло круг за кругом, причем соревнующиеся по своему усмотрению могли и пропустить один из кругов, теряя при этом шанс заработать кольцо. Завершался же поэтический турнир состязанием на мощь голосов - каждому певцу предлагалось расколоть фарфоровую вазу, на прикасаясь к ней руками или иной частью тела.

Козлобородый и Печальный сидели в полной боевой готовности с ситарами в руках. Конан, дослушав речь Вадрапалы, взял у своей невольницы инструмент и тоже пристроил его на колене. Его пальцы стиснули гриф с такой силой, что тот, казалось, сейчас треснет; синие глаза не отрывались от прелестных очей раджассы. Играть на ситаре он, разумеется, не умел, но видел не раз, как это делает Ния и полагал, что сумеет ущипнуть нужную струну в нужном месте.

Внезапно раджасса заговорила. Ах, какой у нее был голос! Музыка сфер! Трель соловья на рассвете! Заслушавшись, Конан склонил голову и не сразу сообразил, что Оми Тана Арьяда обращается к нему.

— Интересуется насчет меня, - прошелестел у него над ухом Рана Риорда.

Дальнейшие уточнения - на туранском - последовали от старца Вадрапалы. Раджасса спрашивала, почему северный гость не достает из мешка второй инструмент.

- В мешке мой собственный ситар, вещь великой ценности, - ответствовал Конан. - Но я сыграю и на нем, если эти шесть струн и пара деревяшек не принесут мне победы, - он хлопнул ладонью по гулкому корпусу инструмента, лежавшего на его коленях.

Выслушав перевод и милостиво кивнув, раджасса объявила условия первого круга. Поэтам предлагалось спеть о себе - лучшая из тем, какую только могли представить искусники струны и слова. Первым, под негромкий рокот ситара, начал Те Ранг:

- Я не рожден для поля битвы, - протяжным и приятным голосом пропел он, и киммериец, прислушиваясь к хриплому шепоту своего незримого переводчика, иронически ухмыльнулся. Не рожден, это точно, мелькнуло у него в голове, пока глаза изучали щуплую фигуру Козлобородого.

Я не рожден для поля битвы,
Для струн ситара я рожден,
И череда аккордов слитных
Звучит под пальцами как стон...

Те Ранг закончил и поклонился раджассе. Печальный Сапхара вступил без промедления; его мелодия показалась Конану более живой, голос же был звонким и молодым:

Я - гончий пес,
Пока я жив,
Все мчусь куда-то,
Куда, скажи?
Я - сокол быстрый,
Кружусь над полем,
Ищу чего-то,
Чего, скажи?

В этом месте Сапхара выразительно посмотрел на раджассу, но все было ясно без слов. Конан вновь усмехнулся. Нет, этому соколу не долететь до прекрасной луны!

Оми Тана Арьяда осталась, тем не менее, довольной. Когда гость с севера помахал рукой - в знак того, что пропускает первый круг - она без колебаний вручила кольцо Сапхаре. Придворные, сидевшие у стен, сопроводили это решение одобрительным гулом.

Следующая тема касалась божественных предметов - обращение к богам, молитва, в которой говорилось бы о бренности земного, о тщете сущего, о печалих мира. Выслушав славословия, расточаемые Те Рангом великому Асуре, и песнь камбуйца, где через слово упоминались несчастная любовь, разбитое сердце и благая владычица Лакши, Конан решил вступить в игру. С божественным у него не было проблем, ибо каждый мальчишка в Киммерии знал вполне подходящую на сей счет детскую песенку:

Над горами грянул гром,
Значит, гневается Кром!
Печень вырежу врагу,
Есть не стану, сберегу,
И в заснеженном лесу
Крому в жертву принесу!

Конан и отбарабанил ее под грозный рокот басовой струны, повергнув присутствующих в изумление - если не красотой своего голоса, то его мощью. Затем ситар взяла Ния То Кама.

Грубый язык киммерийцев был ей неведом, и она понятия не имела, о чем пел хозяин. Но стоило ли сожалеть об этом? Со своей задачей она справилась блестяще:

Открой мне дверь, чтоб я узрел
Печальный мир, что я оставил,
Теперь лишь капель редких стая
Падет в мои следы...

Вот вижу я и видишь ты -
Ловушек ряд из бренной плоти,
Для душ, сломившихся в полете,
И кладбище - для тел...

Когда она закончила, в зале на мгновенье воцарилась потрясенная тишина, сменившаяся тихим шелестом - придворные дамы вытирали шарфами очи, мужчины похлопывали сложенными веерами о ладонь, что служило высшим знаком одобрения. Алые свежие губы раждассы послали Конану улыбку - разумеется, вместе с кольцом. Он смог натянуть его лишь на мизинец - кольца в Уттаре отливались явно не по его размеру.

Следующий круг, где воспевалось благоухание розы и нежный аромат жасмина, киммериец пропустил, отдав победу Те Рангу. Счет сделался равным; все претенденты шли ноздря в ноздрю, и пока никто не имел преимущества. Раджасса, посматривая на могучего гостя с севера, предложила следующую тему - гимн в честь благородного оружия, не покидающего воина даже в смерти. Тут Конан припомнил еще одну детскую песенку, киммерийскую считалку, в которой говорилось о топоре. Начало ее выглядело примерно так:

Руби, руби пиктов, мой топор,
Руби, руби ванов, мой топор,
Руби, руби асов, мой топор,
Пускай кровь гиперборейцам!

Перечень этот можно было продолжать до бесконечности, так как киммерийцы враждовали и с Аквилонией, и с Немедией, и с Бритунией и со многими другими странами. Говоря по-правде, эти свирепые северные варвары рубили всех, до кого могли дотянуться мечом или топором. Но Конан ограничился лишь пиктами, ванами, асами и гиперборейцами, иначе Ние пришлось бы сочинять целую поэму.

Он проревел свою песню, выбивая ритм на гулкой деке ситара. Казалось, и придворных, и соперников киммерийца сейчас хватит удар - они и представить не могли, что благородный инструмент можно использовать вместо боевого барабана. Но тут за дело взялась Ния:

Могильный холм зарос травой,
Над ним хмельной гуляет ветер,
И меч бойца, тяжел и светел,
Спит с ним в постели луговой...

Она вновь добилась победы! С раскрасневшимся от возбуждения лицом девочка гордо взирала на Конана, чей мизинец украшали уже два золотых ободка. Но через пару кругов счет опять сравнялся, ибо Конан участия в них не принимал. Оми Тана Арьяда, с надеждой поглядывая на него, предложила вначале воспеть женскую красоту, а затем - прелести возлюбленной и счастье разделенной любви. Намек был вполне ясен, но Конан промолчал. Киммерийские барды не складывали любовных песен, а скабрезные куплеты аргосцев либо шемитов пристало исполнять в кабаках, но никак не в княжеском дворце.

Молодая раджасса, взгрустнув, объявила песнь о печали. Конан хотел пропустить и этот

круг, поскольку киммерийский воин печалился лишь тогда, когда враг удирал от него, унося в целости свою печень и свой кошелек. Однако Ния взмолилась:

— Дозволь спеть мне о печали, господин! У меня сложились прекрасные стихи...

Не в силах отказать своей маленькой невольнице, киммериец кивнул головой и, пощипывая самую тонкую струну ситара, поведал собравшимся о пастушке, потерявшем козленка. Вот он возвращается домой, сдерживая слезы - ибо не пристало мужчине плакать! - готовый к жестокой порке и насмешкам приятелей... Очень трогательная история!

Но песня Нии была еще грустнее:

Я сошью свою печаль светлым,
Повяжу ей за спиной крылья,
Пусть летит она степным ветром,
И развеется шальной пылью...

Тонкий голосок девочки звенел под куполом зала, и придворные дамы опять вытирали глаза кончиками шелковых шарфов, а мужчины одобрительно шуршали веерами. Старец Вадрапала задумчиво поглаживал свою длинную седую бородку, не то с печалью вспоминая дни молодости, не то предаваясь размышлениям о Серых Равнинах, куда ему предстояло отправиться в недалеком будущем. Мысли эти, видимо, совсем его огорчили, и когда Ния закончила, старик решил поднять настроение гостей. Тут имелось лишь одно средство, древнее, как мир: старик махнул веером слугам, и те засновали по залу с кувшинами вина.

Конан велел поставить рядом с собой вместительный сосуд и, пока его содержимое не иссякло, в соревновании участия не принимал, невзирая на умоляющие взгляды Нии и сердито-поощрительные - Оми Тана Арьяды. В результате к последнему, двенадцатому кругу у него было три кольца, а у Козлобородого Те Ранга и Печального Сапхары - по четыре.

Раджасса, подняв к потолку прекрасные черные глаза, объявила последнюю тему. Как доложил своим клекочущим шепотом Рана Риорда, речь шла о вечной тайне времени, об устремлениях человеческой души, жаждущей познать бесконечное, и тому подобных философских материях. Дух секиры был отнюдь не лучшим из переводчиков, и Конан так и не разобрался до конца в речах раджассы, но Ния все поняла отлично. Когда он кончил барабанить по многострадальному ситару, воспевая Крома, Владыку Могильных Курганов - и, следовательно, повелителя времени и вечности (ибо что может быть более вечным, чем смерть?) - Ния коснулась струн и пропела так:

Куда спешим мы?

Вот вопрос!

И всяк хотел бы знать ответы,

Но пусть останется секретом

Миг следующий - и, может быть,

Не раз судьбу благодарить

Потом придется нам за это.

А может нет...

Мы станем хуже,

А может, лучше станем мы,

Но полог, сотканный из тьмы,

Срывать рукою неуклюжей

Не стоит нам пока, поверь.

Чтоб отпереть такую дверь,

Хитрее ключик будет нужен.

И там, где сила справится едва ль,
Наверно, больше подойдут слова?

— Чен кха ватара! - вскричали восхищенные придворные.

— Чен кха ватара, - повторил старый сан-па.

— Чен кха ватара, - согласилась прекрасная раджасса, и это значило: превосходно!

Конан стал на одно кольцо богаче. Теперь все решалось в состязании на силу голосов.

По знаку Вадрапалы слуга в золотистом сарандже водрузил на стол кхитайский фарфоровый сосуд. Стенки его были столь тонки, что просвечивали насквозь; в ярком пламени десятков светильников они походили на девичью кожу, слегка розовеющую румянцем. На столешнице из массивного железного дерева эта ваза смотрелась хрупким волшебным стебельком, возросшим из черной блестящей почвы.

Те Ранг, подыграв на ситаре, затянул:

— Ааа... ааа... ааа...

Сосуд дрогнул, трещина разорвала горлышко, зазмеилась к основанию; еще миг, и белоснежная ваза рухнула на стол грудой обломков. Придворные сдержанно зашелестели веерами - похоже, такое зрелище было им не в диковинку.

На столе появилась новая ваза.

— Иии... иии... иии... - голос Сапхары на высокой ноте воспарил вверх, и поверхность сосуда словно окутала паутина трещин.

— Иии... иии... иии... - пел камбуйский поэт. Фарфоровые черепки зашуршали, мелкие осколки начали скользить от горлышка сосуда вниз, к основанию, складываясь ровным кольцом. На сей раз одобрительный гул оказался громче - Сапхара продемонстрировал высокое искусство, разрушив вазу не единым вскриком, а медленно, по частям.

Третий сосуд возник на столе.

— Слишком уж он для меня хрупок, - с сомнением сказал Конан. - Не найдется ли чего потолще и потяжелее?

— Найдется, - заверил его Вадрапала. - Но боги не любят торопливости... во всяком случае, наши уттарийские боги. Совладай вначале с этим противником, сын мой.

Конан усмехнулся. Пожалуй, за весь вечер это было единственное состязание, которое он мог выиграть сам, без помощи Нии То Камы, ее серебряного голоска и поэтического дара. Не слишком напрягаясь, онрыкнул:

— Ооо!

Раздался звон, сосуд осыпался на темную столешницу белой пылью, словно его раздробили ударом молота. На ситаре Те Ранга лопнула струна - правда, самая тончайшая.

— Кром! Я же говорил, что этот горшок не стоит возни, - Конан, пожав плечами, улыбнулся раджассе. - Пусть принесут что-нибудь попрочнее, со стенкой в палец толщиной... Вот тогда начнется состязание мужчин!

Старец Вадрапала с удивлением покачал головой, затем взмахнул веером, и на столе очутилась новая ваза. Была она в два локтя высотой и очертаниями напоминала женские бедра от колен до талии - бока ее столь же соблазнительно изгибались и были белы, как снега ванахеймских равнин. Эта ваза не просвечивала; ее стенки оставались блестящими и непроницаемыми для огней светильников, как бронзовый щит. Оглядев ее, козлобородый Те Ранг воскликнул:

— Кто совладает с сосудом такой величины?! Во всяком случае, не я; тут можно лишь

сорвать голос либо пустить с натуги ветры, оскорбив благородное собрание.

— Я все же попробую, — тихо сказал Сапхара и начал: — Иии... иии... иии... ууу-уй! — он повалился на спину, дрыгнув в воздухе ногами.

— Кому суждено пить пиво, не должен тянуться к вину, — наставительно сказал Конан, приподнимаясь. Он глубоко вздохнул, с силой стиснул огромные кулаки и взревел: — Крооооо-ммм!

Кроммм! — отозвалась ваза, разваливаясь на куски.

Дзинь! — жалобно простонали струны трех ситаров, лопаясь одна за другой.

Тили-бом! Тили-бом! — пожаловались колокольцы на шляпах.

Шипш... — прошуршало шелковое полотнище, сваливаясь с порвавшегося шнура.

Вдобавок погасла половина светильников и курильниц.

Когда слуги восстановили порядок, Вадрапала, с изумлением поглядывая на Конана, сказал:

— Воистину, почтенный гость, боги одарили тебя не только редкой мудростью и поэтическим талантом, но и голосом невероятной мощи! Если и все остальное ему под стать...

— Можешь не сомневаться, — прервал его Конан, не спуская глаз с молодой раджассы. Вероятно, она понимала по-турански, потому что лицо ее тут же залилось румянцем.

— Если с детскими забавами покончено, — сказал киммериец, — то не принесут ли слуги сосуд для вина? Не кувшин, а большой глиняный горшок, в котором вино хранится в подвалах? Если вы понимаете, о чем идет речь...

Вадрапала кивнул. Вскоре три служители, пыхтя и задыхаясь, доставили горшок — толстостенный, величиной в рост человека, из красной обожженной глины. Весил он не меньше пары упитанных баранов.

Взглянув на это чудище, Сапхара в отчаянии закрыл лицо руками, а Те Ранг лишь вздохнул и, достав из пояса клок ваты, принялся затыкать уши. Раджасса же и ее придворные взирали на Конана с почтительным изумлением.

Старый сан-па приблизился к столу и оглядел горшок. Теперь наблюдалось полное соответствие между расположенным снизу и находившимся сверху: и столешница, и огромный сосуд выглядели одинаково массивными, прочными, несокрушимыми.

— Неужели ты расколешь его? — Вадрапала покачал головой. — Клянусь милостью Асурьи, подобное не в человеческих силах!

— Расколю, — заверил старца Конан. — Но теперь мне придется подыграть на своем собственном ситаре... на всех остальных, как видишь, струны лопнули.

Он наклонился и вытащил из мешка секиру. Серебристое лезвие засияло половинкой луны, заискрилось яркими отблесками; четырехгранный наконечник пронзил клубы ароматного дыма, которым тянуло с жаровен. Здесь, в этом зале, среди шелковых полотнищ и ковров, ярких одежд и фаянсовых чаш с вином, среди резных колонн, сладковычных ситаров, светильников в форме хризантемы и изящных курильниц, среди всего этого великолепия и красоты Рана Риорда выглядела чем-то чужеродным, непостижимым и угрожающим. Да, она тоже была красива — но грозной и смертоносной красотой.

Раджасса вскрикнула, когда стальное лезвие врезалось в толстые глиняные стенки горшка, рассекло их, разбило прочную столешницу, ударило в пол. Но испуг ее был мимолетным и миновал без следа. Оми Тана Арьяда, владычица Прадешхана, поднялась, протянула Конану руку, золотистую, как плод персика, гибкую, как ветвь ивы, и сказала:

– Но зита! Ис но кама селлира.
На сей раз перевод не требовался, ибо киммериец понял все:
– Ты победил! И ты пойдешь со мной.

На следующий день, в полдень, Конан стоял у парапета прадешханской набережной, внимательно осматривая сгрудившиеся в гавани суда. Лук, колчан и походный мешок со свернутым плащом вновь висели за его плечами, у пояса топорчились рукояти кинжала и меча, метательные ножи уютно устроились за пазухой, в руках киммерийца сверкала огромная секира.

– Жаль, что ты торопишься, почтенный гость, - сказал провожавший его Вадрапала. - Жаль... Вскоре вести о тебе разнесутся по всем городам Уттары и Камбуи, достигнут островов Лемурийского моря... И ото всюду станут приходить поэты и певцы, жаждущие состязания с тобой... А тебя в Прадешхане не будет.

– Я оставляю здесь свою невольницу, Цветок, Который Распускается в Полнолунье, - сказал Конан. - Она меня заменит, мудрейший сан-па. Клянусь бородой Крома, она поет и играет на ситаре ничем не хуже, чем я.

– Да, замечательная девушка, - согласился Вадрапала, звякнув подвешенными на шляпе колокольцами. - Но она, мне кажется, сильно горевала, расставаясь с тобой.

– Ничего. Как говорят на моей родине, слезы девушек высыхают быстрее, чем утренняя роса... - Конан протянул руку и почтительно коснулся бороды старца. - Я прошу, отец мой, чтобы Ния То Кама жила во дворце в неге и холе и пела свои песни властительной раджассе... и когда она войдет в должный возраст, пусть отдадут ее за хорошего человека, не неволя, но по ее желанию и выбору.

– Все будет исполнено в точности, - кивнул головой старик. - Все, кроме последнего. Боюсь, сын мой, что эта девочка влюблена в тебя.

– Я не скоро попаду в ваши края, - сказал Конан. Он наконец-то разглядел нужный корабль, небольшое купеческое судно с резными деревянными украшениями на носу и корме - двумя дельфинами, изогнувшимися дугой. Гребцов на этой ладье не было и, судя по оснастке, ходила она под треугольными парусами. Конан почти не сомневался, что паруса те - желтого цвета, как и предсказывал Рана Риорда.

– Быть может, когда-нибудь и попадешь, - произнес старый Вадрапала.

– Быть может. Надеюсь, к тому времени у Нии То Камы будет пятеро сыновей, и все великие певцы, - усмехнулся киммериец и склонил голову. - Ну, прощай, мудрейший, и пусть будут к тебе милостивы Асур и Лакшми. Пусть пошлют они тебе долгую жизнь и легкую смерть.

– Погоди... - старик бросил на киммерийца нерешительный взгляд. - Погоди... Есть еще нечто, что велела передать тебе властительная раджасса... Нечто важное, сын мой...

– Да? - Воспоминания о сладостной ночи захлестнули Конана, и теперь он едва ли не с сожалением следил, как на выбранном им корабле начинают разворачивать паруса. Они оказались желтыми, а это означало, что стоит поторопиться.

— Пробудившись от сна, властительная раджасса велела принести в зал состязаний новый стол железного дерева и новый глиняный горшок для вина, - произнес Вадрапала. - Она долго глядела на них, а потом сказала, что будет ждать... будет ждать, когда ты придешь, сын мой, и разрубишь их своим огромным топором.

Я служу Сету Величайшему, как должно служить

Тому, Кто был, есть и пребудет в вечности. Сет дал мне силу; я - жрец в храме Его, и мощь моя сотрет в прах всякого, кто оскорбит Величайшего

Бога или откажется почитать Его. Сет укрепляет душу мою и руку мою; Сет дарует мне власть над демонами и людьми, над мертвыми и живыми; через меня Сет проявляет всю силу своего гнева.

Воистину, я - сосуд Его, готовый извергнуть на врагов пламя и яд!

Молитва стигийского жреца

Глава 11. Плен Рана Риорды

— Дивный и страшный предмет попал к нам в руки, — сказал Хор-Анабас, главный жрец Сета в святилище Луксура. — Столь дивный и страшный, что мир не видал подобного за три тысячелетия, минувшие с времен Великой Катастрофы.

Он покачал гладко обритой головой, всматриваясь в лезвие огромной секиры, лежавшей на кубическом алтаре из черного мрамора. По всему периметру алтарной поверхности слабо светились иероглифы охранительных заклинаний, сжимая топор нерушимой магической стеной. Собеседники Хор-Анабаса, древний и тощий Нем-Эхатон, хранитель Города Мертвых Птейона, и Рамесис-Пта из Кеми, тоже не отрывали пристальных взглядов от оружия, блиставшего на темном алтаре. Рамесис-Пта, в отличие от старца Нем-Эхатона и Хор-Анабаса, выглядевшего человеком зрелых лет, был молод, но уже прославился как один из самых одаренных стигийских магов. Все три жреца являлись членами Коллегии, правившей Черным Кругом — а заодно и всей Стигией — на протяжении многих столетий.

Над головами мужчин, облаченных в просторные темные одежды, смыкались своды небольшой камеры, упрятанной в самом сердце подземного храма Сета. Во всем Луксуре нельзя было найти более скрытного и надежного места, столь подходящего для их целей; здесь, в этот темнице, озаряемой слыбым сиянием магических огней, незримо присутствовал сам Величайший, и мысль об этом придавала жрецам уверенности.

— Я чувствую мощь, истекающую от него, — прошамкал старец Нем-Эхатон, вытянув к топору ладони. — Но эта сила — не от нашего Господина... и Ариман, Асур, Мардук, Нергал здесь ни при чем... как и Митра, да будет проклято его имя!

— Разумеется, почтенный Нем-Эхатон, разумеется! Источник силы Э т о г о, — Хор-Анабас кивнул на сверкающее лезвие секиры, — гораздо более древний. Не удивлюсь, если Э т о сотворили еще до гибели западных островов и с помощью... гмм... — он замялся.

— Тех, Кого Не Называют? — блеснул глазами Рамесис-Пта. — Древних Богов?

— Шшш, достойнейший... Не будем вспоминать о Них всуе... — прошипел владыка луксурского храма, подумав про себя, что жрец из Кеми слишком уж юн и слишком самоуверен. К чему открыто поминать Древних? Да еще там, где властвует Великий Змей? Боги ревнивы...

Но молодого жреца это, казалось, не смущало.

— Ты говорил о силе, — черные зрачки Рамесиса не отрывались от предмета, лежавшего на алтаре. — Сколько она велика? Равна ли нашей либо меньше ее?

— Сколько велика? — Хор-Анабас насмешливо прищурился. — Не советую тебе искушать богов, вступив с Э т и м в магический поединок, брат мой! И я не смог бы совладать с Н и м... да, не смог бы, если бы не призвал нашего Господина! Он дал мне силы погрузить Э т о в сон... не совсем в сон — скорее, в дрему, чтобы мы могли побеседовать с Н и м, расспросить...

— Допросить, — уточнил молодой жрец, предпочитавший точные формулировки. — И демон будет допрошен со всей строгостью, раз уж Коллегия поручила нам решение его судьбы. Но сначала скажи, мудрейший Хор-Анабас, как эта вещь попала к нам?

Глава луксурского храма пожал плечами.

— Топор захватили у шемитов, во время последнего набега на Эрук. Наши отряды взяли тогда много рабов, много зерна и скота, а заодно разрушили один из арсеналов. Там, среди груды старого оружия, и нашли Э то... Солдаты поразились: в куче лежали битые щиты и доспехи, ржавые выщербленные клинки и среди них - топор. Блестящий, выкованный словно вчера! Вызвали командира, и тот, человек опытный, поступил как должно - велел уложить секиру в сундук, спел над ним заклятья, отводящие беду, и доставил в Луксур. Но по дороге... - Хор-Анабас замялся.

— Что случилось по дороге? - требовательно спросил Рамесис.

— Сундук несли четверо, и был он не слишком тяжел для плеч крепких воинов. Однако они поскользнулись, и двое были задавлены. Тогда Мерита, военачальник, распорядился погрузить сундук на колесницу и вести лошадей под узцы.

Старый Нем-Эхатон откашлялся.

— Хотелось бы мне знать, как этот топор попал к шемитам, и что они с ним делали.

— Как попал, о том мы никогда не проведаем, - сказал Хор-Анабас. - А вот что делали...

Я полагаю, попытались использовать по назначению и устрашились, познав его темную силу. Устрашившись же, призвали своих магов... но разве шемитские чародеи могут сравниться с нами, слугами Сета, величайшего среди богов! - жрец почтительно склонил голову. - Итак, я думаю, что шемитские недоучки тоже перепугались, и тогда опасный талисман засунули подальше и постарались забыть о нем.

— Вероятно, ты прав, - произнес Нем-Эхатон, и Рамесис кивнул в знак согласия. - Ну, братья мои, приступим?

Тroe жрецов переглянулись. Несмотря на всю свою мощь, на силу темного божества, бывшего над ними господином, они посматривали на алтарь с явной опаской - даже молодой и самоуверенный Рамесис-Пта. Каждый из них знал, что с предметами, в коих заключена частица Древних Владык Мира, либо демонов стихий, их потомков, не шутят. Сет, правда, был не менее могуч. Но захочет ли он защитить своих верных слуг?

Наконец Хор-Анабас прервал затянувшееся молчание, сказав:

— Мы призовем Повелителя Ночи. как я сделал прежде. Пусть он поможет нам, придаст мощь защитным заклятьям! Тогда, братья мои, мы можем не опасаться древнего демона.

Он простер руки к алтарю, и два остальных мага повторили этот жест. Затем под сумрачными сводами подземелья зазвучала молитва:

— Я служу Сету Величайшему, как должно служить Тому, Кто был, есть и пребудет в вечности. Сет дал мне силу; я - жрец в храме Его, и мощь моя сотрет в прах всякого, кто оскорбит Величайшего Бога или откажется почитать Его. Сет укрепляет душу мою и руку мою; Сет дарует мне власть над демонами и людьми, над мертвыми и живыми; через меня Сет проявляет всю силу своего гнева. Воистину, я - сосуд Его, готовый извергнуть на врагов пламя и яд!

Голоса жрецов звучали в унисон, руки плавно изгибались, творя магические пассы; наконец в камере раздался гулкий протяжный звук, прохожий на удар огромного молота по наковальне, и иероглифы по краям алтаря вспыхнули и засияли мертвенным светом. Вокруг же черного мраморного куба стало формироваться неясное кольцевое облако. Временами оноказалось туловищем гигантской змеи, плотно прильнувшей к камню; шевелились кольца

огромного тела, посверкивали багровым глаза, раскрывалась бездонная пасть... Но в следующий миг очертания теряли четкость, меркли, расплывались, обманывая глаз, устрашая чувства кошмарными видениями. Бог Вечной Ночи, почитаемый в облике Змея, сам был как ночь - столь же загадочным, непознаваемым, мрачным, владеющим силами мрака и тьмы.

- Он пришел... - с благоговением произнес глава луксурских жрецов.
- Он пришел, чтобы поддержать и защитить нас, - откликнулся жрец из Птейона.
- Он обвился вокруг алтаря тройным кольцом, - многозначительно добавил маг из Кеми, чьи молодые глаза отлично видели в полумраке.

- Знак высшей опасности! - воскликнул Хор-Анабас.

- И все же мы должны... - начал Нем-Эхатон.

- Должны, - кивнул Рамесис-Пта.

- Тогда начнем, братья! - Хор-Анабис, отступив к стене, повелительно простер длань к алтарю. Нем-Эхатон и Рамесис-Пта встали слева и справа от него и, колыхнув свои черные одеяния, тоже подняли руки.

Секира медленно всплыла над алтарем, повернулась, утвердив пяту топорища на мраморной поверхности; ее лезвие угрожающе глядело на замерших у стены магов. Вдруг по стальному полумесяцу метнулся алый сполох, и призрачная фигура возникла в воздухе - нечто сходное с человеком, зыбкое и серебристо мерцающее, облаченное в мглистый плащ. Край капюшона затенял лицо этого существа, но жрецы могли разглядеть, что глаза его закрыты.

Внезапно призрак качнулся, словно желал сойти с алтаря, и лезвие секиры нависло над охранными иероглифами. Хор-Анабас, со свистом втянув воздух, резко вывернулся ладони. Оба его помощника сделали то же самое, пытаясь удержать защитную магическую стену. Лица их покрылись потом и заблестели в полумраке, дыхание стало учащенным, словно каждый поднимал тяжкий груз. Кольца гигантской змеи, обнимавшей алтарь, зашевелились, узоры по его краю вновь вспыхнули синим пламенем. Топор и призрачная фигура отпрянули - как почудилось жрецам, с трепетом разочарования.

- Мы удержали его! - торжествующе воскликнул молодой Рамесис.

- С помощью нашего Владыки, - добавил Хор-Анабас.

- Да вольет Он в нас свою силу! - провозгласил Нем-Эхатон. - Кто будет спрашивать, братья? - тут же поинтересовался старый жрец, отдуваясь и вытирая пот со лба.

- Ты, - сказал Хор-Анабас. - Ты - старейший среди нас троих и привык в своем Птейоне беседовать с духами.

- Не возражаю. - Сухо кивнув, птейонский жрец уставился на призрачную фигуру, внутри которой, на уровне груди, поблескивало лезвие топора. - Ты - кто? - неожиданно сильным голосом вопросил Нем-Эхатон. - Из слуг Нергала, Аримана или из приспешников Митры? Из призраков, что не упокоились на Серых Равнинах? Из духов Света или Тьмы? Отвечай!

Клекочущий хриплый голос раздался в камере.

- Я - выше Света и выше Тьмы, ибо плоть моя некогда парила среди звезд, рядом с обителем Древних Богов. Я - Рана Риорда, творение Отца Гидаллы, Великого Кователя!

Жрецы вновь переглянулись; ни один из них не слышал этого имени, канувшего во мрак тысячелетий.

- Раскрой свое предназначение, - велел Нем-Эхатон.

- Убивать! Убивать! Убивать!

– Кого?

– Всех! - Теперь голос призрака не был хриплым; он звучал ударами медного гонга. - Всех! Всех врагов рода Гидаллы!

– Чего же ты хочешь? - спросил старый жрец, невольно содрогнувшись.

– Крови! Крр-роови! Вашей крови! - Облачная фигура опять качнулась вперед и с яростным нечленораздельным криком застыла у охранительного барьера.

– Лучше нам усыпить его, - вдруг произнес молодой Рамесис, и в голосе жреца из Кеми послышался страх.

– Он и так наполовину спит, - заметил Хор-Анабас, скрывая презрительную ухмылку. Пожалуй, мелькнуло у него в голове, Коллегия поторопилась с этим Рамесисом; слишком он юн и подвержен страстям. Но вслух глава луксурских жрецов произнес: - Мы усыпим демона не раньше, чем он ответит на главный вопрос, брат мой. И помни, что наш Владыка с нами. Он смотрит на нас и оценивает нашу твердость и нашу силу.

Но даже напоминание о Сете не успокоило молодого мага. Он с тревогой спросил:

– Главный вопрос? Какой?

– Почтенный Нем-Эхатон знает. - Тонкие губы Хор-Анабаса вновь искривились в усмешке.

Тем временем старый жрец повелительно простер руки к призраку и хрипло выдохнул:

– Ты, древняя тварь, готова ли служить нам, отпрysкам Сета? Готова ли повиноваться Змею Вечной Ночи? Готова ли убивать по нашей воле? Готова ли пить влагу жизни из тех, кого мы укажем?

Дух расхохотался клекочущим смехом.

– Сперва я выпью вашу кровь! Крр-роовь! Вашу!

– До нас тебе не добраться, тварь!

– Но я доберусь до ваших потомков! Доберусь! Я знаю!

Хор-Анабас положил руку на плечо старого жреца.

– Он и в самом деле знает, почтенный Нем-Эхатон. Я ощущаю это! Он знает, или уверен, что знает... Тем больше исходящая от него опасность!

– Думаешь, его не удастся покорить и использовать?

– Даже Владыке нашему Сету... А Сет не любит непокорных! Но ты видишь, что Он не пытается уничтожить дерзкого, - Хор-Анабас кивнул в сторону алтаря, обвитого змеиным телом. - Он дает понять нам, что демона нельзя развоплотить, а три кольца, коими Он окружил эту тварь - свидетельство крайней опасности.

– Значит, опасен и неуничтожим... - в раздумье произнес Нем-Эхатон. - И что же нам делать с этим чудовищем?

– Во всяком случае, не выпускать в мир. Есть и кроме нас могущественные маги... не шемитские, разумеется, - Хор-Анабас позволил себе тонкую усмешку. - Представь, брат мой, что демон очутится у проклятых жрецов Митры или у пиктских колдунов? И они подберут к нему ключик? Пусть не покорят, но ухитрятся заключить союз?

– Это было бы весьма неприятно для нас, - заметил старик. - Весьма и весьма гибельно!

– Воистину, так! А значит, демона надо похоронить. Но не в старом арсенале, как это сделали шемитские недоумки, а в месте надежном, древнем и несокрушимом, как само время.

– Файон! - вдруг воскликнул Рамесис-Пта. Вероятно, ему удалось преодолеть свой страх, и теперь он был готов участвовать в обсуждении.

— Файон... - протянул Хор-Анабас. - Что ж, вполне подходящее место. Файон построен не нами... Древности его может позавидовать любой из городов Стигии!

— Однако он стоит и будет стоять в тысячелетиях, - подхватил Нем-Эхатон. - И цитадель сия крепка не только своими стенами, но и древним колдовством, связующим ее камни.

— Так пусть древнее идет к древнему и упокоится там! - сказал Рамесис-Пта. - Если сделать склеп в подвале одной из башен...

— ...и бросить туда демона в обличье секиры...

— ...и замуровать надежно, замешав известковый раствор на яйцах от черной курицы...

— ...и спеть нужные песнопения...

— ...гимны, навевающие сны, лишающие сил...

— ...и наложить чары Вечного Забвения...

Жрецы соединили руки, заключив:

— Так будет крепко, и так совершится - во имя Сета, Великого и Грозного!

Потом они обратились лицами к алтарю, и Хор-Анабас сказал:

— Сейчас мы погрузим демона в малый сон, и я подготовлю все нужное для перевозки его в Файонскую крепость. Ты, почтенный Рамесис-Пта, извести о нашем решении Коллегию Жрецов в Кеми и постараися, чтобы она выделила самых опытных магов-песнопевцев. Ты же, мудрейший Нем-Эхатон, проследи за оборудованием склепа в Файоне и ритуалом заклятия... А когда сие свершится, каждому из нас лучше забыть о всем случившемся. Каменщики, что готовят склеп, должны уйти из жизни - как и солдаты, что нашли в шемитском арсенале эту древнюю напасть... как и Мерита, их военачальник... Чем меньше людей будет знать или подозревать истину, тем надежней свершится заклятье Вечного Забвения.

— Да будет так! - хором подтвердили Нем-Эхатон и Рамесис-Пта.

После этого трое жрецов повернулись к обвитому змеиным телом алтарю и к призрачной фигуре, что маячила над полированным черным камнем, за барьером защитных чар. Подняв руки, стигийцы вызывали к своему властелину, пока призрак не растаял, и пока огромный топор, покачиваясь, не опустился на мраморную плиту, озаренную светящимися иероглифами. Тогда жрецы принялись восхвалять и благодарить Сета, Змея Вечной Ночи, защитившего своих слуг, вдохнувшего в них силу и мудрость, подсказавшего лучшее решение из всех возможных.

Но темный бог не стал слушать пустые слова восхвалений; дымка вокруг алтаря растаяла, и гигантский змей исчез.

Народ сей сильно отличается от жителей

Уттары и Камбуи - как более высоким ростом и цветом кожи, так и своими обычаями и способами поклонения богам. Люди его очень искусны во многих ремеслах; умеют они создавать тонкостенные сосуды из стекла и глины, особым образом обожженной, ткань тяжелые и легкие шелка, вырезать статуэтки из древесины ста пород, благородной яшмы, белого, золотистого и зеленого нефрита, строить дома и корабли, ковать железо и бронзу. Кроме того, они очень почтительны к предкам своим и старшим родичам, и это справедливо и для самых последних из них, кои промышляют злодейством на морях и разбоем на дорогах.

Уттарийская хроника "О Кхитae и иных северных странах"

Глава 12. Кхитайские пираты

"Нефритовый Дельфин", корабль с желтыми парусами, на который Конан поспел в самый последний момент, направлялся в Камбую с обычным грузом: партией звонких уттарийских колокольчиков и прочих изделий из бронзы и серебра, а также шляпами, шелковыми коврами и сарангами, изготовленными искусствами прадешханскими мастерами. Конан без церемоний прыгнул на палубу, рассчитывая, что на этом купеческом судне не откажутся взять пассажира с тугим кошельком - либо, на худой конец, еще одного члена команды. Не успел "Дельфин" удалиться от берегов Прадешхана на десять полетов стрелы, как киммериец был уже нанят на службу - охранником корабельного груза и самой ценной его части, самого купца и хозяина корабля Райзата По Ле Кинаба Сана. На уттарийском это длинное имя означало: Тунец, Скользящий Среди Волн Морских.

Но на тунца, рыбу большую, сильную и подвижную, Райзат не походил, ибо отличали его изрядная тучность и невысокий рост. При том он оказался человеком добродушным, любителем выпить и закусить, порассказывать всякие морские байки и послушать истории заезжих людей. Конан произвел на него огромное впечатление - и могучей статью, и оружием, коим был он обвешан с ног до головы, и удаленностью родины своей, Киммерии, о которой Райзат не знал почти ничего. Как и другие уттарийские купцы и мореходы, плававшие от Вендии к Камбую, он полагал, что на далеком севере, среди ледяных равнин и снегов, живут лишь гигантские обезьяны, покрытые шерстью, медведи о двух головах, волки-оборотни и прочие сказочные чудища. Но вот перед ним, словно по велению магического жезла, возник настоящий северянин, и на обезьяну он никак не походил: наоборот, саранг его отличался богатством и красотой, оружие - превосходным качеством, а речи были вполне разборчивы и занимательны. Беседовал же Конан с толстым купцом на смеси туранского и кхитайского; язык кхитайцев он немного помнил еще с тех времен, когда, нанявшись в армию Илдиза Туранского, ездил по королевским поручениям далеко на восток, в Меру и Кусан, на самую границу с Кхитаем.

На судне Райзата было человек тридцать матросов, выполнявших, при необходимости, и роль грузчиков, охранников, слуг и собутыльников хозяина. Все они взирали на рослого киммерийца с почтением, ибо слух о состязании во дворце раджассы и славной победе северного певца успел за ночь дойти и до них. Конан, однако, не откликнулся на робкие просьбы мореходов уладить их слух песнями далекой Киммерии, отговорившись тем, что его рабыня-переводчица осталась в Прадешхане, а без нее северные напевы могут показаться слишком дикими и грубыми. Зато он был готов рассказывать: о своих похождениях в Гиперборее и Заморе, в Туране и Коринфии, в Немедии и Аквилонии, в Офире, Стигии и Стране Чернокожих. Райзат и люди его слушали киммерийца с раскрытыми ртами, и купец то и дело подливал в кубок охранника сладкое пальмовое вино, от которого Конан и не думал отказываться.

На третий день плавания он решил сам порасспросить Райзата, в какие воды направляется "Нефритовый Дельфин". Купец принес из своей каюты яшмовую шкатулку, достал из нее шелковый свиток карт и принялся объяснять. По чертежам и словам Райзата выходило, что здесь, на востоке огромного материка, в Южный океан вдаются два больших полуострова, Вендийский и Камбуйский, а Уттара расположена меж ними, на берегу моря, простиравшегося от восточных берегов Вендии до западного побережья Камбуи. Но

"Дельфин" шел дальше; ему предстояло обогнуть южную оконечность Камбуйского полуострова, войти в воды моря Лемуров и подняться на север до порта Сингла-Пурам, что лежал неподалеку от камбуйской столицы.

Тыча толстым пальцем в карту, Райзат толковал о морских змеях, подстерегавших путников в Лемурийском море, о гигантских осьминогах и акулах с зубами в локоть длиной, о коварных отмелях и рифах, о переменчивых ветрах и жестоких кхитайских пиратах, чьи огромные суда движут сотни гребцов. Все эти морские истории Конана не слишком интересовали; он пристально всматривался в нижний обрез карты, надеясь обнаружить там хоть небольшой островок. Но к югу от Камбуи расстилалась лишь океанская синь.

Наконец он спросил Райзата о южных водах, и тучный купец, округлив глаза, принялся повествовать о беспредельных пространствах соленой воды, по которым можно плыть до самого края земного круга, не встретив ни единого острова, ни даже утеса или кораллового рифа; но, скорее всего, храбрый мореход, решивший отправиться в такое гибельное странствие, не сумел бы пересечь океан, а попал бы в страшное море Му, заросшее местами бурой травой, что поднимается с самого дна. Там, среди прочных стеблей, в темных гнилых водах, застрянет любой корабль, ибо ни сила ветра, надевающего паруса, ни руки гребцов не продвинут судно сквозь водоросли вперед и не позволят выбраться назад. А потому те, кто попался в плен бурой травы, не сумели вернуться и рассказать подробнее о южных морях; то ли они погибли от голода и жажды, то ли плотью их насытились неведомые твари, страшные чудовища и призраки, обитающие на краю мира.

Но если никто не возвращался из моря Му, - спросил Конан, недоверчиво изогнув бровь, - то откуда же стало известно про бурые губительные травы, гнилые воды, призраков и чудовищ? Быть может, храбрые мореходы видели все это за окнами портового кабака, расправившись с дюжиной-другой винных кувшинов? Или нанюхавшись черного лотоса?

Нет, - сказал Райзат, - море Му и в самом деле существует. Во-первых, кое-кто из отчаянных храбрецов, плававших на юг, видел его окраины - лес бурых толстых стеблей, что вздыпался из воды на три длины копья, и неких жутких тварей, что вились над ними словно чайки над рыбьим косяком. А во-вторых... - тут купец основательно приложился к чаше с пальмовым вином, - во-вторых, в далекие-предалекие времена, еще до Великой Катастрофы, что потрясла мир, приходили с юга странные корабли со странными существами, не совсем похожими на людей. Тогда море было чистым от травы, и на юге лежал огромный континент, где обитали те нелюди; потом же сгинули они вместе со своей землей, а в южных водах, полных грязи да ила, выросли бурые травы. Что же касается странных пришельцев, осевших на камбуйских и кхитайских берегах, то говорят о них разное: одни называют их лемурами и почитают прародителями всех восточных народов, другие же утверждают, что жестоко угнетали они предков камбуйцев и кхитайцев, пока те не восстали и не перерезали нелюдей всех до последнего.

Выходит, заметил Конан, за морем Му может находиться какая-то земля? Скажем, остатки материка, на котором жили когда-то эти странные, не похожие на людей?

Вряд ли, ответствовал Райзат; уж очень страшной была та катастрофа, когда боги разгневались на людей и стали трясти горы и колебать моря. Говорят, что на далеком западе обширные земли тоже опустились в океан? (Тут Конан утвердительно кивнул.) Ну, чего же удивляться? - заметил Райзат. Гибли земли в Западном океане, гибли и в Южном, и один Асур ведает, что от тех земель сохранилось.

Затем купец разлил вино, предложив выпить за устойчивые берега Уттары и за

спокойное ее море. Потом пили они за успех в торговле, за благополучное возвращение из опасных лемурийских вод, за тугие паруса "Дельфина", что позволят ему ускользнуть от пиратских кораблей, за секику и меч Конана, которым найдется работа, если ускользнуть от разбойников не удастся. В результате, когда киммериец пошел на покой в свою каморку под палубным настилом, в голове у него шумело преизрядно; Райзат хоть и был ростом невелик, но пил крепко.

Тем не менее Конан не лег сразу спать, а вызвал духа.

Рана Риорда явился перед ним в полумраке, сверкая сапфировыми зрачками; вид у призрака был довольный, хотя крови он не пробовал уже дней пятнадцать.

— Готовься! — объявил дух Конану. — Готовься, ибо близок день битвы, в которой многих отправит во тьму твоя рука!

— Я всегда готов, — буркнул киммериец. — Что же до битвы, то не о пиратах ли ты толкуешь? И не о красном ли сундуке с сотней весел?

— Именно о нем, — проклекотал призрак. — Ты захватишь этот корабль, и мы двинемся на юг. На юг! Я чувствую, что надо поворачивать, ибо на востоке нет ничего, кроме беспредельных пространств океана.

— И на юге то же самое, клянусь челюстью Крома! — сказал Конан. — Если верить рассказам Райзата...

— А ты не верь. Теперь я знаю, куда ушли корабли Таванны... И знаю, к каким они пристали берегам, и где люди Южного Ветра нашли новую родину. Земля эта уже близка! Куда ближе, чем была от нас в Иранистане или Вендии... И сил у меня прибавилось; еще немного вражеской крови, и я перенесу и тебя, и себя в нужное место, на край далекой земли... Таванна не смог добраться к ней, но его потомки и по сей день обитают там.

— Кто этот Таванна, которого ты помянул?

Лицо призрака стало печальным.

— Ты не слышал о нем? Так же, как об Отце Гидалле, могучем Сархабе и других героях, великих воинах и властителях, предках твоих?

Конан покачал головой.

— Я знаю своего отца. Был он не героем, а кузнецом, но меч в руках держал так же крепко, как молот. Еще знаю деда, тоже кузнеца и воина. Отец и дед рассказывали мне о прадеде — и он был кузнецом. Об остальных предках мне ничего не ведомо... Ведь я не король, и моя родословная не расписана в древних книгах!

— Ты еще будешь королем, — сказал Рана Риорда. — Что же о предках твоих, о кузнецах, воинах и всех прочих... — тут он тяжело вздохнул и промолвил: — О, память людская! Она коротка, как ваша жизнь! И потому, большой ли грех отнять ее, чтобы напиться крови? Днем раньше, днем позже...

— Перестань болтать о крови, — рявкнул Конан, — кровью мы разживемся на том красном сундуке! Лучше расскажи, что знаешь о прежних временах!

— Расскажу, — в глубокой задумчивости призрак кивнул головой. — Расскажу, потомок Гидаллы...

И он принялся рассказывать — о том, как ковал Небесную Секику прародитель Гидалла, Великий Кузнец; ковал ее на бесплодной вершине Айи, возносившейся некогда над волнами морскими на две сотни бросков копья. Небо в тот день было безоблачным и ясным, но чудилось, что земля, воды и воздух содрогаются под напором яростной бури: удары чудовищного молота разносились вдоль побережья подобно грому, а искры, срывавшиеся с

наковальни, блиستали как всполохи молний. Колебалась почва, трескались прибрежные утесы, высокие деревья раскачивались словно трава на ветру, и реки выходили из берегов.

Говорил он о Древних Богах, хранителях Равновесия; говорил о том, как сошлись они в схватке с Демонами Хаоса и долго бились в мрачной пустоте, что лежала за гранью хрустального купола небес, жгли друг друга звездным огнем, морозили глыбами вековечного льда, метали огромные каменные глыбы; и один осколок тех небесных глыб пал на землю, в ослепительной вспышке врезался в гранитную твердь Айи и застыл там, чтобы по прошествии времен превратиться в лезвие Небесной Секиры.

Говорил он о заклятиях, наложенных Гидаллой, о тайных символах божественных братьев Кователя, о знаках Четырех Ветров и Семи Звезд, о том, что не должна Секира покидать род Южного Ветра, а буде так случится, надлежит ей странствовать по свету, убивая чужаков, пока не вернется она к роду и племени Гидаллы.

И еще говорил Рана Риорда о днях своей славы, когда воитель Сархаб вздымал огромный топор над шеренгами валузийских колесниц, над темными ордами пиктов в волчьих шкурах; говорил, как рассекало стальное лезвие доспехи и шеи боевых жеребцов, окованные бронзой колесничные борта и валузийские шлемы, пиктские черепа и пиктскую плоть.

Говорил он о временах своего крушения, когда, в день божьего гнева, погибла земля Атлантиды, и чудовищные волны разбросали корабли Таванны, старейшего в роду Гидаллы; говорил, как умерли Таванна и спутники его; вспоминал о долгих годах, проведенных на мертвом судне, среди высохших мумий, наполнявших корабельные трюмы.

Говорил он о днях своих странствий и плена, о рыбаках и охотниках Черных Земель, о степных воинах, о людях Востока и Запада, Севера и Юга, прикасавшихся твердому топорищу, ласкавших лунную сталь... Он убивал почти всех; немногим удавалось избежать его сверкающего лезвия. Еще говорил он о трех стигийских жрецах, о Хор-Анабасе, Рамесисе-Пта и Нем-Эхатоне; говорил о забвении своем, о снах, о пробуждении и жажде мести.

Страшен и мрачен был тот рассказ, но Конан привык к страшному, а потому повествование о древних мертвцах, из коих Рана Риорда выпил влагу жизни, не пугало, а веселило его варварскую душу. Когда же призрак помянул Файон, киммериец расхохотался.

— Мы странствуем с тобой без малого месяц и, клянусь Кромом, все это время Шапшум сидит в Файоне! У него отличный аппетит... Хотел бы я знать, много ли солдат осталось в файонском гарнизоне!

— Быть может, и никого, — мрачно ухмыльнулся Рана Риорда. — Зато там остались сокровища.

— Сокровища? Хмм... — буркнул Конан, подумав, что он, наверно, поторопился покинуть стигийскую цитадель. Призрак прав: в ней наверняка были сокровища. К примеру, войсковая казна...

Дух словно прочитал его мысли:

— Говорил я тебе, не спеши. Вдвоем мы разметали бы этот гадючник по камешкам... мне досталась бы кровь, тебе — золото... — Рана Риорда призадумался на миг и решительно закончил: — Ну, ничего, киммериец; сие удастся исправить.

— Исправить? Как?

— Когда сила моя возрастет, я смогу вернуть прошлое. Помнишь, я уже говорил тебе об этом?

Конан пожал плечами.

– Зачем возвращать прошлое? Лучше перенеси меня в Файон. Думаю, мы с Шапшумом не поссоримся из-за стигийского мяса. Мне оно не нужно, а хейворку не к чему сокровища.

– Быть может, и так, - с загадочной улыбкой протянул дух, - быть может, и так...

Когда "Дельфин" оказался у южной оконечности Камбуйского полуострова, ветер стих, и желтые паруса бессильно повисли. Корабль едва двигался вперед - под вопли толстого купца и его моряков, моливших Асуру послать благодетельный бриз. Но вместо ветра явились пираты.

Судно их, как и ожидал Конан, было галерой с красными бортами и рядами весел; его угловатый корпус напоминал плавучий сундук. При хорошем ветре эта неуклюжая посудина никогда не нагнала бы "Нефритового Дельфина", но сейчас корабль Райзата беспомощно покачивался на волнах, превратившись в легкую добычу. И хоть экипаж его не собирался сдаваться, у тридцати мореходов не было шансов выиграть схватку с двумя сотнями разбойников.

Однако они облачились в бамбуковые панцири и шлемы, и вытащили на палубу связки пик и стрел. Конан, приняв команду, расставил свое немногочисленное воинство вдоль бортов и строго наказал: на вражеский корабль - ни ногой, стрелять и колоть из-за укрытий, стрелы с огнем не метать и не лезть на рожон.

Райзат, забыв на время о молитвах Асуре и Лакшми, подошел к нему. В лице хозяина не было ни кровинки, пальцы цеплялись за горлышко винного кувшина - в нем купец черпал и храбрость, и красноречие, с которым то упрекал богов, то сулил им щедрые приношения во всех прадешханских храмах.

– Что ты собираешься делать? - спросил Райзат своего охранника.

Конан ухмыльнулся.

– Когда они бросят абордажные крючья и сходни, поднимусь на борт и прикончу половину шайки. Только и всего! Остальные, я думаю, напугаются.

– Но их не меньше двух сотен! - в панике воскликнул купец. - Ты умрешь, брат мой!

– Все мы умрем когда-нибудь, - заметил Конан, - однако мой срок еще не пришел. Кром хочет, чтобы я еще пошатался по свету... И потом, у меня есть незавершенные дела, - тут он погладил древко своей секиры.

– Дело у нас сейчас одно - готовиться к странствию в Вечную Тьму! - Райзат безнадежно махнул рукой и присосался к кувшину.

– Вот и готовься, а я займусь своей работой. И коль путешествие на твоем корабле для меня заканчивается, давай попрощаемся, толстяк. Ты был хорошим хозяином, и мы выпили вместе немало вина.

С этими словами Конан хлопнул купца по плечу и направился на корму, к деревянному дельфину, что выгибался над морем упругой дугой. Там он и стал ждать, сжимая в правой руке секиру, а в левой - иранистанский клинок.

Красный корабль приближался. Нос его напоминал плосковатый передок колесницы, и там, на алом фоне, была изображена высокая лесистая гора, над которой свивал кольца

чешуйчатый дракон. Еще выше громоздилась надстройка, похожая на огромную лакированную шкатулку; на крыше ее толпились бойцы - тоже в бамбуковых доспехах, скрепленных ремнями, как и команда "Дельфина". Было их около сотни - остальные, видимо, сидели на веслах, - и они показались Конану довольно рослыми людьми. Конечно, по сравнению с уттарийцами, ибо любой наемник из варварских стран вроде Асгарда или Киммерии превосходил бы кхитайцев на целую голову. Большинство пиратов держали в руках трезубцы и пики с широкими волнистыми наконечниками; кое-кто размахивал шипастым цепом или топориком на длинной рукояти. Мечей Конан не заметил; похоже, с этим воинским оружием кхитайские разбойники обращаться не умели. Мысленно он начал прикидывать, скольких из них придется уложить, вселяя в души оставшихся благодетельный страх и вразумляя неразумных. Выходило, не меньше половины, как он и обещал Райзату.

Само же кхитайское судно показалось ему достаточно большим, устойчивым и надежным, чтобы выдержать долгое плавание в океане. У него были две мачты, сейчас лишенные парусов, и по пятьдесят весел с каждого борта. Правда, гребли кхитайцы не очень искусно, и Конан решил, что не раз прогуляется плетью по спинам гребцов, когда этот корабль поступит под его команду. Затем, измерив опытным взглядом расстояние до носа с горой и драконом, он велел своим уттарийцам стрелять.

Но мореходы оказались плохими лучниками: из тридцати стрел половина пролетела мимо, а большинство остальных нанесли легкие раны, не столько напугав, сколько ожесточив пиратов. К тому же двое или трое из них были поражены насмерть, что лишь подлило масла в огонь: разбойники принялись размахивать трезубцами и пиками, делая вид, что пронзают неприятеля и выворачивают из него внутренности. Самое удивительное, что эта пантомима шла при полном молчании; Конан не слышал ни воплей, ни ругани, ни даже боевых кличей. Кхитайские разбойники вели себя гораздо сдержанней, чем их собратья где-нибудь в Туране, Аргосе или Зингаре.

Киммериец погрозил им секирой, затем повернулся к морякам и рявкнул:

– Стреляйте! И не цельтесь в головы и ноги, вам туда не попасть, обезьянье отродье!
Бейте в брюхо! В грудь!

Второй залп был удачнее: человек десять схватились за животы, а остальные стали еще энергичней потрясать оружием. Среди кхитайских копьеносцев появились лучники, но Конан вскоре убедился, что стреляли они столь же плохо, как и его команда - их стрелы по большей части падали в воду. Да, решил он, этим неуклюжим ублюдкам не сравниться с чернокожими, что плавали на "Тигрице"! На судне Белит были отборные парни, и они с одинаковой ловкостью управлялись с веслом и парусом, с топором и арбалетом... При мысли о своей погибшей возлюбленной Конан тяжело вздохнул, и тут же над ухом у него раздался хриплый голос Рана Риорды:

– Скоро?

– Скоро, Рорта. Клянусь бородой Крома, на этот раз останешься доволен. Ты видишь, сколько там добычи? - киммериец вытянул секиру в сторону кхитайского корабля.

– Вижу! - проклекотал дух.

– И что скажешь?

– Не пикты и не валузийцы, - вынес приговор Рорта. - Да и стигийские солдаты будут покрепче.

– Зато их много, - возразил Конан, поглядывая на палубу приближавшегося корабля. Он был уже совсем рядом, в четырех-пяти длинах копья, и часть пиратов стояла наготове с

абордажными крючьями в руках.

Борт уттарийской ладьи был гораздо ниже борта преследователя, но к форштевню и корме ее корпус круто выгибался вверх, оканчиваясь двумя резными дельфинами. Конан, ухватившийся за кормовое украшение, стоял почти на уровне носовой надстройки пиратского корабля. Дождавшись, когда тот приблизится на шесть локтей, он вытянул длинную руку с секирой, зацепил перильца фальшборта и мощным прыжком перелетел на палубу врага.

— Жаль, кольчуги нет, — пробормотал Конан сквозь зубы и повел плечом. Пара кхитайцев, уже заносивших абордажные крючья, полетела в воду.

— Мое лезвие — твоя кольчуга! — зарычал Рана Риорда. — Руби! Руби их! Кровь! Крр-роовь!

Лязгнул меч, отбивая выпад трезубца, секира ринулась вниз, и два мертвых тела рухнули на палубу: одно с разрубленным плечом, второе — с пробитым виском, в который угодило четырехгранное острие. Затем меч и секира вновь поднялись и закружились вокруг Конана двумя сверкающими веерами; с каждым их взмахом в воздух взлетали обрубленные наконечники пик, отсеченные руки и головы, обломки бамбуковых панцирей, окровавленное тряпье и ремни.

Кхитайцы, ошеломленные, отступили. Ни один абордажный крюк не успел зацепить уттарийскую ладью, зато под ногами пиратов, на залитых кровью досках, валялось уже одиннадцать трупов, и два десятка человек лишились оружия — их копья, трезубцы и топоры стали теперь бесполезными палками. Раненых, однако, не было: и меч, и страшная секира разили насмерть.

За разбойничими шеренгами раздался громкий визгливый голос. Конан не разобрал слов, но повелительная интонация сделала ясным их смысл: главарь приказывал идти в атаку. Ряды воинов в бамбуковых панцирях послушно качнулись вперед. Похоже, кхитайцы приободрились, то ли оправившись от шока, то ли почерпнув отвагу в своей многочисленности, то ли вдохновленные голосом вожака. Конан оглянулся, увидел медленно дрейфовавшего на север "Нефритового Дельфина" и довольно кивнул. Вся команда уттарийского судна сгрудилась у левого борта, но никто не стрелял — боялись попасть в Конана. Киммериец усмехнулся и помахал им мечом.

Но улыбка его тут же перешла в злобный оскал, когда один из пиратов метнул ему в висок шипастый шар на цепи. Серебристое лезвие топора взлетело навстречу, звякнула перерубленная цепь, жутко вскрикнул человек, захрипел, схватившись за горло. Отшвырнув обескровленное тело, Конан ринулся вперед. В ушах его гремел дьявольский смех Рана Риорды, ярость кружила голову: огромный, с черными развевающимися волосами, с блестящим оружием в могучих руках, он был страшен. Он косил воинов в бамбуковых панцирях словно траву; мерно вздымались меч и секира, с сухим треском разрубая доспехи и кости, хлестала кровь, с предсмертными криками падали люди, свистели стрелы и копья, но ни одно острие не коснулось киммерийца. Хранил ли его в этом бою дух Небесной Секиры? Или воинская удача витала за спиной, храня от ран? Или спасало от гибели собственное боевое искусство?

Конан не думал об этом; он рубил. Врагам не удавалось отступить ни к левому борту, ни к правому; удары секиры и длинного меча настигали повсюду. Постепенно оставшиеся в живых начали пятиться, очищая носовую надстройку, и вскоре Конан сбросил их вниз, к передней мачте корабля, на доски палубного настила, еще не залитые кровью. На мгновение он опустил клинок и топор, окинул взглядом морскую даль, мысленно попрощавшись с "Нефритовым Дельфином", потом спрыгнул на палубу.

Теперь кхитайцы уже не молчали; они пятались перед ним с перекошенными от ужаса лицами, тыкали в него пальцами и тонко протяжно визжали: "Ци-гум! Ци-гум!" Дракон, понял Конан. В Китае все великое сравнивали с драконом; солнце и луна были драконами дня и ночи, ветер - поднебесным драконом, а огромные волны, что иногда накатывались на берег - морскими драконами. Были драконы и среди людей: мудрецы и чародеи, драконы знания; военачальники, бесстрашные драконы; главы провинций, верные драконы императора. И сам император был драконом - Великим Яшмовым Драконом, Восседающим в Нефритовом Дворце. Что же касается Конана, то противники его пока не решили, к драконам какого сорта он относится, но уже не сомневались, что перед ними настоящий дракон. Дракон из драконов, самой безжалостной породы!

Он возвышался над толпой воинов в бамбуковых доспехах словно огромный дуб над порослью трепещущих осин. Он видел, как внезапно распахнулся люк между мачтами, и на палубу повалили вооруженные пиками гребцы - и тут же остановились, застыли, устрашившись: вся кровля носовой надстройки была завалена трупами, а по стене ее на палубу ручейками стекала кровь.

Над сгрудившимися у мачты пиратами взметнулся трезубец и повелительный голос отдал команду. Шеренга воинов разошлась, отступила; теперь перед Конаном стоял довольно рослый кхитаец, бамбуковый панцирь которого усеивали серебряные бляшки. Голову его прикрывал шлем непривычной формы, похожий на перевернутое воронье гнездо, в руках угрожающе поблескивал трезубец с волнистыми лезвиями, на грудь свисало ожерелье из зеленоватого нефрита, наполовину занавешенное густой черной бородой. Подобная борода являлась редкостью для кхитайцев и служила свидетельством доблести; богатое же ожерелье и решительный вид воина подсказали Конану, что перед ним вожак пиратской шайки. Вероятно, этот разбойник тоже считал себя драконом из драконов: зрачки его горели темным огнем, а яркие сочные губы презрительно кривились.

Не спуская глаз с Конана, бородач сделал несколько ловких выпадов трезубцем. Казалось, он не старался задеть противника, а лишь удивить и напугать его этой демонстрацией боевых приемов. Трезубец летал в сильных руках, то поворачиваясь к киммерийцу своими отточенными лезвиями, то угрожая обратным концом древка, увенчанным стальным шипом, то вдруг исчезая за спиной бородатого пирата, когда тот быстро перебрасывал оружие из руки в руку.

Конан, опустив меч и оперевшись на топор, с интересом следил за этим представлением, пока яростный голос призрака не прошипел:

– Кончай с ним! Тут не базар, чтобы любоваться жонглерами!

Безусловно, Рана Риорда был прав. Конан воткнул в палубу свой клинок и, выхватив из-за пазухи метательный нож, послал его в горло бородача. Тот всхлипнул, с недоумением выкатил глаза, потом содрогнулся всем телом, выронил трезубец и осел на палубу. Темная его борода окрасилась багровым.

В три шага киммериец очутился рядом с ним и сорвал с шеи побежденного нефритовое ожерелье. Оно, вероятно, служило знаком власти, потому что пираты,бросав оружие, тут же опустились на колени и начали кланяться. Конан довольно кивнул головой. Ему больше не хотелось убивать; он вспомнил, что должен ведь кто-то управляться с веслами и парусом, с якорем и рулем. На большом судне много работы...

Протянув клинок, он хлопнул по плечу одного из пиратов, костлявого и сухого, выглядевшего постарше прочих.

- Как твое имя, верблюжий кал?
- Хо, дракон драконов!
- А твое? - он пнул ногой другого разбойника.
- Хо, владыка гнева!
- Твое? - Конан повернулся к третьему.
- Хо, нефритовый светильник!

Некоторое время Конан взирал на первого Хо, поигрывая секирой, потом грозно оскалился.

– Клянусь Кромом, сейчас на десяток Хо станет меньше, если вы, ублюдки, не назовете мне свои настоящие имена!

Пожилой Хо начал кланяться и приседать.

– Не гневайся, почтенный родитель наш, увенчанный сединой мудрости! Мы все - Хо! Все из одного селения под горой Синь Цзя, и промысел наш наследственный и давний, о яшмовый ларец спра...

Конан прервал его, опустив меч плащмя на тощие ягодицы, обтянутые синей тканью штанов.

– Почему ты называешь меня родителем? Ты, сын ослицы и облезлого шакала?

– Как же иначе, господин мой? Ты победил Предводителя Хо, и теперь ты - наш старший, наш почтенный отец, источник нефритовых щедрот и скорпионных плетей, солнце ласки и вулкан гнева... Все мы - мягкий воск в твоих руках!

Это Конану понравилось, и он милостиво кивнул.

– Хорошо! Сразу видно, Старый Хо, что ты разбираешься в людях! А теперь скажи, как называется ваш красный сундук и много ли припасов на борту.

– Не наш, твой сундук, князь доблести, - уточнил пожилой Хо, кланяясь. - Зовется же он "Ле Ци-гум Си-са Сянь Цзя" и снаряжен для плавания сроком в две луны... Теперь уже - в три, - поправился он, обозрев гору трупов на кровле носовой надстройки.

"Алый Дракон Горы Сянь Цзя," - перевел Конан название судна и, удивленно нахмурившись, спросил:

– С драконом все ясно, тощий пес. Но при чем тут гора Сянь Цзя?

– Как же, благороднейший господин! Ведь деревья для этого судна, палубу которого попирают твои яшмовые стопы, срубили именно на горе Сянь Цзя! И назвав его так, мы чтим духа горы, своего хранителя и защитника, посылающего удачу!

– Сегодня он послал ее вам с избытком, - буркнул Конан, в свою очередь покосившись на трупы. - Ну, ладно... Пусть мертвых сочтут и сбросят в море; живых сочтут тоже и сообщат мне, сколько людей осталось на веслах и сколько - в палубной команде.

Старый Хо вновь начал приседать и кланяться.

– Прости, блистающий плод персикового дерева, как твое почтенное имя? И где ты впервые увидел свет дня и насладился прохладой ночи?

Киммерийцу было нечего скрывать.

– Зовут меня Конан, а свет дня я увидел в далеком северном kraю, где прохладой ночи наслаждаются только волки, а люди сидят по домам, у жарких очагов.

Хо подпрыгнул и вскинул вверх тощие руки - и вместе с ним подпрыгнули все остальные Хо, испустив дружный вопль:

– Здравствуй десять тысяч лет, господин Хо-На-Ла, Великий Северный Ци-гум! Почтенный родитель наш, смилийся над своими покорными детьми!

Милостиво кивнув, Конан отправился на корму, где справа от рукоятей рулевых весел стояло ложе, накрытое алым шелковым ковром - несомненно, место пребывания капитана. Он уселся там, поглядывая, как Старый Хо, с тремя-четырьмя уцелевшими главарями, пересчитывает мертвых и живых, а рядовые члены экипажа сваливают трупы за борт. Вскоре пожилой пират уже приседал и кланялся перед киммерийцем, докладывая:

– Павших от твоей нефритовой руки, достойный отец наш - семьдесят восемь. И ста тридцати пяти ты позволил сохранить свои ничтожные жизни.

– Позволил, - кивнул Конан. - И пусть они помнят об этом!

Хо поклонился.

– Где же нашему новому отцу, мудрому и доблестному дракону, благоугодно поискать теперь добычи и пропитания для детей своих?

Конан оглядел далекие горизонты, где сине-зеленые небеса смыкались с голубым хрусталем небес, глубоко вдохнул соленый и свежий морской воздух, вспомнил пышные сады под Базрой, обильные деревьями и травами вендийские джунгли и яркие цветы на улицах Прадешхана. Тут, в теплых краях, все зеленело и плодоносило, обласканное щедрым солнцем, но в далекой Киммерии давно наступила осень.

И, подумав об этом, Конан задумчиво протянул:

– Осень... осень пришла, Хо... А осенью мудрые драконы улетают на юг. Так что прикажи-ка разворачивать корабль, старый пес! Мы пойдем в море My.

Если ты смертен, рассыпься прахом;
Если ты бессмертен, спи в объятиях вечности;
Если ты дух, развейся по ветру;
Если ты призрак, вернись на Серые Равнины.
Пусть имя твое сотрется из памяти людской,
Пусть боги и демоны забудут о тебе,
И ни свет солнца и луны, ни звездные лучи
Не коснутся больше твоей плоти.

Стигийское заклинание

Глава 13. Забвение Рана Риорды

Тяжелая каменная плита была сдвинута в сторону. Рядом с ней зияла пасть глубокого и узкого колодца: семь локтей в длину, два - ширину, и глубиной в три копья. Эта узкая шахта пронзала основание башни и углублялась в скалу, на которой некогда воздвигли Файон. На каменной плите лежал длинный сверток, расширявшийся с одного конца. Жрец Нем-Эхатон, хранитель Города Мертвых и сам похожий на труп, вглядывался в сверток и плиту, сжимая тощими руками посох.

Над стенами и башнями Файона плыл Гимн Сна. Первый хор жрецов выводил:

Что приятнее благ мира?

Слаще губ возлюбленной,

Слаще крови врага,

Слаще мести, выше гордыни,

Пьяней вина, крепче гранитных стен,

Глубже пропасти в горах Кешана,

Темнее ночи?

Второй хор отвечал:

Сон, сон, сон...

Сон вечный, сон крепкий, сон беспробудный.

Сон приятнее благ мира,

Сон слаще губ возлюбленной,

Сон слаще крови врага,

Сон слаще мести, выше гордыни,

Сон пьянее вина, крепче гранитных стен,

Сон глубже пропасти в горах Кешана,

Сон темнее ночи...

Жрецы, песнопевцы и заклинатели, пели давно, но голоса их оставались по-прежнему звонкими и сильными; тут, в Файоне, собрали лучших из лучших, одаренных магической мощью и колдовским искусством. Жрецы, однако, не знали, кого - или что - им полагалось заклясть, но это не сказывалось на исполнении древнего ритуала и не лишало его силы. Точкой ее приложения был сверток, лежавший на плите у ног старого Нем-Эхатона.

Объединившись, оба хора выводили теперь Проклятие Сета:

Да будут члены твои камнем,

Да уподобятся они недвижным утесам,

Да скуют их холод Вечной Бездны -

Так говорит Бог над богами,

Великий Змей Вечной Ночи,

Отец Зла, Владыка Смерти,

Властелин, не знающий жалости.

Да будет голос твой ветром,

Да уподобится он стоячей воде,

Да скуют его мороз равнин Асгарда -

Так говорит Бог над богами,

Великий Змей Вечной Ночи,

Отец Зла, Владыка Смерти,
Властелин, не знающий жалости.
Да будет душа твоя пылью,
Да уподобится она болотной грязи,
Да скуют ее льды Ванахейма.
Так говорит Бог над богами,
Великий Змей Вечной Ночи,
Отец Зла, Владыка Смерти,
Властелин, не знающий жалости.
Да будет разум твой пропастью,
Да уподобится он пустой яме,
Да скует его Проклятие Сета.
Так говорит Бог над богами,
Великий Змей Вечной Ночи,
Отец Зла, Владыка Смерти,
Властелин, не знающий жалости.

Проклятие Сета, выполненное должным образом, могло лишить силы любое существо - и человека, и демона, и зверя. Нем-Эхатон, разхumeется, не знал, какое влияние оно окажет на древнюю и неукротимую тварь, что покоилась в свертке у его ног, но полагал, что ни одним из подходящих к случаю ритуалов не стоит пренебрегать. Две цепи лучше, чем одна!

Хор затянул на два голоса Песнь Смерти, и Нем-Эхатон отправил демона в яму. Он столкнул сверток посохом, не прикасаясь к нему руками, и сразу же уставился тяжелым взглядом на каменщиков. Трепеща, мастера принялись валить в узкую шахту щебень и камни, поливая их известковым раствором. Раствор был замешан по всем магическим правилам, на яйцах, взятых от куриц с идеально черным оперением, и на крови чернокожих рабов из Куша и Дарфара; это обеспечивало надлежащую крепость и не позволяло враждебным чарам проникнуть к захороненному под каменной кладкой демону.

Умри, умри, умри,
Уйди из мира,
Уйди от ночи и дня,
Уйди от вод и небес,
Уйди от скал и земли,
Уйди от звезд и луны,

Умри, умри, умри... - тянул первый хор. И второй подтягивал мерно и мощно, будто бы забивая гвозди в крышку гроба:

Ум-ри!
Ум-ри!
Ум-ри!
Сгинь, сгинь, сгинь!

Каменщики забили шахту доверху и теперь со страхом поглядывали на Нем-Эхатона; кажется, они догадывались, что их ждет. Но лицо старого жреца было непроницаемым. Еще поживете, черви, думал он. Еще надо укрепить оконную решетку, заново возвести стены, что отгородят каземат от остального пространства башни... Получится камера; надежный мешок для узников, осужденных на медленную смерть. И ни один из них не проведает, что о замуровано в полу, под самыми его ногами... А хоть бы и проведал! Сквозь камень и

заклятья, сквозь мертвый сон древнего демона не прибиться никому! Нет такого мужа ни в западных странах, ни в восточных, и не родится он никогда!

Мрачно усмехнувшись, Нем-Эхатон ткнул посохом в каменную плиту, и мастера с поспешностью установили ее над шахтой. Теперь только следы свежего раствора указывали, где был пробит колодец, но пройдет десятилетие, и эти швы не будут отличаться от всех остальных. И плита среди прочих плит пола станет незаметной. И умрут каменщики и солдаты, и память о непокорном демоне сотрется навсегда, исчезнет, похороненная под тяжкой пятой файонской башни...

Словно подтверждая эти мысли Нем-Эхатона, хор песнопевцев откликнулся словами Вечного Забвения:

Если ты смертен, рассыпься прахом;
Если ты бессмертен, спи в объятиях вечности;
Если ты дух, развейся по ветру;
Если ты призрак, вернись на Серые Равнины.
Пусть имя твое сотрется из памяти людской,
Пусть боги и демоны забудут о тебе,
И ни свет солнца и луны, ни звездные лучи
Не коснутся больше твоей плоти.
Уйти во тьму, растворись в Вечной Ночи,
Отдай силу свою Владыке Сету,
Отдай ему голос свой и душу свою,
А сам погрузись в забвение.
Спи в чреве земном, обратившись в камень,
Забудь о прошлом, не думай о будущем,
Спи, пока ночь сменяет день, пока стоит мир;
И когда он рухнет, тоже пребывай в забвении.
В забвении, в забвении, в забвении...

Голоса усталых жрецов замерли, и Нем-Эхатон с довольной усмешкой постучал концом посоха о плиту. Все сделано как надо! Крепко, прочно, надежно... Сделано, сковано и закреплено могуществом Сета, Владыки Вечной Ночи! Господином, не терпящим непокорства! Тем, Кто был, есть и пребудет в вечности! И, пока длится вечность, слово Его, чары Его, воля Его останутся нерушимы!

Отбросив посох, Нем-Эхатон, хранитель Птейона, Города Мертвых, простер руки над могильной плитой, шепча последние, самые грозные заклятья.

Глубоко, под слоем камня, под гнетом чар, под тяжестью забвения, спала Рана Риорда, Небесная Секира. Когда-то парила она среди звезд, потом корчилась в огне кузнецкого горна, стонала под ударами кузнецкого молота и, трепеща, приняла в холодную и твердую свою плоть бессмертную душу и вечный зарок. Была та душа не плохой и не хорошей, а единственно верной, и делился для нее мир лишь на хозяев и врагов. Хозяев полагалось

защищать, врагов - убивать; в том и было предназначение Рана Риорды.

Но сейчас все это осталось в прошлом. Крепок чародейный сон, и нет поблизости элексира, нет волшебного бальзама, теплого, алого, живительного, который сумел бы разрушить заклятья. Спи в чреве земном, обратившись в камень, забудь о прошлом, не думай о будущем... Рана Риорда спала, но древний дух ее, жестокий и непримиримый, не мог забыть о прошлом, не мог отринуть дар предвидения грядущего. И потому Небесной Секире снились сны.

Прокляты те воды: заросли они чудовищной травой, сквозь которую не пройти судну ни на веслах, ни под парусом. И никто из мореходов, попавших в те сети из стеблей и путы из трав, не вернулся к родным берегам, дабы поведать, какие чудища обитают в гнилом море, в черной воде, в смрадном воздухе. И мы не ведаем о том, но знаем, что такие моря есть, и одно из них лежит к югу от Камбуи и зовется морем

Му. И это все, что нам дозволили рассказать боги, всевидящий Митра и светлый Ормазд.
Откровения и пророчества жрецов из
Храма Огня в Хоарезме

Глава 14. Море Му

Старый Хо, как выяснилось, занимал на "Алом Драконе" должность кормчего - и уцелел в побоище, к счастью для Конана, ибо других таких знатоков морского дела, столь же умудренных плаваниями и грабежами в трех морях, Кхитайском, Лемурийском и Уттарийском, на пиратском судне не было. По давнему кхитайскому обычаю его звали Хо-Третий, ибо в корабельной иерархии он считался третьим - после Предводителя Хо-Первого и старшего абордажной команды Хо-Второго. Но, кроме этих двух главарей, экипаж потерял еще семьдесят шесть человек, и потому три или четыре дня на верхней и на гребной палубах шел передел номеров, сопровождаемый почтительными поклонами и приседаниями, что не мешало соперникам иногда пускать в ход ножи. Однако кулаки Конана и корабельных старшин быстро помогли установить должную субординацию: несколько выбитых зубов, пара свороченных челюстей - и на "Алом Драконе" восторжествовал порядок. Теперь каждый знал свой номер и, следовательно, место в жизни; но капитан, Хо-Первый, дракон драконов Хо-На-Ла, пренебрегал древним обычаем, называя Хо-Второго то кормчим, то старым псом, а Хо-Третьего, Четвертого, Пятого и так далее - либо в соответствии с их служебными обязанностями, либо, по настроению, отрыжкой Нергала, шелудивыми ослами, улюдками Сета, недоумками, задницами, обезьянами, мочой черного верблюда и шакальным дерьмом. В миг гнева он поносил их на двунадесяти языках, но - что самое удивительное! - все отлично понимали, что хочет сказать дракон драконов, благоухающий цветок сливы, блистающий плод персикового дерева. А кто не понимал, старался не высовываться и не попадаться на глаза нефритовому светильнику справедливости, памятуя, что у драгоценного яшмового ларца терпение коротко, кулаки тяжелы, а меч долг.

Впрочем, он был к своим людям куда добрей, чем прежний их господин Хо-Первый, имевший неприятную привычку надрезать провинившемуся кожу на животе, запуская туда живую крысу. Крыс же на судне было что блох в псиной шкуре, и отличались они упитанностью, свирепым нравом и основательными размерами.

Упитанность и размеры представителей крысиного племени являлись чрезвычайно важным обстоятельством - во всяком случае, для Конана. В первый же день, когда он потребовал обед, ему были поданы сорок изысканных блюд на маленьких тарелочках, теснившихся на пяти подносах. Изучив их содержимое, киммериец вызвал Хо-повара, упитанного крепыша с узкими щелочками глаз.

- Что это? - он ткнул пальцем в одну из тарелок из драгоценного голубого фарфора.

- Кузнечики, о жемчужный свет милосердия.

- Кузнечики?

- Да, отец мой, да живешь ты десять тысяч лет! Саранча, жареная в масле. Прежний наш господин, Предводитель Хо, очень любил это блюдо.

- Оно и видно, - пробормотал Конан. - То-то он прыгал передо мной словно кузнецик... Ну, Нергал с ним! А это что такое? - он постучал кончиком ножа по тарелочке, заполненной клейкой буроватой массой.

- Ласточкины гнезда, мой перламутровый князь.

- Гнезда? А где же палочки и прутики, пух и перья?

Хо-повар меланхолически почесал толстую щеку.

- Это в северных и западных краях ласточки выют гнезда из палочек и прутиков, -

заметил он. - Наши кхитайские ласточки поступают иначе, о владыка нефритовых сокровищ... - тут повар, склонив голову, почтительно коснулся ожерелья, висевшего у Конана на шее. - Наши ласточки лепят гнезда из слюны, которая быстро окаменевает. И если ее потом размочить...

Конан топнул ногой - да так, что подпрыгнули пять подносов и все сорок тарелочек.

- Ты хочешь сказать, смердящий шакал, что кормишь меня слюнями ласточек?! А почему бы не верблюжьим навозом, а?

Устрашенный повар упал на колени и принялся кланяться, стукаясь о палубу лбом. Киммериец поднял его за шировот и продолжил знакомство с кхитайской кухней. Оказалось, что на иных тарелочках находятся растительные продукты, вроде салата из морской капусты, измельченных побегов бамбука и тертой редьки, на других же были яства животного происхождения - лапки лягушек в остром маринаде, пюре из червей, муравьиные яйца, желудок каракатицы и крупный паук, зажаренный целиком и украшенный розочками из вареной моркови. На отдельном же блюдечке лежала горка какого-то серого порошка, похожего на придорожную пыль и совершенно несъедобного на вид.

- Это размолотый кончик носорожьего рога, золотой сосуд щедрот, - произнес повар, опасливо косясь на Конана. - Чтобы твой благословенный чжао-лань был тверд и упруг, как ствол молодого бамбука.

- Не беспокойся о моем чжао-лане! - рявкнул киммериец, с тоской припоминая обильные трапезы на "Нефритовом Дельфине" в приятной компании купца Райзата. - Лучше скажи, что жрешь ты сам! И что ест команда!

- Конечно, не такие изысканные блюда, о дракон драконов, - с достоинством ответил повар. - Для команды готовится рис и рыба с соевой подливкой.

- Вот и подай мне того же самого, - приказал Конан, пиная тарелку с чудодейственным носорожьим зельем.

На рыбно-рисовой диете он выдержал пять или шесть дней, но потом ему захотелось мяса. К счастью, инспектируя корабельные трюмы, он заметил нескольких серых зверьков, метнувшихся за бочки с питьевой водой, и возликовал. В трюмы были посланы стрелки, и теперь Конан извлекал из крысиного поголовья двойную выгоду: во-первых, люди его тренировались в стрельбе в цель, а во-вторых на столе у него трижды в день появлялось свежее мясо. Его вкусы совсем не удивляли команду - ведь Хо-На-Ла был драконом драконов, а дракон, вполне естественно, не может насытиться червяками, морской капустой и ласточинными гнездами.

С точки зрения же Конана кхитайцы были странными людьми. И дело заключалось не только в том, что они присваивали ему пышные и малопонятные титулы и всякий раз, кланяясь и приседая, желали десять тысяч лет жизни; не в том, что если они не ложками, а заостренными палочками, годившимися, по мнению Конана, лишь для прочистки ушей; не в том, что пища их была скучна и на удивление однообразна; не в том, что носили они доспехи из бамбуковых пластин вместо добрых железных кольчуг; не в том, что прочее их облачение составляли широкие и короткие синие штаны, похожие на рыбий хвост. Более всего Конана поражала их покорность, и то, что ни один из них не собирался мстить ему за гибель Предводителя Хо и семи десятков сотоварищ. С такими обычаями киммериец раньше не встречался - ни среди пиратов, ни среди наемников или людей иного ранга. Кхитайцы, в отличие от всех прочих народов, казались ему приверженными порядку и древним нерушимым традициям, а традиции эти утверждали, что сильный всегда прав, а сильнейший

- прав вдвойне. И сильнейшему нужно подчиняться беспрекословно, что бы он не натворил, доказывая свои права на власть!

С одной стороны, такое мировоззрение лишало их инициативы, с другой было весьма выгодным для Конана. Кто бы еще отправился с ним в опасное плавание на юг, в мертвое море Му, грозящее забвением и мучительной смертью? Любой экипаж, особенно на разбойниччьем судне, тут же взбунтовался бы, и новому вожаку пришлось бы перерезать большую часть мятежников, чтобы устрашить остальных. Но кхитайцы были не таковы: их предводитель, яшмовый ларец мудрости, приказал - и "Алый Дракон Горы Сянь Цзя" тут же направился к югу. Без возражений и вопросов, без споров и противодействия, без криков и стонов! Конан еще не решил, следует ли считать это проявлением безумной нерассуждающей отваги или столь же безумного доверия к нему, к почтенному отцу и предводителю, которому лучше ведомо, как поступать. Постепенно он и в самом деле ощутил себя отцом всех этих узкоглазых и желтокожих людей, этого клана Хо, потомственных морских разбойников, отличавшихся немалой свирепостью в бою и, в то же время, покорно ожидающих, когда капитан взрежет им живот, запустив туда голодную крысу. В этом беспрекословной подчинении предводителю было что-то трогательное и детское, и Конан дал себе слово, что экипаж "Дракона" вернется домой. Он не хотел сгубить свое новое семейство среди гнилых вод моря Му.

Иногда он вел долгие беседы с Рана Риордой, то расспрашивая призрака о прежних временах, странствиях и плenении, то пытаясь выведать у духа, какая награда ждет его, Конана, потомка Отца Гидаллы, когда завершится необозримый путь от берегов Стикса и крепости Файон к неведомой земле за морем Му. Он полагал, что достоин самого щедрого вознаграждения - особенно за дни, проведенные на кхитайском судне, где ему приходилось питаться опостылевшей рисовой кашей, рыбой и жарким из крыс! За каждую съеденную крысу Рорта должен выложить по меньшей мере десять золотых - и не каких-нибудь иранистанских, а полновесных туранских!

Сейчас, когда путешествие подходило к концу, задумывался Конан и о том, как встретят его потомки Гидаллы, дальние родичи, обитавшие где-то на краю земного круга. Он вез им великое сокровище, могущественный древний талисман, способный оборонить их от многих бед, и мог рассчитывать на самую горячую благодарность. Наверно, его приветствуют вожди племени... будет выстроен почетный караул, сотня воинов в шлемах, похожих на витые раковины, со щитами, выложенными перламутром - такими, какие описывал Рорта... юные девушки, черноволосые, с синими глазами, поднесут ему чаши с вином... А потом будет пир! Пир, где подадут мясо оленей и кабанов, куски говядины с кровью, жареные бараньи ножки, пироги, колбасы и нежную копченую свинину! Он будет сидеть на почетном месте и насыщаться под трели флейт и рокот ситаров... или на чем там играют у потомков Гидаллы... И вино! Вино будет литься рекой!

А после пира его отведут в сокровищницу... Туда, где лежат богатства рода Гидаллы - созданное в Атлантиде, награбленное в Валузии, Коммории и Грондаре, заботливо перевезенное на южный материк... Мечи с изукрашенными самоцветами рукоятями, панцири из непроницаемой стали атлантов, золотые чаши и блюда, шейные цепи, сверкающие рубинами и изумрудами браслеты, расшитые жемчугом одежды, амулеты, дающие власть, силу и долголетие... И разве Рана Риорда не стоит всех этих сокровищ и пары красивых девиц впридачу? Стоит, безусловно стоит!

Каким же образом вывезти ему все эти богатства? Если "Алый Дракон" пробьется

сквозь заросли мертвого моря, особых проблем не возникнет - корабельные трюмы вместительны, а команда трудолюбива и покорна. Но если он окажется на южных берегах без корабля? Дадут ли ему судно потомки Гидаллы? И дадут ли экипаж?

А почему бы и нет? Разве не найдется в роду Южного Ветра трех-четырех десятков молодцов, которые захотят посмотреть мир? Взглянуть на земли, от коих племя Гидаллы было отрезано многие тысячи лет? Насытить глаза свои видом необычного, странного, удивительного...

И в этом, как он чувствовал иногда, заключалась большая часть его собственной награды - то, что уже было получено им. Не золото и серебро, не драгоценные одежды, оружие и кубки, а необычное, странное, удивительное... Это уже принадлежало ему: и буйные кабаки Базры, и путь, совершенный под знаменем Львов Таглуря, и вендийские джунгли, и развалины таинственного города, и благоухающий сandalом Прадешхан, и странствия на "Нефритовом Дельфине" и "Алом Драконе". Ему принадлежало все вино, какое было выпито за долгий путь, и все люди, которых он встретил - безразлично, плохие или хорошие; все, все они принадлежали ему, от рябого мунгана Саледа, распростертого мертвым в дорожной пыли, до прекрасной Оми Тана Арьяды, целовавшей его в своем княжеском дворце. И он помнил об этих людях и думал о них - но, разумеется, больше о тех, кто прилег к его сердцу - о Ние, Цветке, Который Распускается в Полнолуние, о старце Вадрапале, о прадешханской раджассе и купце Райзате. И воспоминания эти постепенно гасили другую память, тревожные и горькие мысли о погибшей Белит, о лишениях и неудачах, что выпали ему в Черных Королевствах, о мрачной стигийской темнице в замке Файон.

Странствуя, забываешь о прежних горестях и бедах... Воистину, эту часть награды он уже получил!

– Здравствуй десять тысяч лет! - провозгласил Хо-шкiper однажды утром. - И пусть твой благословенный чжао-лань, о котором мечтают десять тысяч женщин, будет блестать нефритовым светом в веках!

Конан, польщенный этим пышным пожеланием, вышел из каюты - вернее, с трудом протиснулся в низкую и узкую дверцу. Старый Хо следовал за ним по пятам.

– Мы пришли, о розовый цветок сливы, - провозгласил он, простирая руки к южному горизонту. - Дальше плыть некуда, если только твоя несравненная мудрость не подскажет мне, куда направить корабль.

Конан огляделся. Вся команда, Хо-гребцы и Хо-матросы, Хо-стрелки и Хо-слуги, Хо-повар, Хо-плотник, Хо-парусный мастер и Хо-рулевой, толпилась у бортов, висела на мачтах и реях, раскачивалась на веревочных трапах; и все до единого глядели на юг. Там привычную морскую синеву сменяла бурая стена, возносившаяся вверх на несколько локтей, но была она непохожа на скалистый берег или на грозовую тучу. Стена чуть заметно подрагивала под дуновениями бриза, шуршала и шелестела, и несло от нее явственным запахом гнили, застоявшейся воды и йодистых испарений.

Море Му! Скорей, не море, а джунгли, подумал Конан и махнул рукой Хо-кормчему:

– Паруса - долой! Посади своих бездельников на весла. Подойдем ближе и взглянем, нет ли проходов... - Он щелкнул пальцами, и сразу же подскочил еще один Хо, начальствующий над воинами. - Пусть люди оденут доспехи и шлемы, - распорядился Конан. - Поставь пятнадцать стрелков на носу и столько же на корме. Смотреть в оба и, если что, стрел не жалеть!

– Ты сказал, я слышал, владыка гнева! - согнувшись, Хо отбежал на пять шагов, выпрямился и начал распоряжаться. Не успел Конан разделаться с жарким из крысятины, как паруса были спущены, восемьдесят гребцов сели на весла, тридцать воинов встали наготове с луками, а остальные, не считая начальников и рулевых, разобрали трезубцы и копья. "Алый Дракон" неторопливо подошел к бурой стене и замер, покачиваясь.

Теперь Конан видел отдельные растения - мокрые снизу и сухие сверху коричневые стебли толщиной с мужское бедро. Райзат - или тот, кто рассказывал уттарийскому купцу легенды о мертвом море - не солгал: вода меж стеблями была черной, а сами бурые травы торчали вверх на десять-пятнадцать локтей, почти вровень с бортом "Алого Дракона". И никаких проходов вглубь этого леса из водорослей заметить не удавалось - ни с палубы, ни с верхушек мачт.

Хо-кормчий поклонился.

– Что прикажет дракон драконов, яшмовый Ци-гум?

– Грести! И поворачивай корабль! Пойдем вдоль этих зарослей.

– Куда, перламутровый светильник истины? На восход или на закат?

– На восход, пока не будет приказано иначе, - велел Конан и удалился в свою каюту, посвящаясь с Рана Риордой.

Дух явился - и был он на этот раз уже не столь бесплотным и туманным, как прежде. Видно, кхитайская кровь пошла Рорте на пользу - стены каюты уже не просвечивали сквозь него, лицо стало гладким, и серебристое сияние, окружавшее его подобно плащу, сделалось ярче. Быть может, силы в призрака вдохнула и близость к таинственным берегам, где нашли убежище потомки рода Гидаллы. Он стремился сюда долгие тысячелетия, и вот теперь был почти рядом. Лишь бурые водоросли преграждали путь.

– Мы у границ мертвого моря, - сказал Конан. - Я велел искать проходы. Может, ты видишь их? Тогда скажи, куда плыть: на запад или на восток?

– Безразлично, - ответствовал призрак. - Тут нет проходов, так что твой корабль может поворачивать хоть сейчас и двигаться к югу. Он подомнет водоросли и успеет пройти не одну тысячу локтей, пока не застрянет окончательно.

Конан насупился.

– Этого я не сделаю!

– Почему?

– Потому, что не желаю зря губить людей, ржавая железка! Мы и так прикончили треть экипажа!

Рана Риорда пожал плечами.

– Не сделаешь, и не надо. Силы мои крепнут, и скоро я смогу перенести тебя на юг без весел и парусов. А весла и паруса, и все, что к ним приложено, пусть отправляются домой.

– Что там, на юге? - спросил Конан.

Взгляд сапфировых глаз призрака внезапно смягчился, став задумчивым и будто бы грустным.

– Там - земля, объятая туманами, - сказал он. - Я чувствую, что она велика... хоть и не

столь просторна и огромна, как до Великой Катастрофы... Многие существа и твари населяют ее, и среди прочих - те, кто пришел с запада... те, кого я ищу... Не ведаю, в горе или в радости живут они там, но они ожидают меня... ожидают многие тысячи лет... - Он прикрыл глаза веками и продолжил: - Вижу я скалистый берег и высокий утес над ним, выше прочих утесов... вижу вершину его, голую и бесплодную, какой была вершина Айи... вижу алтарь из белого камня, приготовленный для меня... И стоит мне коснуться его, как я навеки запомню это место, и отыщу его всегда, и вернусь к нему отовсюду...

- Кончай пророчествовать, - прервал духа Конан, - лучше посоветуй, что делать сейчас.

Призрак колыхнул своим серебристым плащом.

- Я же сказал - плыви... Плыви, куда хочешь! Когда я буду готов, то позову тебя.

- Не нравится мне плыть без толка и смысла, - вымолвил киммериец. - Да и о команде надо подумать... Напрягись-ка и подскажи, куда плыть веселее и интересней.

Рана Риорда застыл на миг, потом сухо рассмеялся, словно коршун заклекотал.

- Не знаю насчет интереса, а вот выгоднее плыть на восток.

- Ну, значит я не ошибся, - сказал Конан и вышел из тесной каюты на палубу.

Он и в самом деле не ошибся, ибо к полудню над бурными зарослями были замечены обломки мачт. Конан велел поворачивать "Алого Дракона", спустить на канатах с обоих бортов людей с топорами и рубить водоросли; это был тяжелый труд, но еще до солнечного заката они пробились к чужому кораблю. Судно оказалось неимоверно старым, с трухлявым корпусом, державшимся на плаву лишь благодаря бурным стеблям, проросшим сквозь обшивку. Оно не походило на "Алый Дракон" с его плоским форштевнем и высокими надстройками на корме и носу, а имело более привычные для Конана очертания - обычный барк, вендиjsкий или иранистанский, перевозивший товары вдоль побережья и отогнанный ураганом в эти мрачные застойные воды. Экипаж, разумеется, был давно мертв, но в трюмах могло сохраниться что-нибудь ценное.

Когда абордажная команда, возглавляемая киммерийцем, ступила на борт, из дыр в сгнившем палубном настиле взмыла туча каких-то жутких тварей, похожих на огромных летучих мышей. У них были кожистые крылья размахом в пять локтей, длинные змеиные шеи и головы с маленькими злобными глазками; вытянутые клювы напоминали наконечник копья. С диким шумом, с хриплыми воплями стая закружила над "Алым Драконом", явно готовясь к нападению, но лучники, вымуштрованные в охоте на крыс, не дремали: прянули стрелы, вопли сменились визгом, и хищные летуны, оставив десяток трупов, устремились к югу. Проводив их взглядом, Конан решил, что происходят эти чудища наверняка с земли Му. Вероятно, на древнем материке были монстры и побольше, и поопасней, так что жизнь потомков Гидаллы вряд ли отличалась спокойствием. Подумав об этом, киммериец невесело ухмыльнулся, и картины торжественной встречи - воины в блестящих шлемах, девушки с чашами вина, обильный пир и сундуки с сокровищами - слегка поблекла в его воображении.

Что же касается вендиjsкого либо иранистанского судна, то свертки тканей и кож в его трюмах давно рассыпались пылью, как и тела людей, от коих остались лишь пожелтевшие черепа и костяки. Однако нашлось и кое-что ценное: сгнившие сундуки с серебряными кубками, светильниками и курильницами, изрядное число тонких золотых браслетов с колокольчиками - такие одевали во время представлений вендиjsкие танцовщицы, бронзовые жаровни на литых треногах, изображавших подъятых на дыбы тигров, львов и пантер, шкатулки полированной яшмы, украшенные накладками из серебра. Добыча была совсем неплохой и досталась без боя и крови, так что все старшие в роду Хо в один голос

прославляли мудрость дракона драконов, пока младшие перетаскивали добро на борт кхитайского корабля.

— Приветай, отец наш, — сказал Хо-шкiper, кланяясь и приседая, приседая и кланяясь. — Верно сказано тобой: осенью драконы летят еа юг. Воистину, верно! Кто бы мог подумать, что в этих погибельных водах, коими несведущие люди только пугали друг друга, окажется столько богатств! И лишь ты увидел истину сквозь мрак домыслов и лжи: если бури несли сюда суда, и суда те гибли, запутавшись в травах, то что же мешает в хорошую погоду добраться до сокровищ, сложенных в трюмах? — Старый Хо восторженно всплеснул руками. — И лишь одного не понимает твой скудоумный сын: почему это надо делать с началом осени, а не летом или весной?

Конан бросил взгляд на подсохшие верхушки бурых стеблей.

— Видишь, осенью эта мерзость сохнет, словно камыш на болоте, а весной или летом наверняка цветет в полную силу.

— Не понимаю твоей драгоценной мысли, источник нефритовых щедрот...

— Сухое можно полить маслом и поджечь, — пояснил киммериец. — Конечно, ту траву, что в воде, не спалишь, но хоть будет место размахнуться веслами... — он похлопал онемевшего Хо по плечу и приказал: — Ну, выводи судно назад! И пусть парни на мачтах поглядывают внимательней — может, что еще попадется!

Но больше яшмовому ларцу и князю доблести не пришлось ничем поживиться в могильниках моря Mu; когда солнце село и дракон драконов взлег на свое ложе, надеясь отдохнуть от дневных забот, перед ним возник Рана Риорда.

— Пришло время! — торжественно объявил дух. — Силы мои окрепли, и цель близка! Теперь мы можем оставить этот крашеный киноварью сундук вместе с его крысами и обезьянами и перенестись в желанное место — соизволением Древних Богов, Четырех Ветров и указующих дорогу светил!

— Кром! — буркнул Конан. — Я хотел бы сперва выспаться.

— А ты не забыл про награду? — вкрадчиво поинтересовался дух. — Скоро она окажется в твоих руках, потомок Гидаллы, ибо ты выполнил наше соглашение честно и нес меня по землям и морям. А теперь я понесу тебя... И куда быстрей, чем Шапшум, этот волосатый бурдюк с кровью!

Конан молча встал и принялся одеваться, размышляя, с чего бы это призраку припомнился Шапшум. Кутруб наверняка сожрал уже всех в Файоне и камни вылизал после обильной трапезы... Вряд ли они встретятся еще раз... Мир так огромен!

Он натянул шаровары, мягкие иранистанские сапоги, кожаную безрукавку, подвесил к поясу меч и кинжал, разместил за пазухой и за голенищем метательные ножи. Лука у него не было; лук остался на "Нефритовом Дельфине", забытый в пылу схватки. Ну, ничего... В племени Южного Ветра он выберет себе новый лук... и новую кольчугу... Наверняка оружейники атлантов столь же искусны, как иранистанские...

Затянув пояс, Конан выпрямился и взял в руки секиру. Ее лунное лезвие даже в темноте

сияло серебряным светом.

— Я готов.

— Сейчас... сейчас, потомок Гидаллы...

Рана Риорда, повернувшись лицом к югу, творил колдовские пассы. Вдруг плащ его затрепетал и округлился, словно парус под напором ветра.

— Сейчас, сейчас... - бормотал дух.

"Сейчас, сейчас, - думал Конан. - Сейчас Великий Северный Ци-гум, нефритовый дракон, яшмовый ларец мудрости, улетит... Будут ли дети его горевать о нем? Будут ли..."

Он не успел додумать мысль: мир разорвался перед ним и, спустя мгновение, соединился вновь. Каюта и корабль исчезли; он стоял на высоком утесе, и над его головой ярко светили незнакомые звезды.

Сны, насылаемые богами, видят и люди, и духи, но видят по-разному: людям чаще снится то, что было, духам же - и то, что было, и то, что будет. Есть и еще одно различие: люди запоминают сны и нередко способны отыскать в них зерна истины; духи с пробуждением сны свои забывают. И это мудро устроено Митрой, ибо, если б духи помнили свои сновидения, то знали бы все наперед, а значит, могуществом сравнялись бы с богами.

Сиридиум Немедиц "Рассуждение о снах, их истинной природе и их толковании "

Глава 15. Сны Рана Риорды

Глубоко, под слоем камня, под гнетом чар, под тяжестью забвение, спала Рана Риорда, Небесная Секира. Когда-то парила она среди звезд, потом корчилась в огне кузнечного горна, стонала под ударами кузнечного молота и, трепеща, приняла в холодную и твердую свою плоть бессмертную душу и вечный зарок. Была та душа не плохой и не хорошей, а единственno верной, и делился для нее мир лишь на хозяев и врагов. Хозяев полагалось защищать, врагов - убивать; в том и было предназначение Рана Риорды.

Но сейчас все это осталось в прошлом. Крепок чародейный сон, и нет поблизости элексира, нет волшебного бальзама, теплого, алого, живительного, который сумел бы разрушить заклятья. Спи в чреве земном, обратившись в камень, забудь о прошлом, не думай о будущем... Рана Риорда спала, но древний дух ее, жестокий и непримиримый, не мог забыть о прошлом, не мог отринуть дар предвидения грядущего. И потому Небесной Секире снились сны.

Гремел над ней голос, подобный грому, звучный, как удары колокола, мощный, как рев водопада:

– Что сделаю я из сего камня? Скую плуг, чтобы без устали, год за годом, бороздил он мягкую землю? Скую якорь, чтобы прочно держал он судно в грозу и в бурю, в шторм и в ураган? Скую чашу для масла и вина, огромную и сияющую подобно полной луне? Или скую цепь, нерушимые оковы для врагов моих пиктов, для вождей Валузии, Туле и Грондара?.. Но вспаханные добрые земли, и быстрые корабли с мачтами и веслами, и драгоценную посуду можно отнять, ибо ни плуг, ни якорь, ни чаша не защитят в годину бедствий; возложить же цепи на врагов своих можно лишь победив их оружием. А потому скую я не лезвие плуга, а лезвие боевого топора, не острие якоря, а губительное навершие секиры, не глубокую чашу для вина, а прочные кольца для рукояти - и обратятся те кольца, и лезвие, и острие в цепь и рабский ошейник для недругов моих!

Рана Риорда словно бы видела себя со стороны - такой, какой была она в первый день творения, какой вышла из-под молота прародителя Гидаллы. Гроздноискрилось и блестело ее лезвие, похожее на половинку серебряной луны, топорщился смертоносный наконечник, а на двух кольцах, приготовленных для рукояти, горели тайные знаки: крест, символ Четырех Ветров, и Семизвездье, указующее дорогу путникам и мореходам.

Голос, грохотавший над секирой, смолкал, потом раздавался вновь, проникая в холодную сталь, врубаясь нерушимым зароком:

– Отныне и впредь будешь ты узнавать мою кровь, мою плоть и руку моих потомков. Ты не предашь их, ибо карой станет развоплощение и гибель; ты не покинешь род Южного Ветра, ибо жизнь твоя будет зависеть от сыновей моих, внуков и правнуоков - только они дадут тебе то, чего ты жаждешь. Предсказывая, ты не обманешь их; сражаясь, не подведешь. Попав же к чужим, ты будешь убивать, убивать и убивать! Убивать, пока не вернешься к роду

моему и племени, в руки того, кто окажется старшим из моих потомков. Он насытит тебя, он тебя успокоит! Он повелит, и ты выполнишь!

В чужих руках - убивать! Убивать тех, кто завладел ею, убивать тех, против кого ее обратили... Это Небесная Секира помнила твердо. Даже во сне она жаждала крови чужаков, но особенно - стигийцев, унизивших ее плenом. Предвидя будущее, она знала, что получит их кровь, поглотит их жизни - многие и многие жизни. Но тот, кто подарит их ей, еще не родился.

Годы складывались в десятилетия, десятилетия - в века. Спала Рана Риода, и снился ей миг славы, пьянящий день победы; снился воитель Сархаб в чешуйчатом панцире из медных дисков и шлеме, напоминавшем причудливую раковину; волосы его были черны и блестящи словно полированный камень яхх, а в глазах, синих, как небо на закате, горела искра божественного огня. Снились ей стена украшенных перламутром щитов, подобных завитку морской волны, и лес копий, что раскачивался над ней; снились отблески солнца на бронзовых бортах валузийских колесниц и темные орды пиктов, бесчисленных, как галька на морском берегу, бурлящих, словно грозовые тучи, готовые пролиться каменным дождем. Снилось, как подняли ее сильные руки Сархаба - подняли и опустили, грянув, как молот о наковальню, на бронзу доспехов и шеи боевых жеребцов, на борта колесниц и валузийские шлемы, на щиты их, копья и мечи, на золотых змеев с раздутыми капюшонами, на пиктские черепа, ни пиктскую плоть и пиктское оружие. Сыщала она грохот ударов, свист и шипенье всасываемойстью крови; видела, как падают враги, устилая землю мертвыми телами.

Потом сны эти сменялись другими видениями, чудовищными и страшными. Снилось ей, как уходили корабли от берегов Атлантиды, плыли на восход и закат солнца, возвращались обратно и отправлялись вновь, груженые людьми, скотом, зерном, металлами и всем, что можно сделать из металла. Снилась грозная пора, день божьего гнева, когда дрогнула земля, и люди в ужасе и страхе мчались куда-то, гонимые жаркими ветрами, подобные неразумным тварям, ища убежища, спасения и тихого места, коего не было в тот миг нигде в мире. Снились ей сверкание молний, водяные валы и стены огня, рушившиеся горы и смерть, сомкнувшая черные крылья над теми, кто оставался на гибнущей земле Атлантиды. Снились чудовищные волны, разошедшиеся от затонувшего материка на все четыре стороны света; волны, что швырнули корабль Таванны, старейшего в роду Гидаллы, на юг, к берегам жарких Черных Земель. Снился сам Таванна и спутники его; все они приняли медленную смерть, высохнув под пылающим солнцем от голода и жажды. Вспоминались Рана Риорде и долгие годы, что провела она на мертвом судне, среди кусков гниющей ткани, среди обломков досок, среди ржавеющих цепей, среди высохших мумий, наполнявших корабельные трюмы.

Видела Небесная Секира тысячу лиц - лиц тех, кто передавал ее из рук в руки во время тысячелетних странствий по Туранскому континенту. Снились ей Рику, маленький рыбак-каброт, великан Гиромда, вождь лесных людоедов, Зала, предводитель себайо, Быстрый Олень и Кривой Коготь, Люди Травы, и многие другие, гирканцы и коринфяне, заморанцы и аргосцы, офорцы и шемиты. Она убивала почти всех; редко кому удавалось уйти от ее сверкающего лезвия, от четырехгранного острия. Стигийцы, однако, сумели... И их лица, лица трех жрецов, пробуждали в душе Рана Риорды ярость. Вернее, звук ярости, ибо в магическом своем забытьи Небесная Секира не могла ненавидеть по-настоящему и не могла покарать пленивших ее.

Но она знала, что наступит время мести! Смутный провидческий дар подсказывал ей, что заточение в каменном склепе неечно. Придет освободитель - могучий, широкоплечий,

черноволосый, с глазами цвета неба на закате, похожий и на Отца Гидаллу, и на Сархаба, и на Таванну... Придет! Она не ведала ни имени его, ни того, как будет называться племя освободителя, но знала, что в жилах этого народа будет течь капля древней крови, крови тех, кто пришел с благословенной земли Атлантиды. Одна лишь капля, но этого было достаточно! Достаточно, чтобы заключить союз с освободителем; достаточно, чтобы направить его к цели. Целью же был юго-восток, неведомый остров или материк, которого достигли уцелевшие суда сыновей Таванны. Там было последнее прибежище рода Южного Ветра, там обитали потомки Гидаллы, сохранившие чистоту крови, и туда стремилась Рана Риорда на протяжении тысячелетий. Но безуспешно... Не было героя, достойного ее, не было руки, которой она могла бы довериться!

Наступил миг, когда она почувствовала приближение освободителя. В зыбком мареве снов перед Небесной Секирой всплыло его лицо - суровое, грозное, как раз такое, каким оно и должно было быть; его черты говорили о родстве с племенем Гидаллы. Но главным являлась кровь! Теплая алая кровь, магический эликсир, способный разрушить чары стигийцев! Древняя кровь, над которой Сет и слуги его не имели власти; кровь, унаследованная в бесчисленной череде поколений от вещего Гидаллы и предков его, самих Древних Богов.

Рана Риорда видела, как крохотные струйки этой крови стекают на пол, просачиваются в трещины меж гранитных плит, преодолевают безумно долгий путь среди камней, щебенки, остатков растрескавшегося известкового раствора... Время словно остановилось, замерло; ничтожный алый червячок полз и полз вниз, к истлевшей в пыль коже, прикрывавшей некогда лезвие огромного топора. Вот красная капелька коснулась праха, напитала его, потом ушла в холодную сталь, в самую ее глубину...

И дух Небесной Секиры выплыл из объятий колдовского сна. Он был еще слаб, но знал, что кровь потомка Гидаллы придаст ему сил. Он ощущал, что человек, ожививший его, находится близко, где-то совсем рядом. Внизу? Нет, внизу была только мертвая скала...

Выше! Выше!

Почуяв кровавый след, призрачное серебристое облачко начало подниматься наверх.

Благословен платящий свои долги, не прощающий долга крови, не забывающий о долге благодарности!

В назначенный срок душа его уйдет на Серые Равнины в спокойствии и достоинстве, ибо нечему будет тяготить ее; и, пребывая в царстве Нергала, не будет она мучиться памятью о незавершенном, бессильно грозить обидчику за неотомщенное или сокрушаться о собственной неблагодарности.

Платите же долги свои! За кровь взыскуйте кровью, за любовь дарите любовь, только не оставайтесь равнодушными в мире сем, дабы не сожалеть и не принимать на душу свою лишних страданий по ту сторону жизни.

Из проповеди жрицы Иштар, Непостижимой,
Грозной и Любящей Матери, Возлюбленной Богов

Глава 16. Алтарь на краю света

Несколько мгновений Конан стоял, запрокинув голову и обозревая чуждые созвездия. Таких он не видел нигде - ни на крайнем севере, в Асгарде и Ванахейме, ни в Черных Королевствах, ни в бескрайней гирканской степи. И звезды, странные и непривычные, словно намекали киммерийцу, что находится он в иной земле, безмерно далекой от хайборийского мира, от городов его и лесов, от гор, равнин и рек. Даже небо тут было иным... А что же сказать о земле и море?

Он огляделся, но не увидел ни того, ни другого. Землю скрывала плотная пелена белесоватой и слабо светящейся мглы; этот туман колыхался и ворочался где-то внизу, и лишь вершины немногих утесов - таких же, как тот, на котором стоял Конан - торчали над непроницаемой облачной дымкой. Темные скалы причудливых форм, напоминавшие древние развалины, выглядели рифами в зыбком молочном океане; его неяркое сияние подсвечивало завалы камней и обрывистые голые склоны, бурье и трещиноватые, на которых не росло ни дерева, ни кустика, ни единой травинки.

Моря Конан тоже не видел. Туман колыхался слева от него, море же было справа, за отвесным обрывом скалы; оно рокотало внизу, швыряя волны на камень, шипело у подножия утеса. Звуки эти казались слабыми, отдаленными; вероятно, до поверхности воды была не одна сотня локтей.

- Алтарь... - проклекотал над ухом сильный голос Рана Риорды. - Положи меня на алтарь, киммериец.

Конан, с удивлением озирающий то непривычное небо, то белесую мглу, над которой руинами разрушенных замков высились скалы, очнулся.

- Алтарь? Какой алтарь? - пробормотал он.

- Алтарь перед тобой, потомок Гидаллы. Взгляни!

Да, это был алтарь, творение рук человеческих - белое пятно, принятое вначале Конаном за бесформенную каменную глыбу или клочья тумана. Он походил на большую чашу, удлиненную и слегка приподнимавшуюся к краям, вырезанную из белоснежного мрамора. Или алебастра? Впрочем, важно ли это? - мелькнуло у Конана в голове. Путь его завершился, дорога закончилась: он стоял перед каменной колыбелью Небесной Секиры, приготовленной теми, в чьи руки она жаждала вернуться.

Сделав десяток шагов, Конан подошел к алтарю и опустил огромный топор на каменное ложе. Оно оказалось как раз впору Рана Риорде: от пяты топорища до кончика четырехгранного острия насчитывалось шесть локтей, длина же колыбели была чуть больше - ровно настолько, чтобы сталь не царапала камень.

Послышался вздох - долгий-долгий, и над лунным лезвием всплыло лицо призрака. Не тело, только лицо - непривычно спокойное и умиротворенное, с полузакрытыми глазами, удивительно напоминавшее сейчас черты Конана. Губы Рорты шевельнулись:

- Они знают... они уже знают... они придут... скоро их руки коснутся меня... скоро...

- Когда? - спросил Конан, не потерявший еще надежды на торжественную встречу. Он приметил тропинку, что сбегала с вершины утеса в туманное марево; несомненно, ее протоптали человеческие ноги. - Когда? - повторил киммериец, положив руку на край алтаря.

- Скоро. Через два или три дня, - проклекотал Рана Риорда.

— Через два или три дня? Неплохая новость, клянусь Кромом! И я должен сидеть тут два или три дня?

— Нет. Ты закончил дело, киммериец, ты можешь отправляться.

Внезапный гнев охватил Конана. Как просто: закончил дело, и можешь отправляться! Интересно, куда: в пропасть слева или в пропасть справа?

— Я отправлюсь, — прощедил он сквозь зубы, — отправлюсь, Рорта... Но не раньше, чем получу свою награду! И не раньше, чем найдется судно, на котором я смогу увезти ее!

— Награда, — с усмешкой повторил дух. — Да, конечно, награда... Я обещал, и ты ее получишь. Но судно тебе не понадобится, киммериец. Я обрел все свои силы... я могу возвратить вчерашний день... во имя сохранения Великого Равновесия... могу перенести тебя обратно...

— Обратно? — Конан ощутил смутное беспокойство. — Ты о чем толкуешь, Рорта? Обратно я не хо...

Но было поздно: мир вновь разорвался перед ним, полыхнул слепящей вспышкой огня и соединился вновь.

Он стоял на каменном полу; вокруг несокрушимым кольцом смыкались каменные стены. В одной из них было узкое окно с выбитой решеткой, и сквозь него на Конана с насмешкой поглядывали бледнеющие предрассветные звезды — знакомые звезды, сиявшие и над Стигией, и над Кхитаем, и над всем хайборийским миром. У стены валялась охапка вонючей гнилой соломы, пол рассекала трещина в два локтя шириной, из сливного отверстия в углу тянуло застоявшимся смрадом, смесью пота, фекалий и мочи; высоко над головой, едва заметный в полумраке, темнел люк, надежно перекрытый крышкой.

Файон! Он снова в проклятой файонской темнице!

Злобно ощерившись, Конан ударил кулаком по стене, потом взревел, словно попавший в клетку тигр. Нижняя его губа была прокущена, но он не замечал струившейся по подбородку крови: ярость, безумная ярость владела всем его существом.

Проклятый ублюдок Нергала! Отродье тьмы, нечисть, шакалий помет, предатель, вонючая блевотина Сета! Клялся Отцом Гидаллой и Древними Богами, но обманул — так же, как обманывают все слуги мрака! Все подлые твари, что копошатся в нергаловой утробе! Все мерзкие маги, призраки, духи и колдуны! И лишь мгновенья не хватило, чтобы рассчитаться с ржавой железкой... схватить и швырнуть со скалы в море! Лежал бы там вместо алтаря, под слоем ила и камней...

Кром, покарай его!

Конан снова взревел и, выхватив иранистанский меч, в слепой ярости набросился на стену. Он рубил и колол ее, атаковал, как самого злейшего врага, сек и хлестал стальным клинком, пока тот не переломился у самой рукояти.

И вдруг за спиной киммерийца раздался знакомый клекочущий голос:

— Что, потомок Гидаллы? Эта сталь камень не берет, а?

Стиснув кулаки, Конан обернулся. Рана Риорда стоял перед ним — его двойник, с такими

же темными волосами, струившимися на плечи, синеглазый, с твердыми очертаниями подбородка и скул, с крутым упрямым лбом, на который падали черные пряди. Но было и отличие: лицо Конана искала маска гнева, призрак же был абсолютно спокоен.

— Ты!.. - он вложил в это восклицание всю свою ненависть, всю обиду обманутых ожиданий. - Ты!..

— Я. А ты ждал красотку-раджассу из Прадешхана? - на губах призрака заиграла насмешливая улыбка. - Она еще и не ведает о твоем существовании. Но узнает... - дух поднял глаза к потолку. - Да, узнает - дней эдак через двадцать.

— Ты издеваешься надо мной, проклятый вампир? - вытянув руки со скрюченными пальцами, Конан шагнул к призраку.

— Нет, совсем нет. Я же не раз повторял тебе, что, восстановив силы, смогу не только рубить головы врагам. И вот я вернул тебя туда, откуда все началось - в то же место и в то же время... ну, почти в то же... - Рана Риорда поднял взгляд к окну. - Видишь, солнце взошло... Мы с тобой уже в Иранистане, идем по дороге к городу... А тот волосатый бурдюк, что отвез нас на побережье, сейчас спешит сюда. Очень торопится, очень! Я думаю, сильно проголодался!

Постепенно успокаиваясь, Конан вытер ладонью испарину со лба. Гнев выходил из него вместе с потом; еще мгновение назад он был готов растерзать Рорту, хоть и понимал подсознательно, что призраку ничем не повредишь; теперь же киммериец был готов его послушать.

Итак, он снова очутился в каменном файонском мешке - правда, оконная решетка уже была выбита. Но он снова здесь, в семибащенном стигийском замке, на берегу Стиksа! Во всем этот был какой-то тайный смысл, который Конан никак не мог постичь; разгадка, однако, маячила совсем близко.

— Зачем ты это сделал, трухлявое топорище? - его голос звучал теперь почти ласково.

— Что? - Рорта в деланном недоумении приподнял брови.

— Ну, вернул меня сюда... и пришел сам... Для чего?

Глаза призрака хитро сверкнули.

— Помнишь, что я говорил тебе о Великом Равновесии? То, что взято в одном месте, должно туда же и вернуться - если боги не против. А они не против, клянусь Четырьмя Ветрами! Однако есть и еще причина... - дух помолчал, потом лицо его исказила мстительная гримаса. - Сказано: благословен платящий свои долги, не прощающий долга крови, не забывающий о долгे благодарности! Должен же я рассчитаться с тобой файонскими сокровищами, а заодно и получить свое со стигийцев! Кровь! Крр-роовь! Я долгов не забываю... Да и ты тоже, потомок Гидаллы! И этот Шапшум, волосатый боров... Мы втроем здесь славно повеселимся!

Конан кивнул; теперь ему было ясно все. Да, Рана Риорда не прощал долгов, и ради того, чтобы рассчитаться с ними, готов был повернуть вспять время!

Вдруг, словно в доказательство этого, перед киммерийцем возникла огромная секира. Первые солнечные лучи, проникнув в окно, заиграли серебристыми бликами на стальном лезвии; грозно топорщился четырехгранный наконечник, широкие кольца с тайными знаками обнимали темное древко... Она висела в воздухе перед Конаном словно напоминание о возмездии - возмездии, которое он должен был свершить.

— Возьми ее! - сказал Рана Риорда, и сильные пальцы Конана сжали топорище, вновь ощутив восхитительную тяжесть Небесной Секиры.

– Долго ли ты пробудешь со мной? - спросил он.

– Потомки Гидаллы идут ко мне - там, на юге... Когда они появятся на скале у алтаря, я должен ждать их... но до того дня еще далеко, целая луна! Ведь мы с тобой только начали свое странствие на восток!

– Целая луна... - пробормотал Конан. - Да за целую луну мы вырежем половину Стигии!

– Вполне возможно, - кивнул призрак. - Времени хватит. Ведь мы еще даже не отплыли из Базры.

Конан начал закреплять секири на спине, но вдруг остановился.

– Выходит, сейчас в мире два Конана? И две секиры?

– Выходит, так.

Пропустив один конец ремня над плечом, а второй - под мышкой, киммериец связал их узлом на груди. Секира привычно устроилась между лопаток - словно новобрачная, нежно приникшая к телу жениха.

– Жаль, что тот, другой "я", не увидит потомков Гидаллы, - сказал Конан. - Не поторопился ли ты, возвращая меня сюда?

– Не поторопился. Боги не любят суэты; сначала нужно кончить одно дело, потом - приниматься за второе. Долги же лучше отдавать не медля... Что же касается потомков Гидаллы, с коими ты не встретился на сей раз, так встретишься с ними в другой.

– Путь к южной земле не прост, - сказал Конан, поворачиваясь к окну. - Когда я там окажусь? И как?

– Окажешься, - произнес Рана Риорда. - Окажешься! Столь же неизбежно, как на королевском троне! Ты будешь...

Далекий грохот и людские вопли заглушили его слова. Пол под ногами Конана содрогнулся: похоже, где-то неподалеку рушились каменные зубцы стен, трескались брусья деревянных ворот, в панике и страхе кричали стигийские солдаты. Некоторое время киммериец прислушивался, склонив голову, потом решительно шагнул к окну.

– Дослушай же меня, потомок Гидаллы! - заклекотал Рана Риорда. - Я поведаю тебе нечто важное и...

Конан отмахнулся.

– Некогда, Рорта, некогда! Поспешим! Кажется, этот волосатый бурдюк уже прилетел и взыскивает долги. Поторопимся и мы!

Комментарии к роману "Конан и Небесная Секира"

Конан - варвар из Киммерии, вор, разбойник, авантюрист и великий воин, будущий король Аквилонии.

Гидалла - полубог, старейшина рода Южного Ветра, Великий Кователь, сотворивший Небесную Секиру.

Рана Риорда - Небесная Секира и её дух (на киммерийском "риорда" или "топор" произносится как "рорта").

Белит - погибшая возлюбленная Конана (см. новеллу Роберта Говарда "Королева Черного Побережья").

Джихан - брат Белит (см. роман Пола Андерсона "Конан и секира света").

Шапшум - кутруб-людоед (по-киммерийски - хейворк).

Салед Алиам - мунгал, наемный воин, ун-бashi (десятник) в отряде Львов Таглуря.

Таглур - иранистанец, предводитель наемников.

Ашакана - князь из Средней Вендии.

Сархаб - хранитель Рана Риорды, глава рода Южного Ветра.

Таванна - последний из хранителей Рана Риорды, глава рода Южного Ветра.

Рику - чернокожий пигмей из племени рыбаков-кабротов.

Гиромда - вождь лесного племени заласса.

Зала - верховный вождь народа себайо.

Быстрый Олень - молодой воин из степного племени Людей Травы.

Кривой Коготь - шаман Людей Травы.

Ния То Кама Судакха Пра Бон - Цветок, Который Распускается в Полнолуние, юная певица из Уттары, рабыня Конана Оми Тана

Арьяда - раджасса (княгиня) Прадешхана.

Вадрапала Те Ка Хонгай Но Квара - Орел, Парящий над Горными Вершинами, сан-па (градоправитель) Прадешхана.

Райзат По Ле Кинаба Сан - Тунец, Скользящий Среди Вод Морских, купец из Прадешхана и владелец "Нефритового Дельфина".

Те Ранг - придворный певец раджассы Прадешхана.

Сапхара - певец и поэт из Камбуи.

Хор-Анабас, Нем-Эхатон, Рамесис-Пта - стигийские жрецы, adeptы Сета.

Хо - клан кхитайских пиратов, экипаж галеры "Ле Ци-гум Си-са Сянь Цзя" ("Алый Дракон Горы Сянь Цзя")

- - -

Айя - высочайшая вершина в южной Атлантиде

Гирканский или Туранский материк - так назывался главный материк хайборийской эпохи (слитые воедино современные Африка, Европа и Азия).

Вендийское море - залив Южного океана; простирается между Зимбабве (на западе) и

Вендией (на востоке).

Уттарийское море - залив Южного океана; простирается между Вендией (на западе) и Камбуей (на востоке).

Лемурийское море - часть Восточного океана, омывающая восточные берега Камбуи.

Залив Пальм - обширный залив на западном побережье Вендии.

Файон - древняя стигийская крепость на правом берегу Стиksа, там, где река сворачивает к Западному океану.

Базра - крупный порт в Иранистане, на берегу Вендейского моря.

Айодия - столица империи Северной Вендии (см. повесть Роберта Говарда "Люди Черного Круга").

Прадешхан - город в Уттаре, на побережье Уттарийского моря, вблизи границы с Камбуей.

Сингла-Пурам - порт и город в восточной Камбуе, на берегу Лемурийского моря.

Вал Йета - или Вила Йетана, Страна Вод - озерная местность, располагавшаяся до Малой Катастрофы на месте моря Вилайет.

Великая Катастрофа - всемирное бедствие, во время которого погибли Атлантида, часть южного материка Му и другие земли.

Малая Катастрофа - произошла через пятьсот лет после Великой Катастрофы. Во время нее опустилась часть земель в центре Гирканского материка и на их месте образовалось море Вилайет.

Кутруб - джинн-людоед; женская форма - гул.

Раджас, раджасса - титулы вендейских и уттарийских князей и княгинь.

Кшатрии - каста воинов в Вендии.

Кью - первая (главная) жена у уттарийцев.

Ситар - музыкальный инструмент с шестью струнами и очень длинным грифом; распространен на Востоке, от Турана до Камбуи.

Тао-ли-ма - состязание быстрых умов и золотых уст (уттарийский); поединок певцов, музыкантов и поэтов.

Саранг - уттарийское одеяние.